

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

151

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 151

III - 1987

ВЕСТНИК РХД №151

III - 1987

LE MESSENGER

Édité par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве

*

Ответственный редактор: Н.А. Струве

Усл	
Цен	4001520
Чев	

издание

Русского Студенческого Христианского Движения

*

Адрес редакции: «LE MESSENGER», A. C. E. R.
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France

Directeur responsable: Nikita Struve

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

151

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001520

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 151

III - 1987

ОТ РЕДАКЦИИ

С тяжелым чувством...

И вот мы вступаем в исторический юбилей 1000-летия крещения Руси... Но как бы ни гордились справедливо мы смиренно-светлой русской святостью, надмирной красотой древних икон и церковей, всеобъемлющим гением Достоевского, религиозно-философским возрождением XX века, бесчисленным сонмом исповедников и мучеников, вступаем мы в этот год с тяжелым чувством. Никакие торжества, никакие медали и прочие побрякушки, никакие высокие речи не позволят нам забыть, что 70 лет назад крещеная Россия оступилась, отступилась и повернулась вспять в рабство греху и в дремучее варварство. На христианство в России обрушилась лавина ненависти и насилия, каких мир еще не знал. Образ Божий исторгался из людских сердец. Рушились храмы, жглись иконы, сбрасывались пласты христианской культуры. Чудом Божиим следует считать, что дело искоренения религии не было доведено до конца. В 1941 г. спасла война, а в 1964 г. — неожиданное падение Хрущева. Церковь выжила, но ценой каких потерь, каких компромиссов...

Тяжелое чувство особенно усиливается при чтении патриаршего послания,* поздравляющего паству с "великим праздником" (какое кощунство!) Октября. Десятилетиями (чтобы не сказать, увы, веками!) мы привыкали к покорности русской Церкви по отношению к властям (какие бы они ни были), но такого без надобности лживого и подобострастного выражения верноподданных чувств еще не приходилось читать.

Когда патриарх Тихон объявил, что он "отныне не враг советской власти", когда митрополит Сергей публично, в 1931 г., отказывался от мучеников, они спасали не себя самих, а надеялись облегчить положение духовенства и паствы. При Тихоне, по инструкции Ленина, священников расстреливали десятками; при Сергии — сотнями и тысячами. В 1948 г., в юбилейные торжества автокефалии, раздавались безудержные восхваления великому (никогда не меньше) Сталину, но тогда десять миллионов зека томилась в ГУЛаге. Даже Ахматовой в те годы пришлось, ради спасения сына, воспеть мудрого вождя... Но в наши дни? Когда

Copyright © Le Messenger. Paris 1987

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

головы не летят, когда в лагерях узники совести насчитываются даже не сотнями, когда сверху раздаются призывы к гласности, к пересмотру истории, к признанию, хотя бы частичному, совершенных ошибок?

В патриаршем послании ни слова, ни намека о гонениях в прошлом, о бесправном положении в настоящем, о каких-либо трудностях. "Свобода совести" (обязательный госатеизм!), "независимость Церкви от государственных институтов" (а уничтожение Церкви, а полный контроль над ней?) были установлены "великим" Октябрем. Вся 70-летняя история сводится к дружному — верующими и неверующими — восстановлению экономики после гражданской войны, к созданию мощного советского государства, к дружному отпору немецким захватчикам, к безустанной проповеди мира и разоружения.

Усилие нового руководства "по обновлению и преобразованию всех общественных отношений" объявлены "поистине титаническими"! (Хочется спросить — а в чем они конкретно сказываются, и почему, если все так благополучно, нужны такие нечеловеческие усилия?). Какая наемная, лукавая рука, пользуясь вероятно болезненным состоянием патриарха, сочинила на казеннейшем языке это послание, позорящее Церковь? Как могли все 7 членов Синода поставить под ним свою подпись? Как объяснить этот шаг назад, вразрез с политикой гласности, с возникшей надеждой на возвращение Церкви более достойного и свободного существования?

Почему "Наука и Религия" (№11 за 1987г.) говорит о мучениках науки (причем подчеркивая, что истребление началось не в 1937, а в 1929г.), а "Журнал Московской Патриархии" о мучениках веры малодушно молчит? Неужели этот юбилейный год пройдет без того, чтобы Церковь открыто, с амвона не вспомнила исповедников и мучеников, благодаря которым она сегодня жива?

Никита Струве

*) Послание патриарха Пимена опубликовано в №11 "Журнала Московской Патриархии" за 1987 год (перепечатано в "Русской Мысли" от 4 дек. 1987). Не менее тяжелое чувство вызывает в том же номере статья архиеп. Александра "Русская Православная Церковь в новых исторических условиях", в которой приводятся только верноподданнические декларации и нет ни малейшего намека на репрессии, даже в годы культа личности.

Богословие, Философия

О. МАТТА ЭЛЬ-МЕСКИН

СОКРОВЕННЫЙ АСПЕКТ РОЖДЕСТВА

Ожидание Царства

Новый Завет и христианство не стоят в оппозиции к Ветхому Завету и иудаизму. Новый Завет есть, скорее, возвешение Царства Божия и спасения всех людей, возвешение исполнения всех обетований и откровение всего от древности сокровенного — в Мессии.

"Иисус Христос сделался служителем для обрезанных — ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам, а для язычников — из милости, чтобы славил Бога, как написано: "за то буду славить Тебя, (Господи), между язычниками и буду петь имени Твоему". И еще сказано: "возвеселитесь, язычники, с народом Его". И еще: "хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы". Исаия говорит также: "будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут". (Рим. 15, 8-12).

В наше время Церковь стоит в мире среди народов как откровение и исполнение ветхозаветных чаяний Царства. Глава Христос владычествует и правит всемирным Царством спасения, на котором фокусировались все надежды Израиля с его пророками и установлениями. Это спасение теперь происходит через Церковь.

Развитие концепции грядущего Царства и прореченного пророками Мессии проходит через весь Ветхий Завет. Ко времени пришествия Христа сознательное ожидание Царства достигло зрелости

и напряжения. Вот почему, когда Иоанн Креститель начал свою проповедь покаяния и Царства Божия, вокруг него собирались толпы, каких не знало служение ни одного пророка до него. Мы видим это ожидание и уверенность в приближении его в заявлениях праведного Симеона и пророчицы Анны. Дух пророческий глаголет также устами Захарии, Елисаветы и Иоанна Предтечи, подтверждавших, что воистину приблизилось Царство.

Именно благодаря праведности и верности Иоанна, Христа в начале Его служения без колебаний принимали как Мессию спасения. Иоанн был совершенно честен перед собой и своими последователями, когда сказал, что он не Христос, почему его ученики, даже самые ближайшие, перешли от него к Христу.

Люди приняли Христа как Царя, как сына Давида, пришедшего для установления вечного Царства Мессии. Если Сам Он воздерживался от откровения Себя, то народ не выказал никакого колебания, когда собирался взять Его и силой сделать царем. Но Он уклонился от такого несовершенного и даже ложного понимания спасения и владычества Божия.

Все это показывает, как далеко вера в учение о грядущем Царстве проникла умы людей, не исключая и язычников. У простых людей всегда острее внутренняя чуткость к действию Божию, по пословице: "глас народа — глас Божий".

Чаяние грядущего Мессии и спасения было тесно связано с переживанием печали, изгнания и сурового наказания Божия, которое проходит через всю историю Израиля. Тосковавшие по спасению были как раз те, кто вкусил горечь изгнания, телом ли, душою или духом. Уже беглый взгляд на псалмы, особенно на пс. 96 ("Господь царствует: да радуется земля") и пс. 98 ("Господь царствует: да трепещут народы!"), показывает, как жадно народ ожидал, как усиленно старался распознать грядущего Царя сквозь тьму веков и событий. И не только псалмы, но и пророчества постоянно указывают на Царство Божье и Мессию, грядущего править землей по правде и истине, собрать народы под одним знаменем и ввести искупленных во двор Свой, где бы все служили Ему и славили Его.

Всякий раз, когда нравственность народа падала и сознание искажалось, когда столпы общества, т. е. его вожди, рушились и обстановка ухудшалась, поднималась надежда, что придет царь, который преобразит нравы и исцелит людскую испорченность. Пророчества иногда говорят более явно, что это будет Сам Бог,

Который будет править и поражать непокорных жезлом Своего гнева, Который истребит всех лицемеров единым дыханием уст Своих; Он будет вечным Отцом искупленных, которые будут прощены, и будет называться Князем мира на земле.

Наконец является Мессия и совершает все, о чем было написано. Евангелие передает, что Иоанн послал своих учеников к Христу спросить, не Он ли "Тот, Который должен придти, или ожидать другого?" (Мф. 11, 3). Иными словами, "Ты ли тот искупитель, спаситель, врач, Которому надлежит править в Израиле и покорить все языки и племена?" Иисус сказал в ответ: "Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне" (Мф. 11, 4, 6), т. е. "блажен, кто принимает Христа как грядущего Царя правды". "Мы нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета" (Ин. 1, 45).

Таким образом, духовный смысл Царства Божия в Новом Завете заключается в том, что оно есть драгоценнейшее наследие, переданное нам пророками, сладчайшая надежда, в которой предшествующие поколения жили и умирали. Оно было великим чаянием не одних пророков, но и учителей народа, раввинов, и всего Израиля. О вопрошаниях по поводу ожидаемого Царства можно судить по словам самаритянки: "Знаю, что придет Мессия, т. е. Христос; когда Он придет, то возвестит нам все" (Ин. 4, 25).

Явление Царства

Мы по обычаю бросим взгляд на рождение Христа, как оно случилось в истории, т. е. видимо, ибо Слово стало плотью и мы видели славу Его. Жизнь явилась, и мы видели ее своими глазами и осязали руками — Бог явился во плоти.

Вифлеемские пастухи получили знамение с неба и отправились в город посмотреть на чудо в вертепе: спеленутого Младенца, лежащего в яслях, о Котором было возвещено, что Он есть Бог, Который спасет людей от грехов. Пришли также волхвы издалека, ведомые небесной звездой, движимой силой свыше, для того, чтобы свидетельство о Спасителе мира обнаружилось помимо

Израиля, раз его учителя и вожди в то время оказались не в состоянии распознать Его и возвестить Его пришествие. Таков видимый аспект Рождества, его история.

Теперь посмотрим, что случилось невидимо в день Рождества Христова. На страницах истории и времени, как и в сознании апостолов, святых, да и всей Церкви, бесспорно засвидетельствовано, что Родившийся в Вифлееме точно был чаемый Царь, Спаситель, Искупитель, "имеющий ключ Давидов, Который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит" (Отк. 3, 7); "Царство Его несокруσιμο, и владычество Его бесконечно", как говорит пророк Даниил (Дан. 6, 26). Эти пророческие слова раскрывают иной аспект Рождества, где Христос есть исполнение обетования Божия о наступлении века спасения и о явлении на земле Царства Божия. "Ныне родился вам Спаситель", — возвещали небесные силы; "Где родившийся Царь Иудейский? Мы пришли поклониться Ему" (Мф. 2, 2), — говорили волхвы о Царе, с рождением Которого только и возможно было осуществление Царства. Уже в Благовещении мы слышим твердое ангельское уверение, граничащее с славословием, что этот Царь "будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца" (Лк. 1, 32, 33). Т. е. одна из тайн Рождества состоит в том, что прежние престолы были разрушены, а новые воздвигнуты; прежний век закончился и наступил иной, о чем так чудно воспела в Своей бессмертной хвале Пресвятая Дева: "Низложил сильных с престолов и вознес смиренных", "явил силу мышцы Своей" (Лк. 1, 52, 51).

Как удивительно, что возвещение спасительного Царства Христа имело место, еще когда Он находился в утробе, и неоднократно подтверждалось то ангелами, то Девой, а затем праведными Захарией и Елисаветой. О нем подтвердили в день Рождества небесные силы и волхвы, взявшие на себя труд долгого, утомительного путешествия ради того, чтобы увидеть Царя Иудейского и поклониться Ему, чтобы принести Ему дары, выражающие сущность их веры в Его Царство.

Центральный образ Христа в притчах о Царстве

Этот аспект Рождества, как пришествия Царства Божия, является его смыслом и сущностью. При внимательном чтении мы увидим, что он доминирует над всем содержанием Евангелия и даже всего Писания. Сам Христос Своими притчами ни на чем так не заостряет внимания, как на Царстве Божьем, с проповеди которого и началось Его земное служение. "И с того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" (Мф. 4, 17). И в последних наставлениях в течение сорока повоскресных дней Христос опять же говорит ученикам о Царстве (Деян. 1, 3). Притчами о Царстве полно все Евангелие: Господь объяснял и описывал необъяснимое и неопи-суемое Царство Божие, пользуясь всякого рода иллюстрирующими образами. Это говорит о важности концепции Царства. Однако никакая притча о нем, ни даже все притчи вместе взятые не могут выразить его, иначе Христу не понадобилось бы говорить о нем еще и после воскресения: оно остается вечно новым, ожидающим исполнения. Когда все наши слова и их смыслы о Царстве исчерпаны, оно все еще остается неопределенным. Оно есть жизнь, которую нельзя описать, а нужно пережить. Вот почему, сколько бы мы ни говорили о Царстве, мы никогда не подберем достаточно определяющих слов. Царство всегда остается чем-то, в чем душа нуждается больше, чем ум или воображение.

Родившийся от Девы Младенец внешне не отличался от обычного человека, хотя Его рождение окружали необычайные события. В представлении многих, не видящих в Христе более, чем великого человека, Он остается неразгаданным чудом, свято рожденным от девственницы. Чудо это рассматривается в категориях непостижимых загадок. Точно с таких же позиций люди воспринимали притчи о Царстве во времена Христа: многие видели в них просто притчи, заключающие в себе загадочную мудрость. И только в тесном кругу Своих ближайших спутников Христос прямо раскрывал их тайный смысл, где Он Сам являлся как бы субъектом притч о Царстве.

"Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так — что они видя не видят, и слыша не разумеют" (Лк. 8, 9, 10).

Внешне Христос воспринимался не более, чем гипербола пословицы или загадки, но для тех, кто имел глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, рождество Его раскрывалось в ином аспекте: Бог явился во плоти, родившийся Младенец раскрыл тайну небес, тайну державы, силы и славы Божьей и печать Его природы.*

Замечательно, что Бог снабдил скептиков и примером, чтобы упрекнуть их в неразумии — примером во свидетельство о непостижимости извне тайны Христа. Он был дан в самом начале в лице волхвов, пришедших с востока, издалека, чтобы поклониться Младенцу-Царю в Вифлееме. Глаза их были открыты, чтобы зреть Его звезду в небе, и уши их были открыты, чтобы слышать таинственный смысл видимого. Они все поняли и не воспротивились призыву послушно покориться виденному.

Таков Христос: тайна вместе видимая и невидимая. Можно удовлетворить себя лишь внешним видением: рассказом, максимальной, загадкой; но тогда в любом из евангелий не уйти дальше исторического Христа. Но для тех, у кого глаза и уши открыты, Христос и Его рождество принимают иной, не поддающийся чувствам смысл, который не вместить ни книге, ни человеческому уму, потому что Он Сам становится тогда как бы сокровенным содержанием Своих притч о Царстве, нескончаемым источником всеутоляющего видения, источником познания премудрости, превышающей всякий разум. Он есть пшеничное зерно Своей притчи о Царстве Божьем — зерно, заключающее в себе тайну смерти и воскресения, тайну алкания и насыщения.

Все вышесказанное имеет целью показать, что главным намерением Христа в беседах притчами о Царстве было раскрытие Самого Себя и смысла Своего рождества. Если бы мы внимательно проникли во все Христовы притчи, то нам в значительной степени открылась бы тайна Его Самого. Посылая учеников на проповедь, Господь в самом напутствии им показал, насколько проповедуемое ими Царство связано с Ним Самим:

"И послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти... И сказал им: Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков... И если придете в какой город и примут вас... говорите им: "приблизилось к вам Царствие

* Он явил "сияние славы" Божьей и "образ ипостаси Его" (ср. Евр. 1, 3).

Божие"... Если же не примут вас, то, вышедши на улицу, скажите: "И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако ж знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие". (Лк. 10, 1, 3, 8-11).*

Тайна Царства, раскрываемая в Младенце Христе

Правда, что Царство Божие есть державная сила, но вифлеемский Младенец показывает, насколько она спокойна, кротка и светоносна.

Правда, что Царство Божие есть система, институт, закон, но вифлеемский Младенец открывает нам, что их мощь взорвана изнутри любовью, состраданием, смирением и душевным самопожертвованием.

Правда, что Царство Божие есть разумная высшая сила, абсолютная божественная власть, небесная держава, своим величием вызывающая трепет, но то, что случилось в Вифлееме, раскрывает нам, что оно вместе с тем перестало быть чуждо человеческому роду, что оно снизошло до нашего зрительного и слухового постижения. Рассудком не объять вечного чуда Рождества, и все же оно случилось, и силы небесные возвестили его назначение: "Ныне родился вам в городе Давидовом *Спаситель*, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях" (Лк. 2, 11, 12).

Лежащий в яслях Младенец Христос открывает нам другую сторону Царства: будучи источником спасения, Царство Христа смиренно, крайне просто и кротко. В самом деле, как Младенец, Христос чрезвычайно прост, Его можно завоевать любовью, обнять и поцеловать, как любого ребенка. Бог выбрал этот образ Царства, чтобы показать его простоту и доступность. Или, лучше сказать, Царство стало доступно нам именно благодаря своей смиренной простоте. Оно вышло в наш мир Христом, рожденным не в царских

*) (Подбор цитат сделан переводчиком). Т. е. Господь посылали учеников в города впереди Себя как глашатаев *Своего* пришествия, таким образом проводя знак равенства между понятием Царства и Собою. См. комментарий в конце статьи.

чертогах, за высокими стенами и закрытыми дверями, оберегаемыми стражей и слугами, а во всем доступном вертепе.

Я глубоко уверен, что все, кто вкусил дара небесного (т. е. Царства. — *Перев.*) и сделался причастником Духа Святого, вкусили и "благое глагола Божия и силу будущего века" (Евр. 6, 4). Таковые опытно знают, как свободно дается небесный дар и как легко он доступен. Писание говорит, что "Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его" (Мф. 11, 12). Это та "сила", то "усилие", которые употребляют, чтобы обнять младенца, и их оказывается достаточно, чтобы низвести в сердце Духа Святого.

Всмотримся пристально в лицо Младенца Иисуса, лежащего в яслях, ибо в Нем мы увидим другую сторону Рождества: мы смотрим на Него, и он отвечает нам взглядом великой простоты и прития. Возьмите Младенца Иисуса на руки, чтобы познать, как легко Царство, хотя бы оно было ярмом или ношей.

Если вы действительно верите, что Царство Божие олицетворено в Иисусе Христе, то слушайте слова Его, как слова Самого Господа, когда Он связывает Царство с Собой. Он говорил о благочестивом человеке, который оставил все ради Него и Евангелия, а Евангелие есть проповедь Царства. В сознании учеников Христа эти две реальности были взаимосвязаны. "Когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины" (Деян. 8, 12).

Явление Царства Божия в силе

Невидимая реальность Царства Божия раскрывается на глубине в словах Господа "Царство Божие внутри вас есть" (Лк. 17, 21) и из ответа апостолу Петру на его исповедание Христа Сыном Бога Живого: "(Я) дам тебе ключи Царства Небесного" (Мф. 16, 19). Последняя фраза раскрывает, что вера во Христа есть ключ к Царству, что соответствует пророчествам о "ключе дома Давидова" (Ис. 22, 22; Отк. 3, 7).

Однако истина о невидимом Царстве оставалась смутной для многих, как, например, для простых благочестивых жен, служивших Христу. Мать сыновей Заведеевых, когда представился случай,

даже просила Господа посадить ее сыновей по правую и левую руку от Себя в Его Царстве!

Чувственное представление о грядущем Царстве и ожидание, что Господь внезапно откроется в нем, не было чуждо и атмосфере, в которой жили спутники Христа. Сила Христова в слове и деле уже сама по себе была проявлением Царства Божия, и потому Царство приближалось к ним после каждого чуда, пока оно не сделалось неотъемлемой частью их сознания. В конце концов они стали думать, что Царство вот-вот откроется, и по временам переходили от надежды к напряженному ожиданию. Поэтому Христос начал учить их притчами, что Ему предстоит еще долгий путь, прежде чем Он вернется, и что пройдет много времени, прежде чем откроется Царство: "Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться" (Лк. 19, 12).

Чувство острой необходимости спасения и явления Царства Божия через откровение видимого Царства Христа доминировало среди учеников и в народе вообще в течение последних дней Христа на земле, так что за неделю до распятия толпы кричали Ему: "Осанна! благословен грядущий во имя Господне! Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! Осанна в вышних!" (Мк. 11, 9,10).

Но крики толпы были преждевременны ровно на 57 дней, т. е. до Пятидесятницы. Сошествие Святого Духа в силе осуществило, хотя только отчасти видимым образом, Царство Божие. Спасение пришло свыше, Христос был явлен Спасителем и Искупителем и Царство Божие стало внутренней реальностью, наполнившей учеников, глаголющей их устами на всяком наречии, всякому народу, призванному к спасению. Именно к этому событию относятся слова Христа: "Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем" (Мф. 16, 28).

Славословие ангелов и молитва "Отче наш"

Но мы уже видели ангелов, возвещающих явление того же самого Царства в другом, более сокровенном образе в момент рождения Христа в Вифлееме. Слова их благовестия напоминают

приветствие детей в день входа Господня в Иерусалим — "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение" Рождества перекликается с "Осанна! благословен грядущий во имя Господне! Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! Осанна в вышних!"

Здесь очень важно проникнуть в смысл ангельского благоговения, в котором слава Божия в вышних связывается с миром и благоволением на земле. Что это, как не реальность воплощения, не сокровенная тайна видимого рождения Христа в скотском вертепе. Связывание неба с землей, видимого с невидимым, Бога с человеком — вот реальность Рождества. Подлинное явление Царства Божия среди человечества и есть Эммануил, что значит: "с нами Бог". А потому славословие в устах ангелов есть не просто выражение радости, но богословское заявление и откровение подлинного смысла таинства Христа.

Мы видим, что несмотря на воплощение Слова, т. е. что Единородный Сын Божий стал и Сыном Человеческим, несмотря на то, что "Бог явился во плоти" (1 Тим. 3, 16) и "в Нем обитает вся полнота Божества телесно" (Кол. 2, 9) — мы усматриваем в словах ангельской хвалы, что этот союз не упразднил небо или землю. Напротив, слава Богу в небесах продолжается, и в то же время, в силу этого союза, полнота мира и благоволения нисходят на человечество. Ибо союз этот в лице Христа не только не умаляет славу Божию на небесах, но и дает ей приращение от земли, завоеванной и обоженной смирением и снисхождением воплощенного Слова. Благодаря Его любви и искупительному самопожертвованию, союз этот несет мир и радость на исстрадавшуюся землю.

Значит весь смысл Царства и его явления заключается в том, чтобы человек стяжал на земле полноту божественного назначения и Его небесного благоволения. В этом же заключается и сущность Господней молитвы, которую Он вручил ученикам для молитвенного размышления над словами: "да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе".

Христос соединил в Себе волю Отца и волю человечества и сделал из них Свою единую волю и потому мог даровать нам великую благодатную силу, благодаря которой мы делаемся в состоянии исполнять волю Божью в нашей жизни на земле и непрестанно исполняться в глубине сердца призываемого в молитве Царства — через таинство Тела и Крови и по мере молитвенного усердия.

Вернемся к славословию ангелов. Оно представляет собой непреложное обетование того, о чем мы просим в молитве "Отче наш" и что несомненно будет нам дано, но дано в Господе Иисусе Христе. Поэтому, созерцая таинство воплощения Христова, мы уверенно просим: "да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе". Христос есть тайна высочайшей связи между небом и землей, между Богом и человеком.

Посмотрим на Христа Младенца, рожденного в вертепе. Внимем, как смиренно и просто Он вошел в мир. Но благодаря именно этой простоте и смирению мы теперь можем проникнуть по другую сторону чудесного Рождества и узреть Бога. Мы теперь можем ухватить мистический смысл воли Божьей и Царства, которое стало так же близко и доступно, как этот кроткий Младенец в яслях.

К примечанию на стр. 11.

Возвещаемое Христом Царство Божие не было установлением некоего особого, справедливого, с человеческой точки зрения, правопорядка. Никакой внешний правопорядок, который может определять только условия бытия, не способен изменить или заменить старую природу человека новой. Он может руководить внешним поведением человека, менять русло его духовно-душевно-телесных устремлений, сам будучи порождением этих устремлений. Возвещаемое Христом Царство направлялось как раз на перерождение природы человека, на его "рождение свыше", и потому должно было совершиться изнутри, а затем уже, как следствие, отобразиться вовне на его бытии: побуждениях, поступках, общественном правопорядке и т. д.

Рождение свыше является необходимым условием для принятия Царства ("кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия" — Ин. 3, 3, 5) так же, как новые мехи — для содержания нового вина, т. е. и содержащее и содержимое должны составить нерасторжимое целое, причем первое обуславливает второе и им в свою очередь окачивается, как тесто квасится, окачивается, закваской. Поэтому Царство Божие не есть только содержание, вливаемое в готовую форму, заменяя, окачивая, одно содержа-

ние другим; но, основываясь на учении Христа, Царство, ипостазированное в лице Самого Христа Богочеловека, лично: рожденный свыше человек олицетворяет царство и есть царь.

Царство стало вождленным предметом спасения человека от себя самого. Но человеку с поврежденной грехом природой такая задача была не под силу. Она была под силу только Богочеловеку — истинному Царству Божию, — в Котором Царству не отводилось лишь почетное место положительной мотивации поступков, убеждений, духовных устремлений, в Котором оно не только проникало личность, но было Лицом, именуемым Христом.

Царство так же трудно изобразить, а тем более выразить, как трудно словами передать живого человека. Никакие слова, сравнения, образы не в состоянии исчерпать живую личность, наполнить словесную схему жизнью. Поэтому притчи о Царстве только подводят к принятию Личности, Христа, в Котором человеку открывается опытное познание Царства, как творческая, всенасыщающая, блаженная, божественная жизнь.

(Перевела мать Юлиания)

Прот. Сергей БУЛГАКОВ (1871-1944)

ИЗ ПИСЕМ К Ю.Н. РЕЙТЛИНГЕР

Юлия Николаевна Рейтлингер (род. в 1898г.) — выдающийся иконописец, ныне живет в Ташкенте.

В Париже приняла монашеский постриг под именем Иоанна и была одним из самых близких людей к о. Сергию Булгакову. Он научался от нее иконе, но и ее богословски вдохновлял на дерзновение в иконописи.

Письма к сестре Иоанне, как все, что писал о. Сергей, чрезвычайно богаты богословским опытом и мыслями. Особо обращает на себя внимание его попытка заново, с применением к настоящему дню, сформулировать задачи христианской аскетики.

Письма печатаются по копиям, оставленным на хранение И.В. Зандрок-Оболенской († июль 1987).

1.

[Ялта, 1922г.]

... Ваше письмо, писанное около года тому назад, дошло таки до меня, хотя и с опозданием, но в нем не было адреса, теперь я его узнал и отвечаю. Все-таки хорошо, что Вы уехали согласно воле мамы (вспоминаю о ней с благодарностью и умилением) и теперь учитесь. Мне трудно представить тамошнюю жизнь из здешнего умирания — все-таки, верится, не к смерти, но к славе Божией.

Однако я все большее и большее значение в возрождении России отвожу той русской молодежи, которая там теперь учится для России — у нас ведь страдания есть единственная школа. Я знаю, что к этой-то науке и школе Вы и стремитесь, и точно, не надо бояться и бежать, если Бог судил, но если не судил, как Вам, то надо благодарить Его за милость, как надо благодарить за спасение от чумы или холеры. То, что мы переживаем, настолько значительно и трудно, что только один Бог знает, куда, зачем и как, — не мы. И это неведение в сгустившейся тьме — и все сгущающейся, и притом непрестанно отравляемой испарениями тления, и создает колорит всей нашей горемычной, а вместе с тем как-то трагически

прекрасной жизни, разумеется, последняя открывается только на мгновение очам веры, а остальная составляет атмосферу 24 часов в сутки. И сидя в этом пекле, я давно уже перестал коситься на пребывающих вне его или из него стремящихся, а для молодежи, не для напаливших, а затем удирающих от собственных дел отцов, но для детей — я положительно радуюсь и желаю, чтобы они учились, тем более, что у Вас есть единственная школа для *русской* молодежи, если только, впрочем, тоже для русской. Кстати, все-таки напишите мне (хотя спрашиваю вполне платонически), нашла ли бы возможность для Феди в Праге учиться рисованию или музыке, имея какой-нибудь паек или работу; справьтесь у моих друзей, ему сейчас снова угрожает военщина — пока же он жил с нами и служил. Сам я прожил в трудовом и трудном уединении, но очень значительно и важно для себя, так что не думаю, что я потерял сравнительно с тем, кто находится с Вами там. Ваша мысль, еле сказанная, но ранее почувствованная, о монастыре меня не удивила, но это или рано или совсем не то. Бесспорно для меня, Вы принадлежите Богу, и никто не может посягнуть на Вас, кольцо ревности божественной Вас окружает, но внешняя форма Вашего иночества еще творчески не найдена, и Вы не можете взять их извне как только формы, да это и не Ваши формы. Учитесь, проходите свой творческий путь, в нем творите себя, конечно держась за ризу Христову, упорствуя и спеша в сердечных думах о Нем и в молитвах Ему. Мне верится, что я еще встречу Вас в жизни, в важном и решительном. Впрочем, отнюдь не хочу пророчествовать, но и не хочу выпускать или отпускать Вас от себя, из своего попечения. Христос Вас благословит и умудрит. Привет сестре Вашей от меня и от моих, также как и Вам от них. Передайте привет моим московским и симферопольским друзьям, Б-м, И-ым и др. Сердечно Ваш пр. С. Б. Не забудьте нашего симферопольского храма, где вы молились с Вашей мамой.

2.

11/24. 8. 1929

... Были мысли об иконах, догматические. Икону нельзя понять вне софиологии, поэтому ее не поняли до конца и защитники, и догмат остается незавершенным. Не то говорят о портретах Христа, которые же невозможны, не то о схемах, а сами не пони-

мают, почему и как возможна икона, а главное, путают икону и религиозную картину. Если Бог даст жизни и сил, одна из задач моего богословствования — разъяснить смысл иконопочитания, он — софиологический.

"Образ" только потому возможен, прежде всего, что человеческий образ есть и Образ Божий, Первообраз, ибо человек и сотворен по Образу и подобию. Поэтому и Христос воплотился, воспринял человеческое естество не как чуждую для Себя и низшую одежду, но как Свое собственное лицо, только абсолютное, ибо не тварное. В Его лице единство вечного и тварного человечества — софийность. Обыкновенно же говорят, что изобразим, потому что воплотился, а надо наоборот: воплотился, потому что изобразим — единый Образ. Но до воплощения этот образ был "невидим", ибо принадлежал божественной области Софии нетварной, и затем, воплотившись, стал явен в Софии Тварной, т. е. воплотившись, это не значит, что стал человеком, им не бывши, им не бывшим, но показал истинного человека в человеке неистинном, тварно-греховном. И сила иконы не только Богочеловек, но человекобог, здесь античное человекобожие прямо (статуя) встречается с христианством (иконой). Но это относится к "образу", т. е. естеству, а есть еще Ипостась, которая "не видима" и невообразима, но она вселяется, вернее, соединяется чрез *освящение*, (которое совсем не введено в догматическое определение) и тем устанавливается различие между бездушным портретом и одушевленной иконой (последнее говорить боялись, потому что думали, что так получится идолопоклонство). А кроме того с тобой и на тебе я с радостью постигал, что преображение, софийную телесность Богочеловека как Человека передают не только формы и черты, но и краски, свет и цвет. Символика красок не только символично-орнаментальна, но реальна. Краски суть СВОЙСТВА Христова человечества, софийны, и они не подбираются по красивости (?), но зрятя. Краски суть софиословие, следовательно, богословие, суть идеи, жизнь откровения. Это я отвлеченно понимаю, но этому ты меня научаешь, Ты — богослов настоящий, софийный, — и я о тебе радуюсь, мой друг и товарищ...

Париж, 11/24. 8. 1930

Воскресенье после ран. литург.

... С праздником! Чувствую мир и свет в душе после литургии и воскресения. Только теперь могу ответить на трудные вопросы предпоследнего письма. Для медитации, т. е. для молитвенных размышлений я бы тебе предложил две мысли: 1) любовь Божия к миру и к человеку, и к тебе самой; 2) как нужно жить, чтобы вся жизнь была хождением перед Богом. Первая есть собственная тема моих молитв, из которых развилась сотница. Надо сознавать, что Господь создал мир и человека и для меня, и обо мне думал, и для меня вел народ свой, и для меня Сын Божий распинался, и обо мне в Гефсиманском саду молился, и вот эта связь моего личного существования со всеми судьбами мира в любви Божией есть чудо Божьего снисхождения к моему ничтожеству и Божьего смотрения. Эту тему можно разнообразить, конкретизировать, проводя радиус и диаметр из разных точек круга. Второе же включает рассмотрение жизни своей во всех ее частях и делах. Одно из них имеет прямое отношение к вере — молитва и церковь, другие — косвенное, но не должно быть ничего, что было бы совсем мертво, т. е. не имело так сказать религиозного коэффициента. Можно при этом заглядывать и в будущее, приготавливая себя к отдаванию воле Божьей.

Что касается центральной болевой, т. е. самой живой точки в вере, которая более всего приковывает внимание, то и для меня это не столько распятие само по себе, которое есть уже свершение, сколько гефсиманская ночь, оставленность всеми и Богооставленность, испытание веры, а с другой стороны, "не рыдай Мене Мати", т. е. убиенность: Христос страждущий от Своего человечества и тем страждущий в человечестве. Из этой точки теперь исходят мои религиозные борения. Но вместе и всегда свет Преображения и Воскресения, который немерцающе светит в христианской душе во тьме. Русь проходит через ночь пред распятием, муки нравственные сильнее мук телесных и даже физической смерти. Но без смерти нет воскресения. В России совершается воскресение Христа в своем человечестве, из мертвых.

Затем ты совопросничаешь, например, о магометанах. Конечно до Бога доходит всякая искренняя к Нему молитва, хотя есть разница между христианской молитвой ко Христу и магометанской

к Аллаху; небо дальше там. В деяниях Апостолов смотри обращение Корнилия, гл. 10. Думаю, что сюда же относятся искренние и честные коммунисты, которые соблазняются безбожным человеческим добром и не ищут своего, но зачем спрашивать об этом? Конечно они являются укором для нашей теплохладности и себялюбия, но в них есть ведь и ложные вдохновения сатанинские, — когда бес был Христом изгнан, то бесноватый лежал, как мертвый после своих прежних исступлений. Быт. 3-22 имеет смысл онтологический: Бог не дает человеку окончательного мироутверждения, чего хочет сатана: миробожия и бессмертия и увековечения этого состояния. Трагизм смерти и вообще внерайского бытия своей неустойчивостью и дисгармониями говорит человеку о небе, об его небесном жилище. Я не помню ... но и теперь моя молитва почему-то горячей о неведающих Господа по ослеплению, по лишенности своей — дети некрещенные и воспитанные без веры ...

... Вчера получил еще твое письмо, — вольнопоэтическое. Да, сейчас нельзя молиться, не думая о них и не молясь за них (вместо них). Ведь Господь не отвергает как дерзость это "вместо", тем более, что мы все связаны единством вины. Есть гордость фарисейская, избранных из избранного народа, и есть любовь ап. Павла, который бы хотел быть отлученным. Бог и Любовь к Нему — превыше всего человеческого — первая заповедь, но вторая заповедь — люби ближнего — дает какой-то обертон: не могу молить о своем спасении без них. Если бы наша молитва была пламенна, мы в ней находили бы ответ о смысле происходящего. Боже, спаси русский народ!

4.

14/27. 4. 1930

... Посылаю тебе эти мысли, конечно, неразвитые, но выношенные и существенные ... Еще к этому надо бы добавить об умном делании, о молитве Иисусовой. Насколько оно связано с нигилистическим аскетизмом, оно отпадает само собой, потому что теперь для нас могло бы сказаться духовным сластолюбием и эгоизмом. О достижениях этой молитвы, в частности о сведении ума в сердце и самодвижной молитве, не могу судить за отсутствием опыта, и это отсутствие для меня, конечно, компрометирующе

греховно, но и обессиливает. Однако не уверен, нужно ли за этим гнаться, потому что все-таки и это есть лишь частный случай, а не единый универсальный путь, и затем, не знаешь, сколько здесь духовного и сколько оккультного. Я только что перечитал "Рассказы странника" и нахожусь под их впечатлением, все обдумываю их. Но молитва Иисусова с ее краткостью и простотой и с обращением к имени Иисусову — это могу свидетельствовать даже по крохам своего опыта — она разогревает душу, и она как-то естественна (так, что — сказать ли? — перед Св. Дарами иногда наряду с личными молитвами и ею молишься, а также и пред причащением и после причащения). Этот пробел в моем опыте так обесценивает всю мою "аскетику", что я сам чувствую себя не свое на себя берущим. Но хотелось бы наметить грани (или главы) христианской жизни не по типу обычной (феофановской) аскетики, хотя она и верна как стадия развития, первые шаги на пути, а также и для монашествующих. Если хочешь, можешь эти листки оставить для себя, не рвать...

Благословляю

пр. С. Б.

Б.

4/17. 8. 1930 — Воскр. веч.

... Хочу тебе рассказать о впечатлениях ... Вчера была Н.Ч. из М.[осквы]. Ее рассказы меня так потрясли, что как будто забыл все свое лечение ... Есть литература ... в том числе о. Павла о Параклете (о Духе Св.) — мне ли писать рядом с ним. (Даже и заглавие мое предполагаемое), а потом сказал себе: значит есть Божия воля — когда я был рядом с ним, он давил меня своей огромностью, а ведь по существу опыт у нас, особенно теперь, различный и подхождение тоже. Как ты думаешь? Мне даже трудно понять, как мог он это теперь писать, но будто бы пишет, и пишет много. Это не сходится с показаниями М.А. В электронике делает открытия и пишет книги, удивляющие ...

6.

5/18. 8. 1931, High-Leigh

... Тебе нужно бодрости, смелости, жизнерадости вопреки всем судьбам. Не надо допускать ни духа уныния, ни духа слабости, ни духа истеричности, хотя бы физически она даже и была в издержках производства. Постарайся также восстановить дух молитвы и богомыслия, чтобы чувствовать и знать сердцем, что есть Бог над нами и, стало быть, и в нас и с нами, и мы — дети Его.

7.

(открытка)

24. 8. 1931

... Дорогой прочитал новую книгу Бердяева. По-моему она лучшая из всех его книг и многим мне близка. В частности, там есть глава о смерти, и об отношении к ней — совершенно мое (хотя, впрочем, он нигде моего имени не называет, может быть ревную, но не все ли равно). Да я об этом не писал...

Благословляю.

8.

28. 6 / 11. 7 1930, Royat

Злость есть всегда грех, сколько бы смягчающих обстоятельств она для себя ни имела, а специфическая нервозность есть *судьба*, т. е. эмпирия, с которой надо считаться и бороться, у каждого своя... Как я писал тебе и всегда говорил, к Богу мы обращены покаянием: блаженны нищие духом. Без покаяния нет богосыновства и истинного дерзновения, и без него самодовольство и самоутверждение, в котором также нет Бога. Быть может, в самом деле иметь явные, так сказать, греховные грехи для человека спасительнее, чем не иметь их явных, но, конечно, иметь их в глубине. Фарисейство хуже блуда и мытарства. И в конце концов грехи не существенны, если есть истинное видение себя в грехе, т. е. покаяние и смирение. Не грехи отлучают человека от Бога, если он кается, но самость. Надо иметь зрелый духовный возраст, чтобы без явных грехов видеть себя во грехе без этих вспомогательных средств, а

жгучая боль и стыд греха нас иногда исцеляют от худшего. Покаяние есть елей души, оно дает ей слезы (которых мы не знаем), оно ее смягчит и оно учит нас не судить и потому снисходить. Оно закрывает нам глаза на грехи других — нашими собственными грехами. Оно есть наша любовь к Господу, которого мы грехами оскорбляем. Оно дает нам непрестанное сознание тварности своей, которая изничтожается перед Творцом. Можно ли даже стремиться к безгреховности и праведности? Нет, к борьбе с грехами, к очищению сердца от них ради любви к Богу. Также не надо никакой корысти духовной: ни знамений, ни чудес, ни даже спокойствия совести, а надо только любить Господа и в этой любви находить всю опору и награду. Покаяние сердце наше и для любви к ближнему, потому что смиряющийся любит другого, потому что искренне может чтить его выше себя и потому что видит в нем страдающего сочеловека, создание Божие — Бога любить в человеке и любовь Божию к нам... И не надо искать особых путей духовной жизни, если есть покаяние, потому что оно и есть этот путь. Но покаяние спасительно только тогда, когда оно соединяется с молитвой, с разговором души с Богом. Мы разучились или не научились разговаривать с Богом на молитве, и отчасти причина этому наши молитвенники, содержащие в себе классические и боговдохновенные молитвы, но и заслоняющие от нас Бога. Поэтому надо отыскивать молитву *от себя*, приучать себя молиться Богу обо всех своих действительных нуждах, т. е. не как язычники, которые думают, что в "многоглаголании будут услышаны" (нечего молиться о готовке обеда, потому что Бог тебе это вверил, надо лишь благословиться, перекреститься и перед этим), но о трудностях, о задачах, о неясностях и ... о других, — надо молитвой учиться любви. В конце концов имеет прикладное значение, где и как молиться: в храме или дома, долго или коротко, лишь бы был этот разговор с Богом и отрыв души, отвод ее из этого мира Богу. Необходимо также Причащение. Господь дал нам себя, и надо питаться хлебом жизни. Разумеется, необходимо и таинство покаяния, разрешение грехов, смывание от них, но необходимее св. Причащение, потому что оно уже само учит покаянию.

Эти три: 1) покаяние постоянное, 2) живая молитва, 3) причащение — суть путь "духовной жизни". Имея это, нечего искать особых путей или руководства, потому что здесь, в этом искании, есть и от лени, и от любопытства, и от суетности. Пошлет Бог благодатную встречу, благодари Бога, чет — живи одна, потому

что не одна, но с тобою Отец Небесный, с тобою Христос и Дух Святой.

— И ко всему этому еще прибавляю — нечто анти-монашеское: надо любить, и не вообще любить, но в частности... Вторая заповедь подобна ей (первой): люби ближнего своего, как сам себя. "Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?" И мы имеем от него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего (Ио. 4, 20-21). Это закон общечеловеческий: любить Бога, любя ближнего своего, и нельзя возлюбить Бога, возненавидев ближнего своего. Чье сердце не открылось любовью и для любви к человеку, оно не открыто и для Бога. Какова бы ни была эта личная любовь: к матери, сестре, другу, жениху, мужу — все равно (т. е. может стать все равно). Важен опыт любви общей, путь любви; любовь вообще, т. е. абстрактная ("духовная") так же не есть любовь, как ноты не суть пение. На путь любви общей человек вступает через любовь личную, каковы бы ни были инсинуации о ней. Господь, возлюбивший мир и человека, имел личную любовь к матери, к Иоанну, к Марфе и Марии, к Лазарю — зри! И любовь Предтечи к Другу была личная, так же, как и Богородица к сыну.

И эти столпники и пустынники, которые бегут человека, они на самом деле или ранее имели этот опыт в своей жизни, обрезали им свое сердце, или же они суть деревянные люди "типиконики" (выражение матери Екатерины), или ханжи. Я не то говорю, что навсегда нужно удерживать личную любовь, — напротив, может быть путь восхождения от нее, и без нее (и, конечно, таковы именно пустынники и затворники), но нельзя быть евнухом, и евнушество, которое у нас слывет за монашество, не есть и любовь к Богу. И я думаю, что для монашествующих (в миру или в монастыре) также нужна личная любовь и дружба (мать Екатерина и мать Нина), ибо прав о. Павел — дружба есть церковь. Опять и здесь: могилы вместить да вместит восхождение, но восхождение должно быть от чего-нибудь. Сердце пламенеет любовью к Богу вместе с любовью к человеку, оно и одно и заповеди подобны, т. е. тождественны. Личная любовь есть отверстие духовных чувств. Конечно, я "подразумеваю" (как и вообще слишком многое, так и здесь) всю опасность превращения личной любви в эгоцентрическую, широкий путь к себялюбию, но мне хочется показать, что слепота сердца не есть его мудрость и закон. Отсюда, мне часто кажется, и возникновение этих двойных муже-женских монастырей,

которые были и закрыты лишь по соображениям педагогическим. Но интересно не это, что так понятно, но то, как они возникли и что это означало. И если видеть открытыми глазами, то духовно это всегда существовало и не может быть закрыто. Напротив, монашествующим должен быть свойственен и бывает героизм любви.

... Я писал В.А. Р-вой: это Ваше преимущество, что сердце Ваше уязвлено личной любовью, потому что через это оно открыто для Бога и мира, для страдания и для любви. Любовь самоценна.

9.

7/20. 7. 1931

Теперь о душевном и духовном. Ты, живя для Бога и духовной жизнью, но творчески осуществляя себя в иконном искусстве, имеешь право и, следовательно, обязанность (это по мере возможности) заниматься живописью, т. е., не только совсем духовным искусством, молитвы и созерцания, т. е. иконой, но и просто, т. е. душевным искусством (т. е., может быть, можно и даже должно на других путях, но не на этом). Но это совмещение должно иметь и более общее значение в смысле соотношения духовного и душевного. Часто у нас абстрактно противопоставляют духовное и душевное. Это, может быть, справедливо лишь в том смысле, что различаются люди духовные и не родившиеся духовно, не имеющие ока ума или органа духа и плывущие в настроениях, которых не умеют они отличать от духовного опыта, т. е. это справедливо вообще в отношении типов и степеней развития. Но это не должно быть понято в отношении умерщвления душевной жизни, т. е. личной жизни: чувств, движений сердца, мысли, чувства красоты, вообще жизни "души живой". Евнухи и сухие, душевно бездарные люди, конечно, вольны принимать за духовность свое собственное убожество. Но связь между духом и душой положена Богом нерушимая, и жизнь духа совершается в жизни душевной, ею питается. Для нас, за расстоянием, не различимы черты подвижников древности, и мы можем судить об их конкретной жизни лишь тогда, когда они проговариваются о ней (например Лествичник). Но лики преподобных Сергия и Серафима пред нами, они живые, в них душевность их, страстность (в добром, безгреховном смысле) кипит и согревает и дает постоянную пищу для их духовного огня. Поэтому речь может идти

не об истреблении душевности, но об ее гармонизации, об аскетике ее, о руководстве духа, как перводвигателя в человеке. И потому, насколько душевность есть вообще сила жизни, человек не должен быть слаб, дрябл в области, ему данной, но силен. Посмотри-ка, какие преподобные-то силачи! Настоящие сверхчеловеки, хотя и без Ницше (кстати, этот зов надо ценить и в Ницше). Аскетика в отношении душевности должна быть подобна очистке ветвей у садовника: срезаются сухие, т. е. пустые, бесплодные ветви и даже плодоносные, если они чрезмерно обременяют ствол, но чрез это освобождаются силы для произрастания ею и нужных ветвей. Конечно, аскетизм — это искусство своей собственной жизни, экономия сил и возможностей, и в нем мы постоянно учимся не только как, но и что (между прочим, поэтому лучшие монахи те, сердце которых было ранено любовью и немного кровоточит, как срезанная ветвь: напрягается душевность). Может быть и бывают по плоти ангелы, скопцы по рождению (однако не евнухи), как о. Иоанн Ш., но они и сохранили известную наивность немудрую.

Живопись есть душевное искусство, в котором, однако, как в искусстве вообще, открывается софия, конечно, в низшей сфере тварности. Для одних опыт искусства, жизнь в красоте есть восхождение к духовному (только задержка здесь означает язычество, правда, с его благочестием). Для других же это есть новое откровение на пути духовном. Так и для тебя полнота жизни художницы входит в полноту духовного пути. Эту полноту имели — не могли не иметь — и Рублев (и Дионисий), Беато Анжелико. Телесная жизнь имеет право на существование и на внимание. Нельзя разрушать тело и в аскетизме, хотя надо уметь надевать на него узду. Но тело имеет право на существование в красоте. Для нас это опошлено модой и под., и мы не понимаем той истины о человеке, которая существует в отношении к телу (и в моде). Тело должно соответствовать духу, а не быть само по себе, безразлично. Это соответствие может быть различно: у тех полусказочных полуварварских аскетов, которые стояли в болоте, отдавая себя комарам, или на столпе, которые не мылись и, очевидно, так пахли потом, что к ним свежему человеку невозможно было приблизиться, в этом была своя героически-варварская аскетика — покорение тела. Это подобно тому, что в противоположной крайности какой-нибудь силач-боксер нагуливает себе уродливо развитые мускулы аскетической тренировкой. Это его духовное достижение. Но тело и у них, у аскетов, и вообще не может быть ни безобразно, ни

просто безобразно, так сказать, нигилистическим. Нигилизм, пустота есть как раз то, что недопустимо ни для тела, ни для души — принципиально (фактически он неизбежно наличествует у каждого из нас вследствие ограниченности и потому односторонности, причем нередко и небрежность есть стиль). Ведь монахи же облачаются в монашеские одежды, величественные и прекрасные по замыслу, а не в рогожу. Для каждого человека дан свой собственный стиль тела, который отчасти находится инстинктивно, отчасти сознательно, и, будучи ненадуманым и даже небрежным, он может стать эстетически соответственным. (Ведь могут же быть разные сочетания красок и колорита, и по-своему могут быть красивы и синее море, и грязная лужа). Но одно недопустимо не только эстетически, но и духовно: активное безвкусице, активная бесформенность неряшливости. Поэтому, между прочим, это верный признак упадка духа или его извращенность, и прозаизм и безвкусице церковного уклада в разные времена соответствует и состоянию жизни духа в них. Тело тоже духовно, принадлежит жизни духа. Поэтому я думаю, что найденная тобой для себя аскетическая эстетика тела (если освободить ее от приражений и искушений, которые всегда человеку свойственны) духовна, не может не быть да и всегда была таковой, даже и до христианства; и в лучшие времена Церкви (откуда у нас эта церковная лепота и пышность, которая теперь вырождается в чванство). Вся особенность в том, что ты сама для себя это создаешь, а не принимаешь уже готовую за отсутствием или за неприменимостью к твоей жизни. Думаю, что современная спортивность ("физкультура", ритм, гимнастика, вообще узренные и почувствованные возможности тела) останутся и в христианстве, конечно, соответственно преображаясь в нем. Уже нельзя позволить себе быть уродливо распушенным, но надо быть подобранным. (Одевать свою сутуловатую спину и широкое брюхо широкой одеждой!). В этом смысле мы в возрождающейся античности, в которой человек увидел и почувствовал красоту своего тела, его иконность. И в известном смысле надо уметь видеть и чувствовать свое тело, так сказать в третьем лице, видеть в нем духовно-художественную задачу. Конечно, здесь один лишь шаг до кокетства и "моды"! Но дело не в этом, а в том, что человек есть воплощенный дух, живущий в теле. Есть иерархия жизни, и духу принадлежит ведущее значение, но надо знать и чем он руководит. Конечно, все это делает современную духовную жизнь более сложной, но надо правду сказать —

мы не можем внимать аскетическим урокам всяческого нигилизма, которые находим в руководствах по духовной жизни, мы просто перестали их читать.

10.

13/26. 8. 1931

... Любовь ко Христу, в одиночестве или среди людей находящаяся, никогда не призрачна и не бессильна, хотя, может быть, и слаба. Как любить, как учиться любить? Не соразмерна ли любовь жертве для нее, — жертве собой внутренней, усилием, и жертве внешней, усилием движения к людям. Мысль о "retraite" творческая и правильная, только я не знаю, найду ли я в себе силы на это и осуществимо ли в рамках нашей жизни. Это ведь особая конференция, но без проблем, без кипения, а в тихой душе, молитве, совместном стоянии пред Богом. Это требует сил и вдохновения. У католиков (да и у англикан) есть и техника. Надо бы подумать. Как-нибудь на прогулке поговорим. Пирамида — да, но мало, потому что эта черта между видимым и невидимым не непроницаема. Напротив, она снимается в известной степени верой. Очень важна и трудна тема о вере и неверии. Как показывать, как заражать ею? Это сила первохристианства и радость его, дар Божий. Можно ли это делать преднамеренно? Думаю, что нет. Можно только верить или не верить, и это имеет (или не имеет) убедительность очевидности. Но во всяком случае не для всех, потому что нужно встречное движение собственного сердца. В сердце должна быть крепость веры, в которую можно надежно укрыться, но... "Верю, Господи, помоги моему неверию". Вера не достигнутое, а достижение, всегда напряжение и борьба. Что вера есть погружение в дух, следовательно, в свободный дух ведения, которого нет у внешних и к которому их надо приобщить. Как? Только фактом самого себя, который может быть столько убедителен, как и внешняя природа. В глубине духа встречаем дух Христа. Это есть встреча, и ведение, и источник жизни, воплощения, творчества. Отсюда, думается, путь к культуре. Овеществление же получается, когда ток прерывается, из акта получается лишь продукт, в котором хотя и необходимо осуществляется акт, но он не становится самозаконным. ...

Надеюсь, что получила мой набросок росписи. Благословляю.

Да хранит тебя Господь. Надвигается голубизна Успения Божией Матери...

11.

Среда 9/22. 4. 1931
St Luke's Vicarage,
Tavistock Road W 11

... Когда я пишу эти строки, думаю, что Н. А. уже нет в живых, и может быть именно сегодня его предадут земле. Да упокоит Господь его мятущуюся душу, которую Он взыскал Своею милостью и благодатью и дал ему поистине христианскую кончину. В последнем твоём письме изображается уже агония — когда еще умирает тело, а земная жизнь души уже прекратилась, и происходит таинственный и страшный процесс разлучения души с телом. Господь судил, чтобы меня не было в эти дни и часы... Господь судил, что и последнее расставание совершается в мое отсутствие. В моем сердце, конечно, больно отозвался твой стон в последнем письме, что если бы я был здесь, все было бы иначе. Но я никогда не предполагал и никак бы не мог приехать даже в четверг ... когда все равно уже поздно. Вижу в этом и суд Божий над собой: я слишком много, а главное, страстно судил его при жизни и тем грешил против него и, конечно, против себя. Я считаю за особую милость Божию, что он допустил мне совершить над ним таинство елеосвящения (и этот елей от меня вы, надеюсь, влили в гроб, как мое напутствие). А если и нет, то это было наше церковное примирение, которое завершилось любовно-христианским отношением в последние дни. Уезжая, как ты помнишь, я попросил у него прощения и расстался с ним примиренный этим. Но, конечно, нам недоступны судьбины Божии. (Мне, по грехам моим, не дано было быть при кончине папы и мамы). Мне даже трудно было бы самому его погребать, потому что я слишком близко связан со всеми вами, а близкие только в случае исключительной необходимости совершают отпевание. Конечно это слабое утешение. Да укрепит и утешит вас обоих Господь в эти торжественные дни. Верю, что последние дни его были озарены таким нездешним светом по молитвам Л. Н. и отшедших чад ее, но и твоим подвигом и молитвами, как и сам он это чувствовал. ... Ты можешь расстаться с ним в этой жизни с чувством исполненного долга.

А все неизбежные между людьми трения должны быть отнесены на счет человеческой немощи... Странники на этой земле ищут пути, обычно, кружась в разных противоположных направлениях, до тех пор, пока не дано им единое на потребу, которое так близко и так просто. Твой папа метался в жизни в разные стороны, но неутомимо искал и жил, и ему было дано. Господь милосердный да упокоит его душу и нас помилует. ...

12.

(открытка)

Четверг 20. 8. 1931, High Leigh

... Здесь у меня житие — изнемогаю, но держусь, даже сегодня держал речь. ... Желаю бодрости и вдохновения. Бог есть жизнь и любовь, и то и другое одно и то же. Благословляю.

О. С.

13.

28. 7. 1935, Blymhill

Пишу из деревни. Бог помог Вашими общими молитвами, и конференция увенчалась духовным успехом, лучше чем принятие моего *proposal*, как-то чудесно. И держался я физически какой-то нездешней силой, силой молитвы любящих меня. Скажи это и В. А. и Е. А. ...

... Я думаю, что нам лучше всего поехать в деревню. Вчера я здесь видел такой дивный закат, и это вечернее освещение, когда вырезан в воздухе каждый отдельный лист, что как-то захотелось этой простоты. Благословляю. Храни тебя Бог.

О. С.

14.

(вырезка из письма, без числа)

... Я в общем живу уединенно и сосредоточенно, рабоче. Стараюсь молиться, хотя как трудно молиться. Молиться же надо, кроме друг о друге, о России, о русской Церкви, и о неверующих и гонящих там Христа. Может быть это отголосок мыслей об Иуде.

... Только что вернулся Сегодня ночью в пути думал ... о плане росписи.

Мне казалось бы, вот какой Христософийный план:

Если на этой стороне распятия не будет, то можно на обеих сторонах лишь по три. А если будет распятие, то придется VII поставить сошеств. св. Духа и лишь VIII – Успение.

<i>просл. Богом.</i>	<i>просл. Христа</i>	<i>просл. тело</i>
<i>Усп. Б. М.</i>	<i>Вознесение</i>	<i>Воскресение</i>
VII	VI	V

SAPIENTI SAT

Слава Бога – Человека

I	II	III-IV (?)
<i>Благовещение</i>	<i>Крещение</i>	<i>Преображение</i>
<i>(Богоматерь)</i>	<i>(Предтеча)</i>	<i>Слава</i>
	<i>Пятидесятница</i>	
	<i>Христа</i>	

Предтечу можно и в явлении Христа, но ведь нужен *народ*, а это нежелательно. Крещение есть момент в прославлении человека в Богочеловеке, а явление народу – Агнца.

Сегодня ночью увидел, что один отдел книги будет: Агнец...

... Только что увидел твое письмо и в нем план, но спешу это отправить, и читать некогда. Я потому против таких сюжетов, как "воскр. Лазаря" или "Вход Господень в Иерусалим", что это вносит быт, сказки людей, а между тем нужна лишь одна богочеловеческая символика сюжетов и красок, особенно при таком размере.

Относительно устройства шпалер согласен.

Сижу в Лондоне проездом и хочу поделиться своими впечатлениями, пока не остыли. Мне тяжело даются такие большие международные съезды. Во-первых, из-за языка. Я скован, и чтобы что-нибудь сказать – мне надо написать и читать по бумажке, что, конечно, не может не утомлять и не раздражать. Во-вторых, моя застенчивость, которая становится прямо мучительной; я совсем так, как Сережа, и принимаю как милость, что мне дают слово, которого я прошу раз-два (на этой конференции всего один раз). В-третьих, личное, что всегда гложет душу, особенно среди хороших, но детей, ищущих как бы им посмеяться и с восторгом ржущих о всякой глупости. В-четвертых, мне неизменно приходится юродствовать за православие, не только своим личным видом, но и исповедничеством, опять о Богоматери, особенно ввиду равнодушия, малодушия и вообще паршивости православных, которые всячески приспособляются. И в-пятых – и это самое главное – ввиду какого-то безнадежного, глухого одиночества: здесь в религиозном смысле детский сад, такая элементарщина, – в протестантизме и православии, по тебе известному состоянию, что я со своими подлинными идеями, за которые ты говоришь о моем пророческом служении и которое я сам так в себе сознаю, оказалось каким-то жалким недоразумением с претензиями, а то и просто провинциальным ничтожеством. Никто не поддерживает, не понимает, не интересуется. И получается "contradictio in adjecto": пророк-трус, пророк без голоса, пророк-ничтожество. ... Конечно в этом есть судьба всякого, кто стоит над своим временем, но ведь это же бывает и при маниловской мечтательности. И есть такое чувство, что только в глубинах православия (конечно, не казенного), среди русских, да и то только нескольких человек, есть язык, есть понимание, есть этот огонь. Какая жуткая наша единственность и бессилие ... несомого историческим ветром. И в конце концов ... Пусть бездарны мы ... но то, что нам открывается в видениях, это о Боге и от Бога. ... А пока что показываю кукиш в кармане и слоняюсь по конференции робко, застенчиво пытаюсь заговорить то с тем, то с другим. Правда, этого чувства у меня совсем не бывало на англо-русских конференциях, где я занимаю место в первых рядах, а не в этом пестром сборище. И даже спрашиваю себя: нужно ли мне, старому, таскаться?

Может быть, уже пора и перестать — но нечем смениться, а может быть, как старой актрисе, и не хочется сменяться и сходить со сцены. Однако, с другой стороны, надо держать связь, потому что это символически (да, конечно, и совершенно реально, потому что действительно видишься с людьми из разных мест, всех узнаешь, получается все же вселенский опыт). Все-таки не уверен, поеду ли в будущем году (можно ли вообще загадывать?), потому что съезд будет уже не три дня, а неделю, в Германии и, по-видимому, без особенно значительных тем. А Всемирная конференция сама в 1937 (!!!) и ведь это к ней мы готовимся. Одним словом, на лексике одной из привычных пословиц детства: пророк на печи промок. А вместе с тем тянет к тишине, к сосредоточению, к работе на свою тему; надо кончать, подводить итоги, договаривать, хотя и ... в бутылку. Это "в бутылку", может быть, есть утешение-малодушие. Я уже не раз видал случаи, когда многолетние труды просто погибали, как никому не нужные. Правда, они не притязали на "пророчество", но бывали умны, даровиты и честны, а не мое дилетанство. И о. Павел работает и работает (я думаю) в бутылку. Но с другой стороны, что же мне остается в жизни другого на остаток жизни, если Господь не укажет другого пути. ... Однако ничто великое не делается без риска... У меня странно непоследовательно соединяется этот "пророчесственный" максимализм и практически-аскетический минимум (академия, конференции и проч.). Правильно ли это, не есть ли это просто малодушие, слабость, карьеризм? Так себя иногда невольно спрашиваешь.

Вот мой эгоизм: о себе расписался, а тебе ничего не ответил. Но это не от эгоизма. Хочется тебе ответить о твоём в тишине, из Парижа, хотя отчасти это есть уже ответ.

Благословляю.

17.

9. 8. 1933

Я здесь живу среди зеленых шатров, лугов и полей, наслаждаюсь и восстанавливаюсь. Совестно, что как будто тупею вне жизни, в глубине реки, но вместе и собираюсь мыслями, и, если так позволено выразиться, духовно зачинаю, хотя и дается это все труднее и скуднее в это "прочее время живота". Предаюсь созерцанию о Духе Святом среди природы, которая есть Его царство.

... Через две недели возвращаюсь, и кажется, что уже давно-давно провел в отрыве от жизни под зеленой кущей. Больше, кажется, уже не мог бы прожить. Конечно, такое уединение дает место для молитвенного сосредоточения. Но с ним фактически спорит богословское напряжение, которое тоже принадлежит богословию. Так барахталось, как всегда, между двумя центрами, которые, конечно, суть один, но он в такой глубине, что не ощущаешь. ...

18.

25. 8. 1935

... Пишу тебе накануне отъезда в Париж и праздника Успения. Как люблю я этот праздник, и не только "софиологически" и "мариологически", но и нутром, с детства. Я был рожден и крещен под сенью храма пр. Сергия, где был главный придел Успения (наоборот, чем у нас), и этот праздник, как Пасха с весной, соединен в моей памяти с осенью, с холодеющими вечерами, астрами и резедой, всей поэзией ранней осени. И теперь он поет и плачет в осенней душе.

Я хорошо отдохнул (и поработал тоже немало) и пока здесь чувствую себя здоровым. ... Природа, среди которой я живу, тихая, скромная, ничем не выдающаяся. Зато есть поля, елочки, речка, может быть, более могучей природы я сейчас и не был бы способен переносить, а это принимаю с тихой благодарностью и смирением.

19.

24. 9. 1936. Утро
(на пароходе "Europa")

... Пишу тебе из царства Софии. Иначе я не могу определить то невыразимое словом чувство безграничного небесного свода и воды и безмерного океана с его стальной и голубящейся грудью, причем то там, то здесь всплывает золото от солнца.

Прежде я обладал бесстыдством слова, чтобы пытаться это описать и выразить. Теперь молчат мои уста, но расширяется сердце. Я совершенно теряю при этом сознание своей старости и изношен-

ности, забываю и чувствую себя мальчиком, как мне полагается быть по метафизическому возрасту, и блаженствую...

Здесь можно почти уединиться, забравшись на верхнюю палубу. ... Слава Господу, творящему чудеса Свои!.. Сегодня на короткое время за парходом появилась радуга и притом двойная. Радуга — знамение Софии, почему Господь после потопа установил радугу в знамение, что потопа больше не будет, и мировой порядок навсегда останется нерушимым. София тварная, отражающая Софию небесную. Отсюда и символизм красок в Купине Неопалимой.

20.

2. 8. 1938

... В Clagens было кошмарно утомительно и тяжело от безгласия и малосилия, пора мне перестать таскаться по таким конференциям, но некем смениться, хотя когда меня не станет, Господь найдет смену.

21.

30. 10. 1938

... Я работаю над эсхатологией, но испытываю то же чувство, как ты: не в состоянии выписывать деталей, а просто валяю, лишь бы дописать. Да, пожалуй, и не до деталей; теперь все равно дело не в них, а сил немного. Кроме того, мало надежды на печатание. Однако досадно, что в других, менее важных случаях (важнее того, что пишу теперь, нет ничего) хватало сил выписывать детали, а теперь нет...

22.

30. 10. 1938

Но дни эти кошмарны. Во-первых, я тяжело переживаю победное шествие антихристово, каковым является гитлеровщина ("кто подобен зверю сему") и, конечно, психологию надвигающейся войны (слава Богу, не для себя ни на одну минуту). Во-вторых, забота о своих...

Самые события, разлив лжи, малодушие предательства (хотя к Чехии самой я равнодушен достаточно). Пророческое слово о войне у меня такое: "услышите о войнах и военных слухах, но *"это еще не конец"*, и будет история и явление Ц. Б., но сейчас мрак над миром". Страдаю от непонимания этой гитлеровщины соотечественниками...

23.

7/20. 3. 1940

... Сегодня годовщина моей первой операции, и я нахожусь в мистическом оттого головокружении. Служил вчера и сегодня (часы и литургии Преждеосвященных даров). Снова переживаю это чудо, как коснулась меня рука Божия, и хочется сохранить на себе это ее касание — чувствую это как задачу жизни и больше всего страшусь утратить или разменять это чувство. Но уповаю, что Господь меня не оставит, и еще раз с новой и новой силой чувствую, как бедна и пуста и — скажу даже — жалка была бы моя жизнь в ее стареющем самодовольстве, если бы Господь милосердный не коснулся меня в эти дни. ...

24.

23. 12. 1941

... Я не знаю, что лучше: то ли когда я в Праге и здесь, в Париже, в ночном саду "веселыми ногами" прыгал и веселился радостью пасхальной, или, как теперь, приемлю ее через страсть мира.

Не удивляйся, если *всегда* у меня было то же чувство: страстная седмица есть наша жизнь, а Пасха — мгновение и обетование, на которое меня, по крайней мере, греховно не хватает. Или ты думаешь на самом деле, что легко дается радость пасхальная! Да не будет! Самый же торжественный миг церковного года есть сия прееблагословенная суббота, когда да молчит всякая плоть человеческая. ...

... Пасхальная радость всегда есть чудо, экстаз, трансценс в другой мир, прикосновение к жизни будущего века, откровение, притом не даровое, но обретенное всем подвигом Страстной Седмицы. Хотя ты приписываешь мне (чего на самом деле мне вовсе не принадлежит) особливую радость пасхальную, и даже не отрекаясь от нее, я должен все-таки сказать, что для меня существует жизненная разница между Страстной и Пасхальной неделями. Я это выразил бы так — что одна актуальна, динамична, есть порыв, усилие, действенность любви ко Христу, страдание с Ним, вторая же — есть дар Божий, который может быть единожды принят (даже актуально), но нами не умножаем, но лишь пассивно сохраняем, как настроение праздничное, радостное, богослужebное. Нам с ним в каком-то смысле нечего делать, пассивное же принятие и удержание его нам не под силу. Поэтому Пасхальная Седмица светит и звенит в нашей душе с тем, чтобы погаснуть, и закроются снова врата будущего века.

Это и потому, что Воскресение все-таки отделено от нас смертью, т. е. жизнью загробною, с ее откровениями, ее достижениями и — дерзнул бы сказать — динамизмом, и дается нам лишь в каком-то лучезарном взлете над смертью, за смерть: "смертью смерть поправ".

Но в нашей собственной жизни нам дано и задано реализовать только страсть крестную.

Конечно, молиться о некрещеных можно и должно, вернее нельзя не молиться уже потому, что они там проходят путь и ... встречают Христа, которого не приняли в этом мире, и вообще и в частности. Вообще — потому, что "весть Израиль спасется" и спасается и здесь, и там: тайна, провозглашенная ап. Павлом, и там уже совершается, потому что смерть не покой и не уход, а жизнь новая и иная.

А в частности — молиться можно о том, кого нам вверил Бог в путях нашей жизни и, стало быть, связан с ней. Однако, не следует быть дилетантом с духовной сентиментальностью и притязать на то, чего нет. Церковного поминовения на проскомидии, как и служения панихиды, я себе не позволю. Однако, это не мешает личному смиренному дерзновению молитвы.

... Завтра еще предстоит любимый и чтимый день собора Предтечи. Обычно, во всей многозначности этого дня, выдвигался более всего какой-либо один мотив, и, когда я проповедовал, я обычно особенно его в себе вынашивал. Теперь осталось только внутреннее созерцание, волнение около какого-нибудь одного предмета.

Таким в этом году была Встреча, Друга Жениха с Женихом его Другом. Я думал о том, какова была вся предыдущая жизнь величайшего из рожденных женами, "Ангела пред лицом Твоим", посланного в мир как Предтеча. Я последнее время особенно внимательно и жадно всматриваюсь в образы ветхозаветных пророков, которые, каждый по-своему, Его знали и ждали, порою с ясностью потрясающей (как Второ-Исайя, гл. 53). Но у всех них это не была *единственная* мысль и любовь, как у Предтечи, у них это соединялось с любовью к своему народу, с заботой и пророчествованием об его судьбах ("утешайте, утешайте народ мой" — Исайя, 40). И только у него это должна была быть и была, конечно, *единственная* мысль и любовь и *единственное* пророчество: ждать Грядущего, чтобы его встретить.

И какова-то была эта встреча, конечно невыразимая и недосягаемая нашему ничтожеству. Как горел он любовью и радостью, как "трепетен бысть Предтеча", когда это совершилось и он был удостоен того, зачем был послан в мир, зачем жил. И он был принят и признан Грядущим "креститься от Иоанна". Эта встреча уносит мысль в надзвездные сферы... А Он, что для Него это было? Зачем и почему Он пошел, не по произволению, но отдаваясь внутренней необходимости? Что означает крещение, как мы говорим в богословии, "христологически"? Да то, что в нем, через "Богоявление", Иисус из Назарета стал Христом, помазанным Духом Святым, на Него сошедшим. Его Рождество, конечно, есть исполнение воли Отца, Он посылается, но само Боговоплощение, совершенное "Духом Святым и силою Вышнего" над Ним, было как бы пассивно. Он умаляется до детского состояния, из которого выходит, "растя и крепляясь благодатно", доколе не возрос в человеческий возраст мужа совершенна.

И вот тогда происходит час Его собственного как бы Боговоплощения. Он, второе Лицо Святой Троицы, приемлет путь Свой и, в ознаменование этого приятия, грядет к Иоанну.

Крещение есть принятие вочеловечения как пути к крестному крещению, о котором сам говорит ученикам: "Крещением, которым Я буду креститься", как "Чашу, которую Я буду пить". Это есть сыновнее *ДА* Богочеловека на молчаливый вопрос Отца: приемлешь ли?

И в ответ на это *ДА* на Него нисходит Ипостасная Отчая Любовь, взаимно связующая все три Ипостаси св. Троицы, Дух Святой.

Вот почему и в каком смысле это есть Богоявление — всей Святой Троицы. Но это сошествие св. Духа на Иисуса, делающее Его в окончательной мере Христом, означает именно ипостасную встречу и соединение во Христе Сына и Духа Святого, их неизреченной Двоицы, которая есть Христос (позже, в Пятидесятнице, эта же Двоица раскрывается в обратном порядке). Дух Святой сходит на Сына, когда Он приемлет Свою жертвенность как путь сыновний.

До Богоявления на Нем почивала вся полнота благодати Духа Св., с этого дня — сама Его Ипостась.

Ты, наверно, знаешь по снимкам знаменитую картину Иванова (в Москве) "Явление Христа народу". Он ее писал долгие годы, начал с верой, а кончил в неверии. И тем не менее, картина оказалась верующей. В центре грандиозная фигура Предтечи, окруженная будущими апостолами, мироносцами и пр., а вдали приближающийся Христос — исполненный неземной простоты, красоты и величия. Почему-то эта картина все звенела в душе у меня эти дни предпразднства, хотя, в свое время, я не очень любил этот огромный холст. Может быть, "пафос расстояния".

27.

31. 3/13. 4 1944
Великий Четверг

... Сегодня пишу из глубины светлейшего дня Тайной Вечери любви Господней к грешному человечеству и ответной любви нашей к Нему, Его любви к 12 избранным ученикам на "Странствия Владычня бессмертия трапезе", в свете всего, что там происходило, сказанного и несказанного, между всеми, и Петром, и

нарочито между двумя избранниками: Иоанном и Иудой, апостолом любви и апостолом жертвенного отвержения и ... самоотвержения. Неизменно горит мое сердце о сей Тайне: "не двенадцать ли вас Я избрал, но один из вас диавол", и "что делаешь, то делай скорее"... Тайна Иуды, которая открыта особой к нему непримиримостью апостола любви... И изнемогает душа от любви и радости ее. Еще раз Господь привел приобщиться радости этого дня и его чуду духовному.

28.

(без даты)

... За гранью смерти следует откровение загробной жизни как начала нового бытия, о нем не говорит нам непосредственный человеческий опыт.

Умирание само по себе не знает откровения о загробной жизни и о воскресении. Оно есть ночь дня, сам первородный грех. Можно забывать о смерти, отворачиваясь от нее, и, конечно, не следует наполнять жизнь одним лишь предчувствием смерти. Однако и забыванием о ней нельзя уйти от него — оно приходит рано или поздно ко всякому человеку, и это вопрос только времени.

Примечания

Письма 24, 25, 26, 27 были опубликованы. См. Прот. Сергей Булгаков, Автобиографические заметки. УМСА-PRESS, 1946.

Письмо 1.

Без даты. Написано в Прагу из Крыма, откуда о. Сергей, после ареста, был выслан 1-го января 1923 г.

Федя — Федор Сергеевич, старший сын о. Сергия, остался в России, художник, живет в Москве.

Письмо 2.

Эти мысли легли в основу труда о. Сергия "Икона и иконопочитание", УМСА-PRESS, 1931.

Письмо 5.

О. Павла — о. Павел Флоренский (1882-1943?). Существует ли эта рукопись Флоренского — установить не удалось.

Письмо 7.

"О назначении человека. Опыт парадоксальной этики", Париж, 1931. Смерти и бессмертию посвящена первая глава третьей части.

Письмо 8.

Матери Екатерины — гр. Ефимовская (1850-1925), создательница и первая настоятельница Леснинского монастыря.

прав о: Павел — имеется в виду глава "О дружбе" в его книге "Столпы и утверждение истины".

Письмо 11.

Н.А. — Николай Александрович Рейтлингер, отец сестры Иоанны.

Письмо 15.

Вероятно в этом письме о. С. Булгаков обсуждает план росписи церкви св. Иоанна Воина в парижском пригороде Meudon, над которой сестра Иоанна работала в 1931 г.

В 60-е годы этот храм, находившийся в ведении одновременно двух юрисдикций, пришел в запустение, стал убежищем бродяг, которые подожгли иконостас (сгорел полностью). В 1980 г. удалось спасти значительную часть фресок, исполненных на прибитой к стенам фанере, и перевезти их в Монжеронский замок, где они ожидают реставрации.

Письмо 16.

О. Сергей участвовал в подготовительной конференции ко второй Ассамблее Всемирного Совета Церквей.

Сергея — младший сын, живет на юге Франции.

Архим. КИПРИАН Керн (1899-1960)

ИЗ ЛЕКЦИЙ ПО ПАТРОЛОГИИ

I

ПОСЛАНИЕ ПСЕВДО-ВАРНАВЫ

История памятника. Писатели древности знали это произведение, но относились к нему, можно сказать, сдержанно. Евсевий (Н. Е. III, 25, 4; VI, 13, 6) и блаж. Иероним (Vir., 6) причисляли его к спорным (*ἀντιλεγόμενα*) или даже подложным (*υόθα*) произведениям своего времени. Климент Александрийский (Строматы, II, 6, 13; VII, 35) считал автором этого послания ап. Варнаву, чтил его за аллегоризм его толкований и сам, по свидетельству Евсевия, писал на него толкования в потерянных "Ипотипосах". Ориген (*Contra Cels.* I, 63) называет памятник "соборным посланием" (*καθολικὴ ἐπιστολή*). Наличие этого послания в некоторых кодексах Библии подтверждает древний обычай некоторых поместных церквей читать его во время богослужения наравне с каноническими книгами Ветхого и Нового Завета.

В новейшее время авторство ап. Варнавы, спутника ап. Павла, подвержено было сомнению по ряду внутренних признаков, о которых речь будет ниже. Стронниками аутентичности остаются все же некоторые ученые (Ниршль, Юнгманн и архиеп. Филарет). Можно определенно сказать, что большинство специалистов высказалось решительно против подлинности, почему и послание обычно теперь называется произведением "псевдо-Варнавы".

До 1859 года были известны только четыре с половиной главы по латинскому переводу III века. В 1859 г. был найден Тишендорфом в Синайском кодексе полный греческий текст послания, а в 1875 г. в Иерусалимском Святогробском кодексе в Константинополе — второй полный греческий текст. Editio princeps неполного послания принадлежит французскому бенедиктинцу J. L. d'Achéry (Paris, 1645).

Автор. Для выяснения вопроса об авторе и о неподлинности этого произведения надо принять во внимание нижеследующие соображения:

а) Это произведение никогда не включалось в число канонических книг Нового Завета.

б) Имя апостола Варнавы нигде в послании не встречается и им не надписано. Заглавие его таково: "Радуйтесь, сыны и дочери, о имени возлюбившего нас Господа в мире".

в) Апостолы представляются людьми весьма грешными, что вряд ли бы решился сделать апостол и спутник апостола Павла. Послание говорит: "... когда Он выбрал Своими собственными апостолами для проповеди Своего евангелия тех, кто беззаконнее больше всякого греха, чтобы этим показать, что Он не пришел призвать праведников, но грешников к покаянию, тогда Он явил Себя Сыном Божиим" (V, 9).

г) В Ветхом Завете автор видит нечто такое, что не мог бы видеть левит Варнава. Правда, и ап. Павел восставал против многих обычаев своих современников, иудеев-буквалистов, но о самом законе Моисеевом он никогда не выражался непочтительно и свысока. Разбираемое же послание высказывается решительно против традиционного отношения к Ветхому Завету. "Иудеи, — говорит оно, — почти как язычники почитали Бога в своем храме" (XVI, 2). Закон же Моисеев, в частности, обрезание понималось иудеями буквально так, потому что это им внушил лукавый дух, диавол (IX, 4). Все предписания Моисеева законодательства о вкушении разного рода пищи, в частности о свинье, толкуются автором настолько аллегорично, что это не могло быть внушено традиционной еврейской средой и не соответствует духу того времени. Поэтому с правом замечает Барденхевер, что это послание стоит "в вопиющем противоречии" со всем учением ап. Павла (I, 91).

д) Сам автор, говоря "Бог вразумляет всех нас не обращаться прозелитами к закону иудейскому", — указывает на свое не-иудейское происхождение.

Место написания. Первоначальное предание об этом памятнике исходит из Александрии. Здесь оно ставилось наряду с сборными посланиями апостолов. Преобладание аллегорического и типологического метода в толковании Писания и обрядовых предписаний закона говорят также в пользу александрийского происхождения этого произведения. Это мнение разделяют: Баланос, Барденхевер, Попов, Тиксерон.

Время написания. Соображения, определяющие время происхождения этого памятника, сводятся к следующему. То, что автор говорит в гл. XVI, 4: "за то, что иудеи постоянно воюют, их храм разрушен". Следовательно, terminus a quo — после 70г. по Р. Х. Там же сказано: "храм разрушен, и теперь они и подданные их врагов восстаноят его". Предполагают, что здесь идет речь об эдикте имп. Адриана восстановить Элию Капитолину, и в таком случае надо признать как terminus ad quem — 130г. В заключительном 10-м стихе той же главы — "это есть духовный храм, воздвигаемый Господу" — Функ хочет видеть аллегорическое упоминание о духовном, а не вещественном храме. Тот же ученый обращает внимание на IV, 4: "десять царей будут царствовать на земле и после них восстанет малый царь, который смирит трех царей". По его мнению, здесь указание на римских царей и под "малым царем" надо якобы понимать Нерву, но Нерва не был одиннадцатым царем, да, как правильно замечает Раушен, автор вообще не делает никаких указаний на римских царей.

Автор ничего не говорит о Маркионе и о больших гностических системах, почему Гарнак делает заключение о времени написания до 130 года. Суммируя сказанное и отстраняя мнение Барденхевера и Функа о времени имп. Нервы, т. е. 90-ых годах первого века, можно вместе с Гарнаком и другими историками поставить этот памятник между 117 и 130 годами.

Содержание. Послание может быть разделено на две части: первая, охватывающая главы 1-17, занимается вопросом о значении Ветхого Завета; вторая, с 18-ой по 21-ую главу, является по преимуществу нравоучительной и, как будет видно, зависит в главных линиях от литературы "двух путей".

Основная тема послания — отношение к Ветхому Завету. По своему внутреннему содержанию Ветхий Завет принадлежит христианам. В нем даны все христианские истины, но даны прикровенно. Правильное понимание этих истин спасало ветхозаветных праведников. "Не говорите, что закон иудеев есть и наш. Он только наш" (IV, 6). "В Ветхом Завете все об Иисусе и все для Него". Ветхий Завет в глазах автора послания есть совокупность символов.

Сам по себе он не имеет значения. Понимать его буквально научил людей диавол, "ангел лукавый обольстителъ их" (IX, 4).

Все предписания Ветхого Завета надо понимать духовно, а именно: Господь требует не внешних жертв, а сокрушенного сердца (II), не телесного поста, а добрых дел (III), не обрезания плоти, а ушей и сердец (IX), не воздержания от известных животных, — свиней, хищных птиц и пр, а самим не уподобляться свиньям и хищным птицам и животным (X). Суббота обозначала спасительный век, который придет после второго пришествия Господа Иисуса Христа (XV). Закон о храме относится к храму духовному (XVI).

Ветхий Завет, как совокупность символов, надо понимать типологически и духовно. Исаак является образом Господа Христа и Его жертвы (VII). Моисей, простирающий крестообразно руки, есть также прообраз Христа (XII, 2). Медный змий есть прообраз распятия (XII, 5). Точно также 318 слуг Авраама являются прообразом Христа: *ΤΗΗ*, три буквы греческого алфавита, по своему числовому значению равны 318, т. е. *Τ* означает 300, *Η* — 10, а *Η* — 8, а все вместе может быть прочитано так: *ΤΗΗ* (*σους*) "10 обозначается буквой *ι*, восемь — буквой *η* и вот начало имени Иисуса; т. к. крест в образе буквы *Τ* должен будет указывать на благодать искупления, то и сказано 300... Никто не слышал от меня слова более совершенного, но я знаю, что вы достойны его" (IX, 8).

Этой числовой символикой будет увлекаться византийская письменность в продолжение всей своей истории. Целые трактаты будут посвящаться толкованиям этих таинственных, прообразовательных цифр. Вообще же увлечение аллегоризмом и типологией, нашедшее себе основоположника в лице псевдо-Варнавы, находит отзвуки и у Филона и главным образом у позднейших александрийских богословов.

Вот еще характерный отрывок: "Моисей говорит (Исх. XXXIII, 1-3) — вступайте в землю добрую, которую обещал Господь Аврааму, Исааку и Иакову, и наследуйте ее, землю, текущую медом и млеко. Что говорит ведение (*γνώσις*)? Узнайте: уповайте на Иисуса, имеющего явиться вам во плоти, ибо страждущая земля есть образ человека, т. к. от существа земли (от лица земли) образован Адам. Что значат далее слова "землю добрую, текущую млеко и медом"? Благословен Господь наш, братие, давший нам премудрость и ведение Своих тайн. Мед и млеко — пища младенцев. Они указывают на духовное возрождение христиан". (VI).

Вторая часть памятника занята вопросом о двух путях. При сравнении видна общность источника с "Учением 12-ти апостолов". В самом деле:

Псевдо-Варнава

XVIII, 1 "Есть два пути учения и власти; один света, а другой тьмы. Велико различие между обоими путями..."

XIX, 2. "Возненавидь все, что не угодно Богу..."

3. "Не злоумышляй против ближнего своего".

4. "Не взирай на лицо, обличая проступки".

9. "Не будь протягивающим руки, чтобы получить, и складывающим их, когда нужно дать".

Дидахи

I, 1 "Есть два пути: один — путь жизни, а другой путь смерти; велико различие между обоими путями..."

VI. "Возненавидь всякое лицемерие и все, что не угодно Господу".

II. "Не злоумышляй против ближнего своего".

IV. "Суди по справедливости, не взирай на лицо, обличая проступки".

IV. "Не будь протягивающим руки, чтобы получить, и складывающим их, когда нужно дать".

Кроме этих очевидных параллелей в послании находим ряд общих с Дидахи цитат из Ветхого Завета.

Что касается богословских идей, этот памятник весьма мало оригинален. Он не богат, как и вообще литература его времени, богословским пафосом. Тем не менее из него можно вывести нижеследующие заключения.

Божественность Господа Иисуса ясно сознается автором послания, хотя и выражена в очень нечеткой и богословски неудачно выраженной фразе: "Иисус не сын человеческий, но Сын Божий, образом во плоти явившийся" (XII, 10).

Страданиям Господа приписывается искупительное значение и воплощение Логоса воспринимается чисто сотериологически: "Не приди Он во плоти, и люди не могли бы спастись, не взирая на Него" (V, 10).

Сын Божий будет судить живых и мертвых (VII, 2).

Таинство крещения омывает грехи и скверну (XI, 11).

Автора разбираемого послания некоторые историки (Тиксерон) считают хилиастом. Этому можно найти основание в следующей отрывке: "Бог совершил мир в 6 дней. Это означает, что в 6000 лет совершит Господь все, ибо один день у Него — 1000 лет,

так как Он Сам свидетельствует "нынешний день, как 1000 лет" (Псал. 89, 4). Итак, дети, в 6 дней, в 6000 лет все закончится. И почит Господь в день 7-й (Быт. II, 2). Это значит, что когда придет Сын Его, то упразднится время незаконного и будет судить нечестивых, и изменится солнце, луна и звезды, и тогда Он прекрасно успокоится в день седьмой... Потом будет восьмой день, начало другого мира; поэтому и мы идем с радостью в день восьмой, в который и Иисус воскрес из мертвых и, явившись, взошел на небеса..." (XV).

В нравственном учении, кроме приведенных мест из второй части, можно найти и общие нравоучительные указания о долготерпении и воздержании (II, 2), о ненависти к лжи нынешнего века (IV, 1), о бегстве от суеты (IV, 10), о построении в себе духовного совершенного храма Богу (IV, 11), о нелицеприятии и благодати, о необходимости страданий и слез, чтобы войти в Царство Божие (VII, 11).

Что касается заимствований и влияний, то следует отметить подавляющее число ссылок на Ветхий Завет, что и понятно по основной теме послания. Из него взято 86 цитат, тогда как из Нового только 4, и 6 из неизвестных источников.

Западная историческая наука, католическая, а в особенности протестантская, уделяет повышенное внимание при изучении древних памятников подсчету цитат из Ветхого и Нового Завета. Они делают свои выводы из преимущественного заимствования из Ветхого Завета. Новый обычно представляется еще не сформировавшимся в эпоху раннего христианства. Это вывод односторонний. В свое время проф. Киевской Духовной Академии С.М. Сольский дал иное объяснение этому факту. Он говорит:

"Ближайшим апостольским мужам, писавшим наставление для христиан, не было нужды ссылаться на письменное учение апостолов, совершенно известное их современникам. Им нужно было раскрыть и уяснить это учение, живое в устах их читателей, а для этого самой лучшей почвою были ветхозаветные книги. На них ссылался Иисус Христос; в них искали подтверждения своего учения Его ученики; примеру их следовали их ближайшие последователи. Таким образом, чтобы судить о близости писаний Апостольских мужей к писаниям самих апостолов, нужно обращать внимание не столько на внешнюю зависимость их от последних, сколько на внутреннее направление, тон, дух и содержание их писаний...

О знакомстве апостольских мужей с писаниями апостолов можно заключить не по богатству делаемых ими выписей из посланий апостольских, в чем пока не чувствовалось особенной потребности, а по их языку, по некоторым оборотам в изложении и выражении истин христианского вероучения, по общим мыслям в тех и других. Ближайшие апостольские мужи, слушая учение своих наставников, читая их писания, могли освоиться с известными оборотами и выражениями в изложении учения, могли привыкнуть к известным образам и представлениям". ("Краткий очерк истории священной библиологии и экзегетики", в "Трудах Киевской Духовн. Акад.", 1866, X, 164-165).

II "ПАСТЫРЬ" ЕРМА

История памятника. Это произведение раннехристианской письменности было известно учителям древности и некоторыми из них, в частности св. Иринеем (Adv. haer. IV, 20, 2), Тертуллианом (De orat. 16) и Оригеном (In. Matth. 14, 31; De princ. IV, 11), причислялось к книгам Священного Писания. Упоминает о нем и т. наз. "Мураториев фрагмент". Св. Афанасий Великий назвал "Пастырь" "весьма полезной книгой" (De incarnat. verbi). Ориген отозвался о "Пастыре" так: "puto Hermas sit scriptor ... Scriptura mihi videtur utilis et ut puto divinitus inspirata". Евсевий, свидетельствуя о том, что "Пастырь" читался во время богослужений, причислял его, однако, к книгам подложным (*υόθα*) (H. E. III, 3; 25). Так наз. Синайский кодекс включил "Пастырь" вместе с посланием псевдо-Варнавы в число книг Нового Завета, а абиссинская традиция приписывала его даже самому апостолу Павлу (A. d'Abbadie. "Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes", t. II, 1860).

На Западе Тертуллиан сначала причислял эту книгу к Св. Писанию, но в свой монотанистический период, не согласный, конечно, с воззрениями "Пастыря" на покаяние, отверг ее и отнес к апокрифам. (De pudicit. II, 20). Автор произведения "De aleatoribus", IV считал "Пастыря", подобно многим ранним христианам, книгой Св. Писания. И хотя "Liber Pontificalis" и "Codex Claromontanus" его упоминают и на него ссылаются, произведение это все же было

на Западе менее чтимо и к нему относились более осторожно, чем на Востоке.

Однако, несмотря на широкое распространение этого произведения в древности, рукописи его долгое время оставались неизвестными науке. Первое издание латинского перевода было сделано в Париже еще в 1513 г. Lefèvre d'Étaples (Faber Stapulensis), и вообще до середины XIX в. был известен только этот единственный латинский текст, так наз. "versio vulgata", восходящая ко II веку. В 1857 г. Dressel нашел в Cod. Palatinus, n. Vaticanus другой латинский перевод, относящийся к XIV веку, но текст коего, или "versio palatina", может быть возведен к V веку.

В 1847 г. A. d'Abbadie нашел в абиссинском монастыре Guinda-guinde эфиопский текст и напечатал его в 1860 г.

Греческий оригинальный текст содержится только в двух манускриптах: одном афонском (монастыря Григориата) и в знаменитом Синайском кодексе Тишендорфа. Следует, впрочем, заметить, что в Синайской рукописи содержится только часть всего произведения, заканчивающаяся на Mand. IV, 3, 6. Да и вообще греческий текст, восполняемый по разным манускриптам и папирусным отрывкам, и до днесь не может быть воспроизведен полностью. Он обрывается на Simil. IX, 30, 2, а от этого места до конца приходится пользоваться латинским переводом.

Не упоминаем о подделке небезызвестного в свое время грека К. Симонида. Выкраденный им из афонской библиотеки Григориатского монастыря и потом "дополненный" отрывок "Пастыря" был не без труда обнаружен и подлог раскрыт.

Ряд отрывков "Пастыря" был найден в египетских папирусах, и кроме того существуют отрывки этого памятника и на коптском и персидском языках.

"Пастырь" неоднократно издавался в латинской версии, а потом и в греческом оригинале, достаточно критически изучен и породил необъятную литературу.

В русском переводе оно издано редакцией "Православного Обозрения" (свящ. П. Преображенского) во II томе "Памятников христианской письменности" (Москва, 1866).

Автор и время написания. По Оригену, Евсевию, св. Иринею и блаж. Иерониму, автор "Пастыря", Ерм, есть не кто иной, как упоминаемый в послании ап. Павла к Римл. (XVI, 14) современник

апостола. В "Видении" II, 4, 3 сказано: "... напиши две книги и пошли: одну — Клименту, а другую Грапте. Климент отошлет ее во внешние города, ибо это ему предоставлено, а Грапта будет назидать вдов и сирот". Отсюда и возникло предположение о Клименте Римском и что тут намек на его послание к Коринфской Церкви. Таким образом, памятник должен был бы быть написан в конце I-го века. Барденхевер, в частности, видит в Грапте диакониссу.

Другое мнение, основывающееся на Мураториевом фрагменте, считает автора Ермом, братом римского епископа Пия I. Пий епископствовал от 140 до 155 года. Сам автор, называя себя Ермом, говорит о себе как о вольноотпущеннике.

Целый ряд ученых, как Zahn ("Der Hirt des Hermas", 1868), Gaab ("Der Hirt des Hermas", 1866), Mayer ("Die Schriften des apostolischen Väters", 1869), Nirschl ("Patrologie", 1881), не принимают ни Ерма из послания к Римл., ни брата епископа Пия, приписывая памятник тезоименному ему Ерму, современнику Климента Римского.

Было выдвинуто предположение и о двух авторах, т. е. Ерме из послания к Римлянам, составившем якобы "Видения", и Ерме, брате Пия, написавшем вторую и третью части книги, т. е. "Заповеди" и "Подобия".

De Champagny ("Les Antonins", Paris 1863, t. 1, p. 134, note 1; t. 2, p. 347, note 3) выдвигал двух Ермов: первого, апостольского, автора первых четырех видений, и второго, брата Пия, составителя всего остального в памятнике.

Другие ученые (Spitta и Völter), стоя на той же точке зрения двух авторов, вносили, однако, некоторое различие, а именно: некий неизвестный иудей, близкий к кругам ап. Иакова, составил якобы первоначальный текст "Пастыря", подвергшийся, однако, впоследствии обработке и сильному видоизменению тоже христианскою рукой, вероятно Ерма, брата Пия. Таким образом между первоначальной и вторичною формами "Пастыря" должно было бы пройти лет около 80.

Hilgenfeld, во втором своем издании "Пастыря", высказал еще более смелую мысль: "Пастырь" есть произведение не двух, а трех авторов: 1) "Hermas pastoralis", современник римского епископа Климента; 2) "Hermas apocalypticus", современник Траяна или же Адриана, и 3) "Hermas secundarius", брат епископа Пия. Первый Ерм написал бы в таком случае основное ядро "Пастыря". Второму бы принадлежала "антипаулинистическая" часть (Видения I-IV).

Третий Ерм, почему-то, однако, названный "secundarius", был бы редактором современного нам текста "Пастыря".

Эту довольно воздушную и хрупкую постройку без особого труда разрушили ученые более спокойного склада и не ищущие в науке обязательно эффектов и сенсаций. Link ("Die Einheit des Hermas", Marburg, 1888), на основании изучения текста, лексики и стиля памятника, решительно высказался за его интегритет, что теперь и может быть признанным в науке мнением.

Время написания этого произведения определяется в науке признаками как внешнего, так и внутреннего характера. Внешним может быть признано указание Мураториева фрагмента, составленного ок. 200 года и говорящего о недавнем написании "Пастыря", и как раз в годы епископства Пия I. Внешние указания также достаточно определены, а именно: 1) Церковь является Ерму в видении как старица; 2) в церкви наблюдаются явления заметного разложения и ослабления дисциплины; 3) апостолы и пресвитеры умерли; 4) тема о покаянии, как она поставлена в "Пастыре", не может не наводить на мысль о зачинающихся монотанистических настроениях в христианстве; 5) можно найти некоторые намеки на гностические течения (Вид. III, 7, 1; Подоб. VIII, 6, 5; IX, 22, 1) без обозначения, однако, определяющих признаков гностических школ; 6) говорится о большом количестве мучеников и различаются мученики от исповедников; 7) можно вывести заключение, что после какого-то гонения (может быть Домицианова, т. е. в годы 81-96, или Траянова, в годы 98-117) наступило сравнительное затишье (в правление Антонина Пия); 8) приводимый обычно в протестантских исследованиях аргумент о неупоминании еще монархического епископата в Риме.

Из всего этого делаются выводы достаточно определенные и с небольшими колебаниями о возможных границах времени составления памятника. Если не считать обоснованным мнение архиеп. Филарета Черниговского, относившего время написания "Пастыря" к годам Домициана, т. е. около 90 года, то большинство ученых согласны датировать это произведение годами второй четверти II века, незначительно отклоняясь один от другого. Так, Дибелиус стоит за годы 130-140; Батиффоль, Пюэш и И. В. Попов за 140г.; Барденхевер и Тиксерон предлагают 140-155 годы, а Баланос и Дюшэн высказываются за более общую дату — середину второго века.

Место написания этого произведения определяется достаточно твердо. 1) Это внешнее свидетельство Мураториева фрагмента: "Пастырь" написан в Риме. Но и внутренние данные это косвенно подтверждают. Как бы ни относиться к литературному замыслу этого памятника и как бы критически ни расценивать автобиографическую его ценность, из нескольких мест его явствуют подробности, подтверждающие слова Мураториева фрагмента. 2) Действие первой части книги, т. е. записанных в ней видений, имело место, вероятно, в окрестностях Рима. "Кумы", куда шел Ерм (Вид. I, 1, 3), в раннем латинском тексте означено: "apud civitatem Ostiogum", т. е. города Остии. Дибелиус видит здесь "древнейшую греческую колонию в Италии, в Кампании, западнее Путеола". Это же географическое название "Кумы" повторяется и в начале II видения. 3) В начале IV видения прямо сказано: "шел я полем по дороге Кампанской". 4) Если упомянутый в конце II видения Климент, который "отошлет книгу во внешние города", тождествен с епископом Римским Климентом, то и это может служить косвенным подтверждением слов Мураториева фрагмента. 5) Vardenhever (I, 564) подчеркивает наличие многочисленных латинских слов и латинизмов, означающих, что "Пастырь" написан в среде, в которой наряду с греческим языком говорили и по-латыни. Вот несколько примеров:

οιμψέλλιον	(скамейка)	— латин.	subsellium
κερβικφίον	(подушка)	— "	cervical
στατίων	(постный день)	— "	statio
ὁδὸς καμπανῆ	(полевая дорога)	— "	via campana

и ряд других латинизмов синтаксического характера.

Не следует, однако, закрывать глаза и на другую сторону в лексике "Пастыря". Его греческий язык оставляет желать много лучшего в смысле своей несвободы от известных гебраизмов: а) неразличение предлогов ἐν и εἰς; б) всевозможные глаголы и прилагательные связываются с греческим ἀπό для обозначения отрицательного выражения; в) чисто ветхозаветные еврейские выражения, как "ходить в заповедях", "хранить заповеди", "хранить пост", "ходить во зле" и т. д.

Из библейских книг нет буквальных цитат, но намеки на известные новозаветные писания, как, например, Евангелия, Деяния, послания ап. Павла и ап. Иакова, легко могут быть обнаружены. Во II Видении есть даже ссылка на апокрифическую книгу Елдада и Модада.

Все это служит к характеристике христианских настроений в середине II века, когда Церковь несколько уже почувствовала ослабление первохристианских эсхатологических чаяний, скорбела о известном падении нравов и видела перед собою зачинающиеся монтианистические увлечения ригоризмом.

Общее содержание памятника. Разбираемое раннехристианское произведение получило в общем почти единогласную оценку и характеристику. Мнение архиеп. Филарета о том, что "Пастырь" есть "окружное послание" с содержанием "исторически-нравственным" (1, 32), может, кажется, почитаться совершенно одиноким в науке. Все наиболее видные исследователи древнехристианской письменности сходятся в том, что это — памятник апокалипсической письменности (Bardenhewer, I, 563; Batiffol, 63; A. Puech, II, 91; Freppel, I, 258; Dibelius, 419; Rauschen-Altaner; G. Bareille in DTC. VI, 2272-2276).

То же мнение разделяют и православные патрологи И. В. Попов и Баланос.

О возможных влияниях на автора этого произведения будет сказано в своем месте.

Содержание этого документа естественно распадается на три слоя, а именно 5 видений, 12 заповедей и 10 подобий. Это, как в свое время было уже указано, дало повод некоторым ученым строить предположения о нескольких авторах и, следовательно, о неодновременности его составления.

Кроме этого деления на видения, заповеди и подобия, можно в "Пастыре" усмотреть две части: с I по IV видения, данные Старицею или Церковью откровения, и от V видения до конца, сообщенное ангелом покаяния учение о нравственной жизни.

Более частным образом содержание "Пастыря" может быть сведено к нижеследующему.

Видение 1-ое содержит рассказ о небесном откровении ему и некое обличение за его собственные несовершенства в личной и семейной жизни. Тут находим и автобиографические данные об авторе.

Видение 2-ое есть призывание автора к проповеди.

Видение 3-ье является одним из самых замечательных мест всего памятника, т. к. рассказывает о постройке башни, изображающей символически Церковь.

Видение 4-ое описывает встречу с каким-то страшным зверем, прообразом будущего гонения на Церковь.

Видение 5-ое есть, собственно, введение во вторую часть произведения, т. е. в заповеди.

Содержание этой второй части. Это заповеди: 1) о вере в единого Бога; 2) запрещение злословить; 3) запрещение лжи; 4) о целомудрии; 5) о печали и терпении; 6) о двух духах при каждом человеке; 7) о страхе Божьем; 8) о воздержании от зла; 9) о молитве; 10) совет избегать уныния; 11) о пороках и борьбе с ними; 12) об удалении от худых пожеланий.

Символические подобия третьей части могут быть следующим образом представлены:

1) символ грядущего града, напоминающий по своему настроению тему так наз. "письма к Диогнету".

2) символ виноградного дерева и вяза научают тому, что молитва бедного помогает богатому;

3) деревья зимой не обнаруживают никаких признаков, отличающих живое от засохшего, что прообразует, что в настоящей жизни праведников от грешников отличить трудно;

4) символ летних деревьев указывает на различие праведников в будущей жизни от грешников;

5) в этом подобии символически говорится о посте и чистоте тела. Сказать должно, что по своей терминологии это одно из самых сомнительных мест в "Пастыре", так как о Христе говорится в весьма сбивчивых выражениях;

6) символ богатого пастуха и сытых овец служит прообразом наслаждений в этой жизни и будущих кар;

7) символическое изображение плодов покаяния;

8) ива с ее ветвями, оживающими при поливке, служит символом покаяния и будущих наград; это подобие интересно для аскетических воззрений автора;

9) символическая постройка Церкви воинствующей и торжествующей. Она должна быть поставлена в связь с постройкой башни из III видения;

10) последнее подобие учит о покаянии и милостыне.

Таково в общем содержание этого произведения, написанного, как принято думать, в условиях вышеуказанных, неким Ермом, в юности проданным в Рим одной женщине, Роде, но потом полу-

чившим свободу, жившим не совсем похвальной жизнью и наказанным разными семейными несчастьями. Явление небесного посланца послужило ему началом покаяния и исправления своей жизни. Небесный ангел в виде пастыря, с сумой, посохом и в белой коже, и послужил названием всего памятника.

"Пастырь" служит очень интересным свидетельством состояния Церкви в то время. Благодаря своему пророчески-апокалипсическому характеру, он обнаруживает такие стороны церковной жизни, которые важны для историка. Необходимо остановиться на некоторых подробностях его видений и подобию.

Постройка башни. (Видение III). Это наиболее замечательное место из всего памятника.

"Вот то, что я, братия, увидел: усиленно попостившись и помолясь Богу, чтобы Он объявил мне то откровение, которое было мне обещано показать через ту старицу, я в ту же самую ночь увидел старицу, и она мне сказала: "так как ты так ревностен к познанию всего, то пойдешь на поле, где молотят, и около 5-го часа я явлюсь к тебе и покажу то, что нужно тебе видеть..." Затем повествуется, как Ерм пришел на указанное ему место и нашел там скамью с льняной подушкой и натянутой на нее парусиной. Ерм молился, исповедал свои грехи, и затем пришла старица со 6-ю юношами и, посадивши Ерма на скамью, приказала строить башню.

(III, 2, 4) — "Большая башня строилась на водах из блестящих квадратных камней шестью юношами; им помогали десятки тысяч мужей, доставая камни, одни из воды, другие с земли, и подавали их юношам. Камни из воды были гладки и ловко приходились к другим камням. Казалось, что вся башня построена из одного камня. Из других камней, доставаемых из земли, не все употреблялись в дело, а некоторые отбрасывались в сторону. Были камни и с трещинами, негодные для постройки".

Старица объяснила и смысл виденного: (III, 3, 3): "Строящаяся башня, которую ты видишь, это я — Церковь, явившаяся тебе и теперь и раньше. Спрашивай то, что ты хочешь о башне, и я тебе открою, чтобы ты радовался со святыми. Тебе откроется то, что тебе нужно, да будет только твое сердце обращено к Богу и не сомневайся о том, что ты увидишь". (III, 3, 5): "Башня потому строится на водах, что ваша жизнь благодаря воде спасена и спасется. Основана башня глаголами Вседержителя и преславным именем, а держится невидимою силою Владыки".

На вопрос Ерма, кто же эти шесть юношей, которые заняты постройкой, старица ответила: "Это суть св. ангелы Божии, первые творения, которым Господь передал всю свою тварь и поручил возвращать, строить и владычествовать над всей тварью; благодаря им совершается построение башни. — А те другие, спросил Ерм, что приносят камни, кто они такие? — И это суть св. ангелы Божии, но те шесть над ними суть. Когда закончится построение башни, тогда все они вместе возрадуются вокруг башни и прославят Бога за то, что закончилась постройка башни".

После этого дает старица объяснение насчет камней (III, 5, 1): "Камни четырехугольные, белые и отшлифованные, это суть апостолы, епископы, учителя и диаконы, свято проходящие свое служение Богу... Одни из них почил, другие же еще живут. Они всегда были согласны друг с другом, имели между собою мир и слушали друг друга. Поэтому при постройке башни они согласованы между собою. Камни, извлекаемые из глубины реки, суть мученики за имя Господне. Другие камни, извлекаемые из сухого места, подходящие к постройке, суть те, которых испытывает Господь и которые исполняют Его заповеди. Другие камни, идущие в здание, — это новообращенные. Отложенные камни — это грешники, готовые каяться. Отбрасываемые далеко суть "сыны беззакония". Лежавшие во множестве и шероховатые, не идущие в кладку, — это те, кто познали истину, но не остались в ней и не имеют общения со святыми; посему они не годны к употреблению. Потрескавшиеся камни — это люди, питающие в сердце вражду; попорченные камни — это не вполне праведные люди. За ними упоминаются и верующие, но имеющие богатство этого века. Они будут годны для кладки, когда обесчестят их богатство".

(III, 7) — Другие оставшиеся суть: а) верующие, но двоедушные, сомневающиеся; б) отброшенные в огонь и не способные каяться; в) такие, что близ воды лежат, но не хотят в воду погрузиться; это те, что слышали слово, хотели креститься во имя Господне, но потом отпали от своего доброго намерения и вернулись к своим похотям. Так закончила старица объяснение постройки башни.

Проф. Дибелиус дает на этом основании такую схему состояния христианского общества во время Ерма; башня не есть эмпирическая, но идеальная Церковь:

Готовые для единства с идеальной Церковью:		Из идеальной Церкви исключенные "христиане"
немедленно	после покаяния	
Апостолы, епископы, учителя и диаконы (5, 1)	Готовые каяться (5, 5)	Сыны беззакония (6, 1)
Мученики (5, 2)	Не в общении со святыми (6, 2)	Сомневающиеся (двоедушные) (7, 1)
Праведники (3)	Враждующие (6, 3)	Нераскайнные (7, 2)
Новообращенные (5, 4)	Не вполне праведные (6, 4)	Отказавшиеся креститься (7, 3)
	Богатые (6, 5-7)	

Из сказанного ясно, сколь большое значение придается автором покаянию. В этом отношении уже можно наметить в памятнике два противоположные направления в христианской дисциплине: 1) более благостного и гибкого отношения к грешникам и 2) ригористического, непримиримого, так сказать, будущего монтеизма.

В Запов. IV, 3, 6 сказано: "есть одно покаяние; кто постоянно грешит и кается, это нисколько не помогает человеку. Трудно ему спастись". Ерм сам не монтеист, скорее он даже их будущий противник. Он придерживается более смягченного взгляда на покаяние. Монтеисты считали невозможным причастие в случае прелюбодеяния, убийства и отступничества. Ерм допускает покаяние и тут, но ограничивает это временем.

Состояние Церкви ясно рисуется из этого памятника. "Пастырь" есть проповедь возврата к первоначальной чистоте Церкви. Во время написания этого произведения нравы христианского общества значительно ослабели, а именно, как это явствует из XI заповеди, клир увлекся соблазнами мира; пресвитеры спорили между собою о первенстве; диаконы расхищали достояние вдов и сирот; пророки гордились и искали первенства, жили среди роскоши, торговали своим пророческим даром, предсказывали за деньги; появилось социальное неравенство, богатство с одной и крайняя бедность с другой стороны. Наблюдались случаи отречения от Христа и Евангелия; усомнились в скором пришествии Господа.

Ерм получает непосредственно от Бога откровения. Символически он изображает три периода жизни Церкви в трех образах. *Первое:* Церковь — старлица; дух ее одряхлел в житейских попече-

ниях. Это постепенный упадок нравов в Церкви до проповеди Ерма. (Видение III, 11, 1-4). *Второе:* Церковь — молодое лицо, но тело и волосы старческие. Это означает постепенное обновление Церкви после проповеди Ерма о скорой парусии Христа. (Видение III, 12, 1-3). *Третье:* Церковь — молода и прекрасна. Это ее обновление; цель проповеди исполнилась. (Видение III, 13, 1-4). Возможно, что тут то же влияние, что и в монтеизме, где Церковь переживает тоже три периода.

Исключительный интерес, который "Пастырь" проявляет к покаянию и покаянной дисциплине, поставил на очередь вопрос об отношении Ерма к монтеистическому движению в христианстве. Отождествлять "Пастырь" с монтеизмом, как уже было только что указано, невозможно. Между ними существенная разница. Но не замечать некоторого сходства тоже не следует. Cotelir в свое время (1672) назвал Ерма "борцом за католическую веру против Монтеана". С другой стороны, Lipsius в 1865 г. ("Der Hirt des Hermas und das Montanismus in Rom", in "Zeitschr. für wissensch. Theologie") высказал совершенно обратное предположение, т. е., что "Пастырь" сродни монтеистическому ригоризму. Мнение это не встретило признания со стороны ученых. Так, А. Stahl если и считает Ерма не столько борцом против монтеизма, сколько защитником христианства от фригийской секты, то видит в этом памятнике *строго церковное* явление, параллельное или даже может быть близкое монтеизму, но с ним не совпадающее (246; 257). Приблизительно то же высказывают проф. И. В. Попов, G. Bareille in DTC. VI, 2273, Th. Zahn, Dibelius.

Этот на первый взгляд похожий на монтеизм взгляд на высокую нравственность, обязательную для христиан, позволяет остановиться несколько подробнее и сделать из учения "Пастыря" о духовной жизни некоторые выводы.

Тема о покаянии занимает автора на протяжении значительной части книги, и наряду с этим раскрывается аскетический идеал той среды и того времени. Прежде всего, христианин должен "отринуть от себя всякое лукавство и облечься во всякую добродетель праведности" (Зап. I, 2). Эти добродетели создаются на *детской простоте* и незлобивости, на ровности настроения, на простоте нрава (Зап. II, 1-4), великодушии и терпении (Зап. V, 1, 1), *великой широте*, веселии и беззаботности (Зап. V, 2, 3). Сами слова этих

нравственных предписаний дышат какой-то детской незамысловатостью и непосредственной искренностью. Они уравнивают те звуки ригористической морали, которые могут казаться навеянными монтанистическими настроениями, уже носившимися в воздухе. Это все во всяком случае далеко от будущих крайностей позднейшего времени в некоторых течениях монашества. Но это опять-таки не означает какой-либо половинчатости или конформизма с делами мира сего. Нравственный идеал "Пастыря" очень высок, и его духовность, свободная от всякого компромисса, требует *полной*, безупречной чистоты, праведности и совершенного воздержания.

Вершиной духовного совершенства автор считает мученичество за Христово имя. С этого начинается проповедь Старицы при построении башни (Вид. III, 1, 9). Как сказано выше, это видение башни должно быть дополнено VIII подобием, символическим образом оживающей от дождя ивы (символ крещения), в котором являются три образа духовности: 1) пострадавшие за закон, т. е. за Сына Божия; 2) страдавшие за закон и хотя и не вкусившие смерти, но и не отрехшиеся от закона; 3) кроткие и праведные, жившие в чистоте сердца и соблюдавшие заповеди Божии. Характерна также проповедь чистоты, незлобия, радости, духа девства и милосердия ко всякому (Подоб. IX, 24, 1-2). Важно то, что в понимании этого памятника каждодневный подвиг за чистоту учитывается как добровольное обречение себя на мученичество. Аскетический идеал в подвиге девства, детской чистоты, праведности, поста, целомудрия и веселия сердца приближается к подвигу исповедников и мучеников и во всяком случае превосходит уровень средней обывательской нравственности. Следует при этом отметить, что фраза: "если сделаешь что-либо доброе сверх заповеданного Господом, то приобретешь себе еще большее достоинство и будешь пред Господом славнее, чем имел быть прежде" (Под. V, 3, 2) — дала католикам повод усмотреть здесь обоснование для их учения об "opera supererogatoria" и для различения "заповедей Господних" от "евангельских советов". (Bardenhewer, I, 576; Rauschen, 50; Tixeront, HdD, I, 161; J. Quasten, I, 102). Это не находит, разумеется, отклика в науке протестантской. (A. Stahl, 235-244).

"Пастырь" есть красноречивое свидетельство упадка нравов в тогдашнем христианском обществе и сожаление об утраченной чистоте церковных одежд. Почувствовалась необходимость "внутренней миссии" (Puech, II, 76). При сопоставлении эмпирической действительности с теми высокими заданиями, которые ставятся как в этом памятнике, так и в "Дидахи", чувствуется, что жизнь не может этим заданиям удовлетворить, что аскетические требования первохристианства не могли не войти в конфликт со слабостью и греховностью человеческой природы. Как верно заметил проф. Дибелиус, в "Пастыре" ясно поставлена тема "христианство и мир" (424).

В "Дидахи" истинный пророк тем и отличается от лже-пророка, что он имеет "нрав Господень". Точно так же и Ерм (Зап. XI, 16, 7) научается испытывать духоносность пророка по делам его и по жизни. Истинный пророк у него тот, кто кроток, смиренен, чужд всякого лукавства и суетной похоти *этого мира*, старается быть меньше всех людей. Наоборот, лже-пророк рисуется как человек пустой, земного духа и не имеющий силы. Он "желает председательствовать, он дерзок, бесстыден, многоречив, склонен к роскоши и ко многим другим порокам, берет плату за свое пророчество, а если не получает мзду, то и не пророческует". Он и сам пустой человек, и пустых людей пустому учит.

Богословско-философская ценность книги. Автор написанного в Риме "Пастыря" происхождения все же греческого. Это подтверждается и именем "Ерм", и некоторыми подробностями, как например тем, что действие IX Подобия разыгрывается в Аркадии, в произведении сильно выражен аллегорический стиль, встречаются эллинские имена добродетелей и пр. И как бы строго ни расценивать не всегда первоклассный греческий язык автора, все же он легко обнаруживает свои эллинские корни, которые не заглушил семитическими настроениями, еще очень сильными в первохристианских кругах. (A. Puech, II, 92-95).

Но, конечно, нельзя себе представить Ерма вне его исторической рамки. Он — не философ. Эпоха не благоприятствовала и не звала к богомыслию. Богословие "Пастыря" оставляет желать много лучшего, в особенности в области христологии. (Bareille, col. 2279). В самом деле, в Подобии V, 2 мы находим очень сбивчивые богословские мысли. Там говорится о человеке, имеющем

виноградник, который посылает своего верного раба работать в нем. После того, как тот сделал не только то, что ему было приказано, но и некоторую дополнительную работу, хозяин зовет Сына и своих друзей. В согласии с ними, он решает сделать раба наследником. Здесь различаются три лица, и, по объяснению самого Ерма, поле означает мир; хозяин — это Бог, создавший все; *Сын Его* есть *Св. Дух*, а *слуга* — это *Сын Божий*. Засим (V, 6) Бог пожелал вселить Св. Дух в тело. Эта плоть Ему не повредила нисколько и должна получить достойное место, как и вообще всякая плоть должна получить свою награду. Кроме того, говорится и об одном из ангелов, стоящем над 6 ангелами Совета Божия. (Виден. V, 2; Зап. V, 1, 7; Подоб. V, 4, 4; VII, 1, 5; VIII, 11). Он — святой, славный и особо чтимый. В Подобию VIII, 3, 3 он назван Михаилом. Гарнак отождествляет этого ангела с Сыном Божиим, но, как указывается Barelle (col. 2280), а также и Bardenhewer (I, 577-578), Михаил всегда называется ангелом, а Сын Божий не всегда; кроме того, Михаил имеет власть только над народом (Подоб. V, 6, 4), тогда как Сын Божий является Господином Башни, т. е. Церкви.

Предполагать в этой неясной терминологии зачаток будущего адопционизма не приходится. Христология "Пастыря" не столько адопционистическая, сколь пневматологическая. (Dibelius, 573; Bousset, "K. Chr.", 267, not. 1).

"Пастырь" знает довольно интересную ангелологию. Различаются ангелы высшие и низшие (Под. V, 5, 3; IX, 6, 2). Говорится об ангелах в Совете Божиим (Под. V, 6), различаются ангелы покаяния (Вид. V, 7), ангел Михаил, ангел Фегри, хранитель диких зверей (Вид. IV, 2, 4), что вызвало негодование блаж. Иеронима, назвавшего это "глупостью" (M.P.L. 25, 1286). Наконец, у человека два ангела: один ангел праведности, а другой ангел лукавства (Зап. VI, 2, 1-3).

В экклезиологии этого памятника есть некая характерная подробность. Кроме известного уже символа Церкви, как башни, строящейся у воды, она является автору, как уже известно, и в виде некоей старицы. В Видении II, 4 автору ставится вопрос, знает ли он, кто эта старица, от которой он получил книгу. "Это Сивилла", — отвечает он. — "Ошибаешься, это не так". На вопрос же самого Ерма, кто же она, был дан ответ: "Церковь". — "Почему же она стара?" — "Потому, что создана прежде всех вещей. Потому стара, что ради нее и мир утверждён". Это напоминает уже известную мысль так наз. "Второго послания Климента" (XIV, 1-2)

о том, что Церковь духовная прежде солнца и луны создана. Повидимому идея о предсуществовании Церкви в то время в среде первых христиан была весьма распространена.

Но интерес и ценность этого памятника не могут быть ограничены всеми вышеразобранными особенностями его, которые, вне всякого сомнения, очень характерны. Заслуживает внимания, конечно, и то, что произведение со столь сомнительной христологией имело такое распространение в христианской среде, что рядом писателей и учителей Церкви оно признавалось назидательным и даже, некоторыми, боговдохновенным, а кое-где включалось и в канон священных книг. Все это, вероятно, может быть объяснено возвышенным нравственным учением (во II и III частях) и вдохновенной проповедью покаяния, источники которой требовали бы также более внимательного изучения со стороны их безусловной ортодоксальности.

Есть, однако, еще одна подробность в этом произведении, на которой следовало бы остановиться, но которая, как кажется, не заинтересовала исследователей. Внимание ряда ученых, как указывалось выше, было привлечено структурой памятника. Возникла некая формальная проблема, возбуждив вопрос о интегритете, единстве автора, взаимоотношении частей памятника, в частности заповедей и подобию, и пр. Но в этой, казалось бы, внешности "Пастыря" все не сводится к одной только формальности. Гораздо важнее сам факт наличия в нем этих подобию или парабол. Приточный характер этой III части значителен сам по себе и есть не только деталь в христианской апокалиптике одного этого времени. Навеянный отчасти библейской типологией, а может быть филоновским аллегоризмом, этот приточный стиль не пройдет бесследно для восточной богословской письменности позднейшей эпохи. В будущем, под влиянием александрийского метода толкования Писания и, конечно, неоплатонизма, он в византийском богословии, а особенно мистике, приведет к одному из существеннейших их отличий — к символическому реализму. Но это будет, конечно, достоянием более зрелой эпохи: св. Григория Нисского, св. Максима Исповедника, св. Анастасия Синаита, св. Фотия, св. Григория Паламы, чтобы не называть других, менее замечательных авторов.

ВО ЧТО ХРИСТИАНЕ ВЕРЯТ *

IV

Итак, мы стали перед страшным выбором. Либо Иисус, о котором мы говорили, был и есть именно то, чем Он себя называл, либо это сумасшедший, а то и кое-что похуже. Для меня совершенно очевидно, что Он не был ни сумасшедшим, ни дьяволом; посему, как бы это ни было странно, или страшно, или невероятно, я должен усвоить взгляд, что Он был Богом и есть Бог. Бог в человеческом облике совершил высадку в занятый врагом мир.

Теперь спрашивается, какова была цель всего этого? Конечно, та, чтобы научить. Но как только вы начинаете знакомиться с Новым Заветом или любым другим христианским писанием, вы находите, что в них постоянно говорится о чем-то другом – о Его смерти, о Его воскресении. Вполне очевидно, что по мнению христиан все дело в этом и состоит. Они думают, что главная цель его пришествия на землю заключалась в том, чтобы претерпеть мучения и быть убиенным.

Прежде чем я стал христианином, я находился под впечатлением, что главное, во что христиане должны верить, заключается в особой теории, касающейся цели этой смерти. Согласно этой теории, Бог хотел наказать людей за то, что они Его покинули и присоединились к Великому Мятежнику, но Христос вызвался вместо них потерпеть наказание, и Бог простил нас. Я признаюсь, что даже эта теория не кажется мне в такой же мере безнравственной и глупой, как в прошлом; но не в этом дело. Впоследствии я убедился в том, что христианство не заключается ни в этой теории, ни в любой другой. Главное христианское верование заключается в том, что смерть Христа каким-то образом оправдала нас перед Богом и дала нам возможность словно заново родиться. Теории

*) Из бесед в Магдален Колледж, составивших книгу "Сущность христианства" (изд. *Mere christianity*). Начало см. в "Вестнике" №150, стр. 42-53.

о том, как это совершилось, уже другое дело. Таких теорий было выдвинуто довольно много, но все христиане согласны с тем, что цель достигается. Я скажу вам свое мнение об этом.

Все здравомыслящие люди знают, что для усталого и голодного человека пища полезна. Но современная теория питания (насчет витаминов и протеинов) – совсем другое дело. Люди ели и чувствовали себя после этого лучше задолго до того, как кто-либо слышал про витамины, и если когда-либо теория витаминов будет опровергнута, люди по-прежнему будут обедать. Теории о смерти Христа не суть христианство: они объясняют, как оно действует. Христиане придерживаются разных мнений о значении этих теорий. Моя собственная Церковь – англиканская – не считает ту или иную из них правильной. Римско-католическая Церковь идет несколько дальше. Мне кажется, однако, что все они согласны с тем, что это верование само по себе бесконечно важнее любых разъяснений, выдвинутых богословами. По моему мнению, они, вероятно, соглашались с тем, что нет разъяснения, вполне соответствующего реальности. Как я сказал, однако, в предисловии к этой книге, я не специалист, а тут мы затрагиваем сложный вопрос. Посему я ограничусь тем, что скажу вам об этом свое личное мнение, ценно оно или нет.

Согласно моим взглядам, вас просят признать не сами теории. Интересно, сколько из вас читали Джинса или Эддингтона? Эти ученые, когда они хотят разъяснить вам, что такое, к примеру, атом, дают вам описание, на основании которого вы можете мысленно нарисовать себе картину предмета, но затем они предупреждают вас, что эта картина не есть то, во что ученые действительно верят. Верят ученые фактически в математическую формулу. Картина верна не в том же смысле, в каком верна формула; она не дает вам настоящую вещь, а лишь что-то более или менее похожее на нее. Назначение картины лишь в том, чтобы вам помочь, и если она вам не помогает, забудьте о ней. Самое вещь *нельзя* изобразить; ее можно выразить только математически. Так вот, мы тут в таком же положении. Мы верим, что смерть Христа является именно тем историческим моментом, когда нечто абсолютно невообразимое извне проявилось в нашем мире, причем, если мы не в состоянии представить себе даже атомы, из которых построен наш мир, мы, конечно, не в состоянии представить себе это явление. На самом деле, если бы выяснилось, что мы можем вполне его понять, этот

именно факт был бы доказательством того, что оно не есть то, чем оно кажется — невообразимым, несотворенным, вещью вне природы, пронизывающей природу как молния. Естественно задать вопрос — какая польза нам от того, что мы его не понимаем? На это нетрудно ответить. Человек может съесть обед, не понимая точно, каким образом еда его питает. Человек может поверить в то, что сделал Христос, не понимая, как оно действует, и конечно он не будет знать, как оно действует, *до тех пор пока* он не поверит.

Нам говорят, что Христос был убит ради нас, что Его смерть очистила нас от грехов и что своею смертью он самое смерть лишил действительности. Такова формула. Это и есть христианство. В это надо верить. Любые теории, которые мы выдвигаем, относительно того, как смерть Христа все это сделала, по моему мнению, совершенно неважны. Они служат лишь планами или чертежами, которыми не надо пользоваться, если они нам не в помощь, и даже если они нам не помогают, их не следует отождествлять с самим явлением. Тем не менее, в некоторые из этих теорий стоит вникнуть.

Та из них, которую большинство людей слышало, и есть та, которую я упомянул раньше, а именно, теория о том, что мы прощены, потому что Христос вызвался понести наказание вместо нас. На первый взгляд это очень глупая теория. Если Бог был готов простить нас, почему на самом деле Он нас не простил? И какой может быть смысл в наказании невинного лица взамен нас. По моему, смысла решительно никакого нет, если вы думаете о наказании, налагаемом в судебном учреждении. С другой стороны, если вы думаете о долгах, то премного смысла в том, чтобы человек, имеющий какую-либо собственность, заплатил долг неимущего. Или, например, если вы возьмете выражение "расплата" не в смысле наказания, а в более широком смысле ответственности за содеянное, или уплаты по счету, то в таком случае, конечно, как всякий знает, если кто-либо попал в беду, выручать его обыкновенно приходится добросердечному другу.

Ну-с, что это за "беда", в которую человек попал? Он пытался стать независимым, вести себя так, как будто он сам себе принадлежит. Другими словами, падший человек не есть просто несовершенно существо, которое нуждается в совершенствовании; он мятежник, который должен сложить оружие. Сложить оружие, сдаться, сказать "виноват", понять, что вы следовали по неверному пути, и быть готовым начать жизнь сначала от самого основания — вот единственный способ выпутаться из "беды".

Этот процесс сдачи — это движение полным ходом назад — и есть то, что христиане называют раскаянием. Имейте в виду, что в раскаянии нет ничего приятного. Раскаяние дается гораздо труднее, чем покорность. Для этого надо отучиться от самомнения и своеволия, к которым мы приучались в течение тысячелетий. Для этого надо *убить* часть самого себя, пройти через некоторого рода смерть. Надо быть хорошим человеком, чтобы раскаяться, и тут мы наталкиваемся на затруднение: только плохой человек *нуждается* в раскаянии, но только хороший человек *в состоянии* раскаяться. Чем вы хуже, тем более вы нуждаетесь в раскаянии, но тем менее способны раскаяться. Только безупречный человек способен вполне раскаяться, но ему это не нужно.

Имейте в виду, что это раскаяние, эту готовность *умереть* и в некотором смысле умереть Бог от вас не требует, прежде чем вас обратно принять, и Он мог бы вас от того освободить, если бы этого пожелал: это просто описание того, что нужно делать, чтобы вернуться к Нему. Если вы попросите Бога *взять* вас обратно без этого, вы в действительности просите Его дать вам разрешение вернуться, не возвращаясь. Этого не может случиться, так что мы должны через это пройти. Но та же греховность, из-за которой мы в этом нуждаемся, не дает нам возможности это сделать. Можем ли мы это сделать, если Бог нам поможет? Да, но что мы имеем в виду, когда мы говорим о Божьей помощи? Мы имеем в виду, что Бог вкладывает в нас, так сказать, частицу Самого Себя. Он дарует нам немножко Своего разума, благодаря чему мы способны рассуждать; Он вкладывает в нас немножко Своей любви, благодаря чему мы любим друг друга.

Когда *учите* ребенка *держите* его руку, помогая ему выводить буквы; это значит, что он выводит буквы, потому что вы их выводите. Мы любим и рассуждаем, потому что Бог любит и рассуждает, и держит нашу руку, когда мы это делаем. Все это было бы нетрудно, если бы не грехопадение. К несчастью, однако, мы теперь нуждаемся в Божьей помощи для того, чтобы сделать то, что Бог по своей природе никогда не делает, а именно, сдаться, пострадать, подчиниться, умереть. В природе Божьей нет ничего соответствующего этому процессу, так что тот именно путь, на котором мы больше всего нуждаемся в Божьем руководстве, есть путь, по которому в силу Своей природы Бог никогда не следовал. Бог может поделиться только тем, что у Него есть, но этой вещи по своей природе Он не имеет.

Предположим, однако, что Бог стал человеком — предположим, что наша человеческая природа, которая может страдать и умирать, соединилась с Божьей природой в одном лице, то в таком случае это лицо могло бы нам помочь. Он мог бы отказаться от Своей воли, пострадать и умереть, потому что Он человек, причем Он мог бы в совершенстве это сделать, потому что Он Бог. Вы и я можем это проделать только в том случае, если Бог проделает это внутри нас; но Бог может это проделать только став человеком. Наши попытки умереть в указанном смысле будут успешными только в том случае, если мы, люди, станем участниками в Божьей смерти, точно так же, как наш мыслительный процесс успешен только потому, что он есть капля в океане Его разума. Но мы не можем участвовать в Божьей смерти, если Бог не умирает, а Он может умереть только в том случае, если Он становится человеком. В этом смысле Он уплачивает наш долг и переносит за нас страдания, которые Ему Самому нет никакой надобности переносить.

По крайней мере так это я понимаю. Но имейте в виду — это только еще одна картина. Не принимайте ее за самое вещь, а если она вам не помогает, оставьте ее без внимания.

V

Совершенные покорность и унижение были перенесены Христом: совершенные, потому что Он был Богом, покорность и унижение, потому что Он был человеком. Христиане верят, что мы будем участвовать в Его победе над смертью, обретем новую жизнь после того, как мы умрем, и в ней станем совершенными и вполне счастливыми существами, если мы каким-то образом примем участие в смирении и страданиях Христа. Это означает гораздо больше, чем старания следовать Его учению. Люди часто спрашивают, когда произойдет следующая стадия эволюции, переход к чему-то превосходящему человека. Так вот, согласно христианскому взгляду, это уже произошло. В лице Христа появился нового рода человек, и нового рода жизнь, которая в Нем началась, будет вложена в нас.

Каким образом это должно быть выполнено? Прежде всего, прошу вас иметь в виду, каким образом мы приобрели старую,

обыкновенную жизнь. Мы получили ее от других, от наших отцов и матерей и от всех наших предков, без нашего согласия, и кроме того путем весьма любопытного процесса, связанного с удовольствием, болью и опасностью, процесса, которого вы никогда не могли бы предугадать. Большинство людей в детстве, в течение многих лет, старается представить себе этот процесс, причем иные дети, когда им впервые его разъясняют, не верят тому, что им говорят. Я им до некоторой степени сочувствую, потому что процесс этот действительно весьма странный. Так вот Бог, который устроил этот процесс, есть тот же самый Бог, который устраивает порядок распространения новой жизни, Христовой жизни. Таким образом, вы должны иметь в виду, что этот порядок тоже странный. Он не запрашивал нашего мнения, когда Он изобрел пол; Он не советовался с нами, когда Он изобрел этот порядок.

Три вещи распределяют Христову жизнь среди нас: крещение, вера и то тайное действие, которое разные христиане называют по-разному — Святым Причастием, литургией, Тайной Вечерей. По крайней мере в этом состоят три обыкновенных метода. Я не говорю, что нет особых случаев, когда распределение происходит без одного или более из этих методов. У меня нет времени затрагивать особые случаи, да кроме того я слишком мало об этом знаю. Если вы стараетесь в течение нескольких минут сообщить человеку, как добраться до Эдинбурга, вы скажете ему, какие имеются поезда. Он может туда добраться пароходом или на самолете, но вы едва ли эти способы затронете. Я ничего не говорю о том, какой из трех методов наиболее существенный. Мой друг методист хотел бы слышать от меня гораздо больше насчет веры и гораздо меньше (соразмерно) насчет двух других методов. Но я не намерен этого затрагивать. Всякий, кто берется учить вас христианской доктрине, несомненно скажет вам, что надо пользоваться всеми тремя методами, и это годится для нашей теперешней цели.

Я лично не могу понять, почему эти вещи считаются проводниками к жизни нового рода. Но с другой стороны, если бы я случайно не знал, я никогда не видел бы связи между некоторым физическим удовольствием и появлением нового человеческого существа. Мы принуждены иметь дело с реальностью в том виде, в каком она нам является. Нет смысла в разговорах о том, какой ей следовало бы быть или какой мы ожидали, что она будет. Хотя я не могу понять, почему дело так обстоит, я могу вам сказать, почему я верю, что оно действительно. Я уже вам разъяснил, почему

я принужден верить, что Иисус был (и есть) Бог, и мне кажется очевидным, как исторический факт, что Он говорил своим последователям, проповедуя свое учение, что именно таким образом достигается новая жизнь. Иными словами, я этому верю в силу Его авторитета. Не бойтесь этого слова "авторитет". Верить сказанному в силу чьего-нибудь авторитета лишь значит верить потому, что сказанное вам исходит от человека, который по вашему мнению заслуживает доверия. В девяносто девять процентов вещей, в которые вы верите, вы верите в силу чьего-нибудь авторитета. Я верю, что существует место, называемое Нью-Йорком, хотя я сам никогда его не видел. Путем отвлеченного рассуждения я не мог бы доказать, что такое место действительно существует. Я этому верю, потому что об этом мне сказали люди, заслуживающие доверия. Рядовой человек верит тому, что существует солнечная система, атомы, эволюция и кровообращение в силу авторитета, потому что ученые это утверждают. Всем на свете историческим фактам люди верят на основании чьего-нибудь авторитета. Никто из нас не видел завоевания Англии норманнами или поражения Непобедимой армады. Никто из нас не мог бы доказать, что они были, путем чистой логики, как доказывалось что-либо в математике. Мы верим, что они были, лишь потому, что люди, видевшие эти события, оставили после себя записи, в которых эти события изложены, т. е. фактически мы верим на основании чьего-нибудь авторитета. Человеку, который не признает авторитетов в других областях, как некоторые люди не признают авторитетов в области религии, придется довольствоваться полным незнанием в течение всей своей жизни.

Не думайте, что я выдвигаю крещение, веру и Святое Причастие как нечто, могущее заменить ваши личные попытки подражать Христу. Ваша естественная жизнь произошла от ваших родителей; это не значит, что она будет продолжаться, если вы не будете считаться с ее нуждами. Вы можете лишиться ее, если не будете о ней заботиться, или уничтожить ее путем самоубийства. Вы должны ее питать и за ней смотреть. Имейте все время в виду, однако, что вы ее не делаете, а только поддерживаете жизнь, полученную от кого-то другого. Таким же образом христианин может потерять Христову жизнь, вложенную в него, и он должен делать усилия, чтобы ее сохранить. Но даже самый хороший из когда-либо живших христиан не действует самостоятельно, он только питает или охраняет жизнь, которую он никогда не мог бы приобрести собственными

усилиями. Это сопряжено с практическими последствиями. Покуда естественная жизнь пребывает в вашем теле, она много сделает, чтобы поправлять это тело. Нанесите телу рану, и, в известных пределах, она залечится, тогда как на мертвом теле этого не случится. Живое тело не есть такое, которое никогда не повреждается, но оно может до некоторой степени себя поправить. Таким же образом, христианин не есть человек, который никогда не грешит, но он человек, который имеет возможность раскаяться, подняться и начать сначала после каждого падения, потому что внутри его есть Христова жизнь, которая все время его исправляет и дает ему возможность, следуя примеру Христа, испытать (в некоторой степени) ту добровольную смерть, которую Сам Христос испытал.

Вот почему христианин находится в ином положении, чем другие люди, которые пытаются быть праведными. Они надеются праведной жизнью угодить Богу, если таковой существует, или же, если они думают, что такового нет, они надеются заслужить одобрение праведных людей. Христианин же думает, что любое добро, которое он творит, проистекает из Христовой жизни внутри него. Он не думает, что Бог будет нас любить, потому что мы праведные люди, но что Бог сделает нас праведными, потому что Он нас любит; как стеклянная крыша теплицы, которая не привлекает солнечные лучи, потому что она блестит, а наоборот, блестит, потому что солнце на нее светит.

При этом позвольте мне подчеркнуть, что христиане не имеют в виду лишь что-то умственное или моральное, когда они говорят, что Христова жизнь внутри них. Эти слова не означают просто, что мы думаем о Христе или подражаем Ему; они этим утверждают, что Христос фактически действует через их посредство; что вся масса христиан является в буквальном смысле физическим организмом, чрез посредство которого Христос действует, — что мы являемся Его пальцами, его мускулами, клеточками Его тела. Быть может это объясняет две вещи. Оно объясняет, почему эта новая жизнь распространяется не только чисто умственными действиями, как вера, но также телесными действиями, как крещение и Святое Причастие. Дело не только в распространении понятия; оно скорее похоже на эволюцию — на биологический или сверх-биологический факт. Совершенно бесполезно стараться быть более одухотворенным, чем Бог. Человек не предназначен Богом быть чисто духовным существом. По этой причине Он пользуется

материальными предметами, как хлеб и вино, чтобы внедрить в нас новую жизнь. Быть может, нам это кажется грубоватым и недуховным. Богу это так не кажется: Он избрал питание. Он любит материю: Он ее избрал.

Есть еще одно обстоятельство, которое меня в прошлом приводило в недоумение. Не кажется ли вам крайне несправедливым, что эта новая жизнь доступна только людям, которые слышали про Христа и были в состоянии уверовать в Него. Так вот, по правде сказать, Бог нам не сообщил, каковы его предначертания для остальных людей. Мы определенно знаем, что никто не может быть спасен кроме как через посредство Христа; мы не знаем, только ли знающие Его могут быть через посредство Него спасены. Тем временем, если вы беспокоитесь о людях, находящихся вне христианства, то наиболее неразумным для вас было бы самим остаться вне христианства. Христиане суть тело Христа, организм, через посредство которого Он действует. Всякое добавление к этому телу дает Ему возможность делать больше. Если вы хотите помочь тем, кто находится вне христианства, вы должны добавить себя как клеточку к телу Христа, который *в состоянии* им помочь. Странно было бы отрубать палец человека, чтобы заставить его выполнить больше работы.

Другое возможное возражение заключается в следующем. Почему Бог явился в этот занятый врагом мир под личиной и вроде как бы организует тайное общество, чтобы подорвать диавола? Почему Он не высаживает крупных сил, не завоевывает мир? Разве Он недостаточно для этого силен? Христиане думают, что Он высаживает крупные силы, но мы не знаем когда. Но мы можем догадываться, почему Он медлит. Он хочет дать нам возможность добровольно присоединиться к Его войску. Я думаю, что вы, как и я, были бы весьма невысокого мнения о французе, который ждал бы вступления союзников в Берлин, прежде чем объявить, что он на нашей стороне. Бог предпримет наступление. Спрашивается, однако, представляют ли себе люди, которые просят Бога открыто и непосредственно вмешаться в дела нашего мира, что в таком случае произойдет. Когда это случится, это будет конец мира. Когда автор выходит на авансцену, представление кончилось. Нет сомнений в том, что Бог предпримет наступление, но какая польза в том, чтобы в тот момент говорить, что вы на Его стороне, в тот момент, когда вся физическая вселенная исчезнет, как сон, и что-то другое, что-то никогда не приходившее вам на ум,

громоздно вступит на ее место, что-то столь прекрасное для некоторых из нас и столь преисполненное ужаса для других, что уже выбора ни для кого не будет. В этот раз Бог будет зрим и столь поразителен, что внушит всякому живому существу либо непреодолимую любовь, либо непреодолимый ужас. В тот момент будет слишком поздно решать, к какой стороне примкнуть. Не стоит говорить, что вы предпочитаете лечь, когда устоять на ногах невозможно. В это время выбора больше не будет, в это время мы узнаем, какую сторону мы действительно избрали, сознавали ли мы этот факт прежде или нет. Избрать правую сторону мы имеем возможность *теперь*. Бог медлит, чтобы дать нам эту возможность. Эта возможность не вечная. Нам надо так или иначе принять решение.

(перевод осуществлен в Самиздате)

К О Н Т И Н Е Н Т

Литературный, религиозный
и общественно-политический журнал

Главный редактор журнала — Владимир Максимов.

«Континент» — ежеквартальный журнал, объемом около 400 стр.
Цена отдельного номера — 12 ДМ (пересылка за счет заказчика).
Стоимость годовой подписки (4 номера) — 40 ДМ (включая пересылку).

A. Neimanis · Buchvertrieb

8 München 40 Bauerstr. 28 · Germany

О НЕВОЗМОЖНОСТИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА КАНТОМ.
СПРАВЕДЛИВО ЛИ ОНО В XX ВЕКЕ?

В этом году наступает двухсотлетняя годовщина (1787-1987) воздействия на умы главного произведения Канта.¹

1. О "вещи в себе".

"Вещь в себе" Канта справедлива лишь в обывательском смысле. Для хозяйки стол — это предмет на четырех ножках, вокруг которого собирается семья за обедом. Что представляют собой физическое строение молекул, химический состав древесины и пр. — хозяйке неизвестно и ее не занимает. Для нее стол — это вещь в себе, то есть нечто ясное в его повседневном употреблении и невосмое по своей сущности.

"Вещь в себе" в философском смысле свидетельствует об узости взглядов Канта. Увы, он находился на незримом повороте у французских "просветителей" и опасался их окрика. Отсюда, вероятно, и происходит его боязнь стать на позицию творческого возникновения мира. Для Творца и для тех, кто способен постичь проект вещи, она как "вещь в себе" не существует. Уместно предложить следующее определение вещи: сгущение субстанции пустоты согласно проекту Творца.² Вопрос заключается во всемерном расширении способности и возможности познания.

2. Уровень познаний Канта при решении им вопроса "о невозможности онтологического, космологического и физико-телеологического доказательства бытия Бога".¹

Доводам Канта присущи следующие особенности:

— уровень самих доказательств схоластов, Декарта, Лейбница, которые он сам суммарно опровергает в своей критике;

— ограниченные научные достижения XVIII века. Для него и его современников листок, сорванный с дерева, скрывал все тайны своей жизнедеятельности. Он трогал лишь своим внешним узором,

живописными прожилками, причудливыми ворсинками (даже устьица, коими лист совершает газообмен, еще не были осознаны).

Ослепительные горизонты открыла лишь микробиология XX века, когда перед восхищенными взорами ученых предстали изумительные комбинаты (как бы серии взаимосвязанных заводов) по производству белков в микроскопических объемах. Не менее поразительны сложность и согласованность работы тончайших механизмов репликации, ассимиляции, выделения, регулирования...

В те времена о наследственности благоприобретенных признаков имелись фантастические представления, и лишь трудами Менделя, де Фризе, Вейсмана, Моргана и открытием Уинстона и Крика наконец-то были обнаружены и окончательно установлены истинные причины наследственности. Это было время, когда бескрайний детерминизм был в зените и подминал под себя верные ростки мыслей. Требовались открытия квантовой механики, дабы ниспровергнуть этот кумир позитивизма. Кант находился под идеологическим террором французских "просветителей", которые высмеивали Бога, как волшебника с магической палочкой, веру в Бога — как признак отсталости и суеверия, а духовенство — как шайку обманщиков. Поэтому открыто Кант не только не защищал Бога, а своими "доказательствами о невозможности" лил воду на мельницу безбожников.

Если Кант и верил в существование Бога, то лишь как в надмирную величину, не связанную с творческими свершениями. Отсюда и происходит "вещь в себе". О том же, что Творец выражает себя через универсальные законы мироздания,³ Канту было неизвестно. Упор на метафизику в противовес реальному миру привел Канта к катастрофическому непониманию природы пространства, времени, а следовательно и движения.

3. Провал безбожия.

В XVIII веке безбожники выискивали и высмеивали противоречия (как правило, мнимые) в Священном Писании, противопоставляли науку своего времени религии, полагали себя мудрецами, а верующих в Бога — стадом отсталых святош. При том уровне науки они были почти неуязвимы: мол, скептики, верить таких не заставишь! Так продолжалось долго. Но в XX веке шаткая опора безбожия рухнула. В своем верхоглядстве и легкомыслии безбожники полагали, что наука поддерживает в достаточной мере их

бредовые домыслы. Но именно точная наука и нанесла смертельный удар безбожному взгляду на мир. Тут-то и обнаружилась пустота безбожия, ибо высмеивать — это одно, а давать объяснения мироздания и эволюции мира — совсем другое. Кольцо вокруг безбожной концепции начало сжиматься уже в XIX веке. Отрицая творческое возникновение мира, безбожники решили спрятаться за воображаемую вечность во времени и бесконечность в пространстве физического мира. Но не тут-то было: наука доказала, что возраст физического мира не превосходит 15 миллиардов лет, а размеры его пространства ограничены. Согласно астрономии, радиус observable вселенной $R = 10^{16}$ метров. Общая теория относительности дает уравнение для определения радиуса вселенной (в зависимости от плотности в ней масс небесных тел). А теория густот⁴ доказывает, что физическое пространство должно быть ограниченным, т. е. замкнутым.

От вечно существующей вселенной безбожие вынуждено было ринуться в сторону возникновения мира из случайных столкновений частиц (неведомо как возникших!). Но и тут лазейка была навсегда захлопнута с помощью теории вероятности. Молекула белка не могла образоваться при случайных столкновениях своих элементов, даже если допустить, что атомы и элементарные частицы уже существуют. "Выдающиеся события с достаточно слабой степенью вероятности не могут произойти" (закон Бореля). Установленный Эмилем Борелем порог абсолютной космической невозможности (10^{-200}) позволяет достоверно утверждать, что за несколько миллиардов лет во вселенной не могло произойти никакого выдающегося события какой-бы то ни было природы, вероятность которого была бы меньше указанного числа (G. Salet. "Hasard et certitude", Paris, 1972, p. 99).

Доктор Шрамм доказывает невероятность возникновения биологических структур на следующем примере: "Рибонуклеиновая кислота (РНК) вируса табачной мозаики (ВТМ) содержит 6000 нуклеотидов. Вероятность образования специфической молекулы РНК благодаря случайной комбинации четырех нуклеотидов: $1/4^{6000} = 10^{-3613}$. Поскольку принято считать массу вселенной равной 10^{80} протонам, то практически невозможно за 10^{10} лет (возраст физического мира) получить рибонуклеиновую кислоту, даже если бы весь мир состоял из реагирующей смеси нуклеидов" (The Origins of Prebiological Systems, New-York, 1965). А главное, что вероятность образования специфической молекулы, вычислен-

ная Шраммом, неизмерно меньше вышеуказанного порога абсолютной космической невозможности ($10^{-3613} \ll 10^{-200}$). Таким образом, невозможно создать молекулу РНК посредством случайной комбинации ее составных частей.

В той же мере необоснованна вероятность случайного происхождения исходных частиц, каждая из которых представляет собой чудо инженерного гения. А ведь из них образованы атомы, из которых составлены нуклеотиды, необходимые для возникновения молекулы РНК. Для образования физического мира и его дальнейшего развития требовался особый творческий центр и источник энергии. Согласно универсальным законам природы, такой центр отсутствует в физическом мире, и Творческий Разум, создавший Вселенную, находился за ее пределами.

Ученый Джеймс Коппидж (Evolution: possible or impossible?, Zonderwan, 1973, pp. 95-115) рассчитал вероятность случайного формирования одной молекулы белка. Препятствия к возникновению: 10^{161} против 1, с вероятностью возникновения 1 на 10^{119819} . Следовательно, при самых благоприятных условиях потребовалось бы 10^{119848} лет (это-то при возрасте земли всего 10^{15} млрд лет!).

Не менее важный провал потерпела ведущая доктрина безбожия — марксизм. Уже самому Карлу Марксу пришлось забраковать так называемую "вульгарную материю" (то есть именно то, что обладает физическими свойствами и обычно считалось материей), поскольку невозможность опереть на нее безбожие стала очевидной еще в середине XIX века. Вместо нее Маркс ввел так называемую "диалектическую материю" (по существу — абсолютный дух Гегеля под другим названием). Эта подмена привела к провалу материализма и всех его "научных" претензий. Ныне доказано,⁵ что "диалектической материи" в природе не существует, а представляет она собой идею, лишенную вещности, неспособную вступать в единства с вещами физического мира. Она представляет собой синоним объективной реальности, которой произвольно приписаны фантастические свойства вечного движения и саморазвития. Так возник материализм без материи, а безбожие стало противопоставлять Богу метафизическую идею, в природе физического мира не существующую. Таким путем безбожие с воображаемой опорой на науку докатилось до дьявольского протеста. Вот почему воинст-

вующее безбожие ведет к диаволочеловечеству, чему XX век дает яркое свидетельство.

Провалы преследовали объяснения безбожников на всех направлениях. Стремясь объяснить процесс эволюции, они приписали своей выдуманной материи атрибут саморазвития, то есть самопроизвольного превращения простейших в более сложные и совершенные виды. Эта уловка категорически отбрасывается законом движения вещей⁶ и вторым законом термодинамики. Эволюция могла быть только творческой,⁷ самопроизвольные процессы все связаны с ростом энтропии. Оказалось, что доктрина безбожия не понимает краеугольных величин мира:⁸ пространства, времени, движения. Еще хуже обстоит с проблемой сознания, где доктрина окончательно запуталась.⁹ С треском провалилось объяснение химического происхождения жизни¹⁰ и теория происхождения человека из обезьяны, которая (не имея сознания!) вдруг начала трудиться. Также ничего не получилось с суррогатом души в виде условных рефлексов Павлова.¹¹

Все это вместе завершило зияющий провал безбожной идеи. Безбожие оказалось бессильно предложить концепцию, которая могла бы противостоять творческому образованию и преобразованию вселенной. Отсюда — невозможно требовать от доктрины безбожия научно обоснованных объяснений краеугольных вопросов мироздания и защиты их на должном уровне. Такие объяснения в корне противоречили бы природе вещей, а потому не существуют и невозможны. Организованное безбожие в XX веке затратило миллиарды на поиски подмен, но ничего не получилось, и осталось оно у разбитого корыта. Признать свое поражение — не в натуре безбожников. Поэтому продолжение знакомой линии наглого внушения и обмана сводит доктрину безбожия на уровень ниже партийной идеологии, непосредственно в плоскость шарлатанства и очковтирательства. С другой стороны, рядовых, мирно настроенных атеистов следует рассматривать как заблудших братьев и оказывать им всемерную помощь.

Итак, научные, и отчасти философские, достижения XX века позволяют утверждать творческий характер мироздания и главных вех его развития. Наконец-то эта важнейшая проблема оказалась научно доказанной. А отсюда следует и главный вывод: *необходимость Творца.*

Таким образом, два века работы ученых (среди которых было много позитивистов, агностиков и атеистов) привели к замечательному итогу:

1) Универсальные законы природы и основополагающие принципы и данные точных наук требуют творческого возникновения вселенной. Иначе она возникнуть не могла.

2) Окончательный провал безбожной доктрины, разоблачение ее пустоты и пороков, ниспровержение всех претензий на научность.

Доказательства сложились из упорных поисков истины лучших мыслителей века. В нашем изложении это приобрело характер доказательства от противного, что соответствует действительности лишь в малой мере. Но важен итог: он получен и строго обоснован.

В век квантовой механики, теории относительности и механики на квантовом уровне (как в макром мире, так и в податомных сферах) было бы неудивительным получение доказательств, основанных на принципе Гейзенберга, правиле дополнительности Бора, через идею виртуальных частиц или путем расширения идеи волновой функции (Ψ) Шредингера (или уравнения Клейн-Гордона), квадрат которой Ψ^2 представляет вероятность сложных явлений. Приложение такого арсенала в наш век не было бы удивительным. Однако, поразительная вещь: во всех вышеуказанных и многих менее существенных обстоятельствах вопрос о необходимости творческого начала и невозможности его отсутствия был столь очевидным, а доказательства столь убедительными, что применение указанного арсенала входило лишь как очевидные детали процессов, а не проблемные узловые точки. Большинство вопросов решалось даже *a posteriori* на основе накопленных данных, опыта, теории вероятности, статистики. Применение рассуждений *a priori* было необходимым лишь к существованию главной проблемы (согласно Канту, они должны были быть приложены к явлениям универсальным и необходимым).

Наконец, потребуются еще десятилетия, чтобы данный краеугольный вывод прочно вошел в сознание людей века. Но это совершенно неизбежно и песенка идеологии безбожия спета. Отметим, что агрессивное безбожие само оказалось собственным могильщиком, а ниспровержение его несусветных небылиц способствовало верному философскому взгляду на мир.

4. О ниспровержении Кантом онтологического и космологического доказательства бытия Бога.

Прежде всего поражает слабость самого доказательства. Кант его разбирает таким образом (стр. 422): "Бог всемогущ" (это в смысле Бог-субъект, всемогущ – предикат).¹² Если доказано, что Бог существует, то и данный предикат существует. Перепишем фразу: "Бог есть всемогущ". Слово "есть" предикатом не является и из него вовсе не следует, что Бог есть, т. е. существует (Кант считает "есть" логической связкой).

Добавим, что слово "существует" в ряде случаев становится предикатом. Так в примере Канта: "100 существующих талеров и 100 воображаемых" (т. е. как деньги не существующих). Здесь предикат "существует" имеет решающее для собственника денег значение, ибо определяет для хозяина их ценность, что может быть легко обнаружено и доказано. Но в случае Бога предикат – "существует" – отсутствует. То, что Бог существует, подлежит онтологическому доказательству.

"... Вы представляете, как фактическое доказательство, что есть только одно и притом только это понятие, небытие которого или отрицание его предмета противоречно в себе самом, и что это понятие о всереальной существе. Оно, говорите вы, имеет всю реальность и поэтому вы вправе признать такое существо возможным (но произвольное, хотя и не противоречащее себе понятие еще далеко не доказывает возможности предмета). ... А это доказательство ... всегда основывается на принципе *возможного опыта*, а не на основоположении анализа".¹³ И далее: "[если] признак возможности синтетического познания всегда надо искать только *в опыте*, к которому предмет идеи отношения иметь не может, то знаменитый Лейбниц далеко не сделал того, что он надеялся сделать, а именно видеть *a priori* возможность такого идеального существа".¹⁴

Кант справедливо указывает, что слово "существование" в данном случае предикатом не является, отсюда, бытие Бога таким путем не доказывается. Далее Кант справедливо сводил космологическое доказательство к неудаче с онтологическим доказательством.

В ходе рассуждений, а затем при переходе к рассмотрению физико-телеологического доказательства, Кант попал в тиски собственных взглядов. С одной стороны, как это следует из обоих

вышеприведенных центральных мест в оценке онтологического доказательства, он указывает на решающее значение опыта. Но одновременно подчеркивает, что "предмет идеи отношений (к опыту – Д.П.) иметь не может", а требует онтологического доказательства путем *a priori*. Кант стоит на том, что *a priori* означает познание, которое безусловно не зависит ни от какого опыта (ему противопоставляется эмпирическое познание *a posteriori*, т. е. посредством опыта).¹⁵

В наш век Кант оставил бы такую точку зрения, ибо она в корне противоречит всем достижениям квантовой механики как ведущей дисциплины века. В ней детали тончайших опытов воспринимаются высшими гармониками мысли, (в принятой нами терминологии – путем изошренной интуиции), которая всегда лежала и лежит в основе познания *a priori*.

Разлитая в мире целесообразность, ряд уже обнаруженных законов природы, явная финальность в развитии живых существ умерили категоричность Канта при обсуждении физико-телеологического доказательства. Доказательство существования цели Кант исследует с большим вниманием, и он согласен, что "в лучшем случае оно доказывает только архитектора, а не творца".¹⁶ Это замечание следует расценивать как признание Кантом могучих возможностей физико-телеологического метода, тем более, что в данном контексте разница между "архитектором" и "творцом" – чисто словесная (при единой сути – созидания).

5. О справедливости современного онтологического на основе физико-телеологического доказательства бытия Бога.

- I Существование физического мира не подлежит сомнению. Физический мир есть субъект, его существование является предикатом.
- II Спорным являлось качество этого предиката:
 - № 1. Физический мир существует благодаря творческим воздействиям.
 - № 2. Физический мир существует благодаря саморазвитию. (№ 3 – физический мир вечен – сводится к № 2).
- III Достижения точных наук в вопросах существования, т. е. возникновения и развития физического мира, доказывают:

- полную невозможность предиката №2 (т. е. исключение саморазвития).¹⁷
- подтверждение предиката №1, т. е. творческий путь возникновения и развития физического мира как единственный возможный.

Таким образом, доказан предикат №1, а предикат №2 отброшен как невозможный.

IV Предикат №1 принадлежит физическому миру и одновременно определяет предикат субъекта в виде надмирной густоты, способной на все необходимые творческие свершения. Таким путем воздействие Творца строго установлено. Главные необходимые для создания физического мира свойства его суть: всеведение, всемогущество, всездесущность. Остальные свойства Творца получаем из Божественных Откровений.

V Таким сложным путем абсолютная необходимость Творца доказана. Для монотеистических религий Творец является Богом. Отсюда: данное онтологическое (на основе физико-телеологического) доказательство бытия Бога действительно в полном объеме.

Заметим, что Кант по предъявлении ему этого доказательства обязан был бы с ним согласиться на основании следующей его мысли: "Поэтому я утверждаю, что физико-телеологическое доказательство само по себе не может доказать существование высшего существа, но всегда должно предоставить онтологическому ... восполнить этот недостаток".¹⁸ Ныне удалось сделать то, на чем настаивал Кант.

6. Некоторые изъяны в мировоззрении Канта.

В рассмотренном вопросе главным изъяном Канта является невозможность сочетания мышления *a priori* с эмпирическими данными опыта. А на этом фундаменте стоят все ведущие дисциплины точных наук.

Закончим это рассмотрение кратким перечнем недоработок в гносеологических и онтологических взглядах Канта.

С крупной его ошибки в вопросе о "вещи в себе" мы начали наш обзор. Но еще более крупную ошибку совершил Кант в вопросе

о пространстве и времени. По Канту, пространство не есть реальность, независимая от человека, а структура нашей внешней восприимчивости, форма *a priori*, в которую вливаются впечатления внешнего мира. Время также для Канта не представляет собой ни реальность в себе, ни независимую от нас систему; оно — структура, форма *a priori* нашего внутреннего сознания. Поскольку человек находится в постоянном общении с пространством и временем, пребывать непрерывно в напряжении ума, отвечающем состоянию их постижения *a priori*, не представляется возможным, ибо это потребовало бы непрестанной работы разума, направленной исключительно на воссоздание ощущений пространства и времени. Но у Канта разум (в отличие от рассудка) выполняет *a priori* наиболее сложную работу, создавая принципы, ноумены и трансцендентальные идеи. Возложить эту работу на рассудок невозможно, так как он приходит к выводам лишь путем логических рассуждений, а человек воспринимает пространство и время как ощущения.

Беда Канта и всех его современников в том, что они не имели представления о природе пространства, времени и движения, благодаря чему спекуляции на их счет предполагались вполне дозволенными. А такая вольность даром не проходит: позднее приходится расплачиваться качеством своих построений.

В "Теории густот" рассматривается ряд второстепенных огрехов Канта: в вопросах категории, феномена, идеи, интуиции (то только чувственной, то сверхчувственной) и т. д. Давать оценку Канта как мыслителя и моралиста не входит в мою задачу. Удивительно было, что свой вердикт о невозможности доказательства бытия Бога он считал окончательным.

Примечания

1. Эммануил Кант, "Критика чистого разума", 1787, СПб, 1902, изд. Попова, стр. 127-445.
2. Д. Панин, "Теория густот", 1982, Париж, главы 1-7.
3. Там же, гл. 7.
4. Там же, гл. 4.
5. D. Panine, "Le marxisme est-il un matérialisme?", revue *Le choix*, №8, 1978, Paris.
6. "Теория густот", гл. 2.
7. Там же, гл. 20.

8. *Le choix*, №8, 1978. D. Panine, "Le marxisme ou de l'espace et du temps".
9. Там же. D. Panine, "Le marxisme et la conscience".
10. Там же. D. Panine, "Le marxisme et les origines de la vie".
11. Там же. D. Panine, "A la recherche d'un substitut de l'âme (sur l'enseignement de Pavlov)".
12. Предикат – во всех высказываниях, где можно различить то, о чем говорят и что утверждают или оспаривают, первое есть субъект, а второе – предикат. (P. Lalande, "Vocabulaire de la philosophie", Paris, 1976, p. 811).
13. Кант, стр. 422.
14. Кант, стр. 426.
15. Кант, стр. 28.
16. Кант, стр. 443.
17. Творческие густоты с необходимыми свойствами для возникновения и развития физического мира в нем отсутствуют. Их наличие аннулировало бы универсальные законы природы. Термин саморазвитие требует появления в небытии исходных частиц с объяснением их возникновения, а также наличия сил, энергии и их сверхгениального использования. Допущение этих и многих других условий отпадает из-за вздорности самого предположения.
18. Кант, стр. 441-442.

Литература и жизнь

ИОСИФ БРОДСКИЙ – НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ 1987

СРЕТЕНЬЕ

(Памяти Анны Ахматовой, 16.2. 1972)

Когда она в церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук
Марии; и три человека вокруг
младенца в то утро, как зыбкая рама,
стояли, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал младенцу, но он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведено старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: — "Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем, что глаза мои видели это
Дитя: Он — Твое продолженье и света

источник для идола чтящих племен,
и слава Израиля в Нем". — Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смушена,
Мария молчала: "Слова-то какие..."
И старец сказал, повернувшись к Марии:

"В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же, Мария, оружием, которым

терзаема плоть Его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах людей, как некое око".

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шел, уменьшаясь в значеньи и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами он
к белевшему смутно дверному проему
шел молча по этому храму пустому.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой немного:
но то не его окликали, а Бога

пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер касался, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству лишенному тверди,

Он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширилась.

*(Впервые напечатано в сборнике "Памяти Ахматовой",
УМСА - PRESS, 1974)*

Е. Р.

Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке
отражения город. Позвякивают куранты.
Комната с абажуром. Ангелы вдалеке
галдят, точно высыпающие из кухни официанты.
Я пишу тебе это с другой стороны земли
в день рожденья Христа. Снежное толковище
за окном раздражается искренним "ай-люли":
белизна размножается. Скоро Ему две тыщи
лет. Осталось четырнадцать. Нынче уже среда,
завтра — четверг. Данную годовщину
нам, боюсь, отмечать не добавляя льда,
избавляя следующую морщину
от еёной щеки; в просторечии вместе с Ним.
Вот тогда мы и свидимся. Как звезда — селянина,
через стенку пройдя, слух бередит одним
пальцем разбуженное пианино.
Будто кто-то там учится азбуке по складам.
Или нет — астрономии, вглядываясь в начертанья
личных имен там, где нас нету: там,
где сумма зависит от вычитанья.

дек. 1985
(из книги "Урания", Ardis, 1987)

СТИХИ ИОСИФА БРОДСКОГО
В "ВЕСТНИКЕ РХД"

Бабочка ("Сказать, что ты мертва?").
На смерть друга ("Имяреку, тебе – потому что не станет за труд").
"1972" ("Птица уже не влетает в форточку").

№108-109-110 (1973)

Венеция ("Три старухи с вязаньем в глубоких креслах").
№112-113 (1974)

Памяти Т. Б. ("Пока не увяли цветы и ленты").
№115 (1975)

Темза в Челси ("Ноябрь. Светило, поднявшееся натошак").
№117 (1976)

Мексиканский дивертисмент ("В саду, где М., французский протеже").
№119 (1976)

Новый Жюль Верн ("Безупречная линия горизонта, без какого-либо
изъяна").
№122 (1977)

"Твой локон не сбивается в кольцо".
Менузет ("Прошла среда и наступил четверг").
№123 (1977)

Полдень в комнате ("Полдень в комнате. Тот покой").
№126 (1978)

Ю. КУБЛАНОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ НОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Это изумляющее явление: как в раннем, еще юношеском стихотворении большого поэта может быть заложена вся его грядущая метафизика, лейтмотив всего дальнейшего творчества. Таков "Парус" восемнадцатилетнего Лермонтова. И таковы – "Пилигримы" восемнадцатилетнего же Иосифа Бродского. Здесь уже присутствует многое из того, что станет впоследствии характерным: ощущение тщеты земной, жизненного трагизма и, вместе с тем, мужественно-пессимистическое противостояние Року. (Сам Бродский сравнивает свою меланхолию с мировоззрением Евгения Баратынского, "На что вы, дни!" – это и философия Бродского).

В этом Иосиф Бродский определился сразу. А вскоре нащупал и свою необычную и неожиданную поэтику.

... Прежде поэзия наша традиционно связывала себя с французской и немецкой. Пушкин читал Байрона в подлиннике, естественно предпочитал Шекспира Расину, но в целом, английское влияние оказалось для него опосредованным. То же и позже, и в Серебряном веке. Российская поэзия – при всем своем великом своеобразии – как бы оставалась в рамках континентальной Европы.

Бродский решительно привил русскому стиху традиции англоязычной поэзии. Это вывело его на новые рубежи, позволило (при несравненном даре и незаурядных мыслительных способностях) заговорить по-новому, резко расширить стиховые философские и выразительные возможности. Монументальность текстового потока, масштаб сарказма, остроумная нюансировка мысли и положений, пряная смесь иронии и лиризма – такого и в таких количествах до Бродского у нас не было.

Речевой корпус его поэзии и – строго организован, и – одновременно непредсказуем (правда, пожалуй, иногда предсказуемо настроение): настолько непринужденны рифмы и неожиданны сюжетные повороты. Музыка Бродского узнается сразу: она столь личностна и соприсуща именно его лирическому герою, что любая попытка работать в той же манере выглядит пародийно. Русская ритмика в общем-то ограничена; не умаляясь, она кочует от поэта

к поэту. У Бродского, однако, не позаимствуешь, это не только выдает с головой, но и обрекает на неудачу. Психологический и ритмический строй, тон, ток — неповторимы, неподражаемы. У него не только свой трагический мир, но и собственная устойчивая символика, синтаксис, словарь, одним словом — это своя, дотоле неслыханная "часть речи".

... Обусловленный поступательным духовным раскрепощением общества, религиозный прилив начала семидесятых годов сказался и в поэзии Иосифа Бродского ("На всякий звук / Свой отклик в воздухе пустом / Родишь ты вдруг" — Пушкин). Стихи "В Рождество", "Сретение" — шедевры не просто общерелигиозной, но именно евангельской лирики.

Однако в том же 72-ом, когда было написано "Сретение", Бродский выбирается из тоталитарного капкана на Запад. Вышеупомянутая линия, не подкрепляемая отныне реальными впечатлениями, интересами и, подспудно, спросом — затухает.

В эмиграции Бродский написал ряд гениальных и много превосходных стихотворений, утверждая замечательное равновесие между воображением и впечатлением от реальности. Но отныне он вопрошает Всевышнего и ведет свою тяжбу с Промыслом, минуя посредников: предание, Писание, Церковь. Это — Иов, взывающий (только подчеркнуто не аффективно) на весьма прекрасных обломках мира. А те, кто пытаются на него за то сетовать, невольно попадают в положение друзей Иова, чьи советы и увещания — мимо цели. (Влияние на Бродского Кьеркегора и Л. Шестова можно проследить на протяжении всего творческого пути стихотворца).

Христос, кажется, не любим поэтом, не признающим Его богосынства и не боящимся кощунственно отозваться о "Назоре". Новозаветная трехипостасность Творца вне сознания (а главное, веры) Бродского: Творец, ежели существует, то — неделим. Быть может, Бродский подозревает Евангелие в сентиментальности, которая в годы, когда поэт формировался и креп, вызывала особенное презрение.

Вообще, несмотря на все метаморфозы, Бродский на редкость верен настроениям времени, на которое пришлось пора его юности. Тогда, помнится, за высший тип почитался некий несколько доморощенный экзистенциалист, волк-одиночка, противостоящий среде, авторитету, клерикализму. Такой идеал неотторжим от, если

угодно, рефлексированного снобизма — средства, сначала применявшегося в целях самообороны против советской пошлости и покрытия недостаточности наращиваемых знаний, а потом уже — по инерции. Такого рода снобизм бывает замечен в некоторых эссе, статьях и размышлениях поэта, реже — в интонации отдельных стихотворений.

Наконец, новые средства выражения, позволившие Бродскому, как уже отмечалось выше, с размахом говорить о том, что традиционной нашей поэтике в силу ее специфики недоступно, — вместе с тем отчасти вывели за границу его творческого мира ту шемящность и даже романсовость, которыми, пусть несколько провинциально, славна отечественная поэзия. Непосредственно сердечного тепла в стихах Бродского меньше, чем у прежних сомаштабных ему русских поэтов. Лиризм стихотворства сплошь и рядом блокируется скепсисом и опосредуется сарказмом.

... Раскручивая порою маховик вдохновения и опредмечивая стихи настолько, что живую натуру в них не грех подчас бывает принять за мертвую, Бродский честно не озабочен катарсисом, ощутить который — дело чуткого и заинтересованного читателя.

Будущее покажет, как привьется и разовьется привнесенное Иосифом Бродским в нашу поэзию, насколько она сможет духовно и формально существовать в том новом измерении, которое дал ей наш выдающийся современник.

10.11.1987, Paris

Душа моя всегда ждала
Тот дивный час,
Когда звонят колокола —
Как Божий глас,
Когда ласкают небеса
Земную ширь,
И на космических весах
Не видно гирь,
Когда наш мир закрыт для зла
И так легко,
Когда слышны колокола
Так далеко...

1981

Не дай мне, Господи, покоя,
В себе несущего распад. —
В сравненьи с участью такою
Любой предпочитаю ад. —
Но дай покой благословенный,
Необходимый, чтоб в пути
Коснуться сути сокровенной
И ясность духа обрести.

1984

Все больше лиц знакомых и родных,
Растаявших в безжизненном тумане...
И в час ночной приходит пониманье,
Что на земле уже не встретишь их.

Встают они пред взором чередой,
И за окном становится светлее,
И вижу я чудесную аллею —
Колодец там вдали с живой водой.

1978

*) Римма Запесоцкая родилась в Ленинграде, закончила психологический факультет Ленинградского университета, работала социологом, дворником, лаборантом, рабочим археологической экспедиции, сторожем, машинисткой, редактором, библиотекарем, оператором газовой котельной. Выросла в нерелигиозной семье, крестилась в православие взрослой. Стихи пишет с 1959 г. В СССР не печаталась.

Икринки во враждебном океане,
Летящие по ветру семена,
Пронзенное бессмертием сознание,
В который раз воскресшая весна,
Следы идей, блуждающих в эфире,
Тот образ, что всегда неуловим,
И легкое прикосновение к лире —
Меня волнуют бытием своим.

1979

Во мне свои ростки пустили дни,
Которых больше нет;
И, став воспоминанием, они
Мне отдали свой свет.

По этим дням веду отсчет пути,
И не поглотит сон
Лишь боль и радость смертного: идти
С бессмертным в унисон.

1983

Т Ы

I

Ты — мой Путь, Поводырь мой и Свет,
И слепое, глухое творенье
Ты ведешь за собой, чтобы зренье
Мне открыть через тысячу лет.
Через жизни мучительный сон
Ты ведешь к пробуждению духа,
Чтобы дар абсолютного слуха
Мне вручить на исходе времен.

II

Ты — жизнь, Ты — дерево до неба,
Источник Ты воды и хлеба,
И я — Твоя лоза —
Цепляюсь за твою опору
И вверх ползу; и скоро, скоро
Смогу открыть глаза.

1983

Мы субъекты самовеличания
И ниспровергатели систем.
Суть вещей, достойная молчания, —
Вот одна из наших модных тем.

Нацепив подержанную тогу
И причислив к избранным себя,
Услужить пытаемся мы Богу,
Лишь свои желания любя.

Если сохранит Господь нам лица,
Души наши закалит огнем,
Может, мы научимся молиться
И свою гордыню проклянем.

1982

МОЯ ЗВЕЗДА

Седьмого месяца числа седьмого
В закатный час я в муках родилась,
И мне была дарована основа,
И где-то высоко звезда зажглась.

И вот который год переплетаю
Я нить основы с линией судьбы
И жизни бесконечность коротаю,
Как зимний вечер в сумерках избы.

Узор мой не закончен, и покуда
На вид небрежен он и некрасив,
Звезда моя не упадет, как чудо,
Но, может быть, прочертит свой курсив.

1981

ИЗ "МИТИНОГО ЖУРНАЛА"
(выпуск № 14 – март-апрель 1987)

Содержание журнала

Проза

В. ГРИГОРЬЕВ. Деревянная кукла.
Никита ПАНИН. Все реки на юг.

Поэзия

Михаил КОНДРАТЬЕВ. Стихотворения разных лет.
Татьяна ЩЕРБИНА. Стихотворения.

Архив

Аделаида ГЕРЦЫК. Подвальные очерки. (публ. Д. В.).

Изыскания

Георгий ВАСЮТОЧКИН. Этюды о Ходасевиче.

Appendix

Сергей ШАРИШУН. Долголиков.

В Ленинграде вот уже несколько лет выходит самиздатский литературный толстый журнал. Называется он интимно: *Митин журнал*, по имени его редактора, Дмитрия Волчка. Журнал публикует экспериментальные стихи и прозу, много переводов модернистских зарубежных писателей, а также архивные материалы и критику. Из 14-го выпуска *Митинового журнала*, случайно залетевшего на Запад, мы перепечатываем прекрасный прозаический очерк Аделаиды Герцык и статью о Ходасевиче, написанную к его столетию.

Аделаида ГЕРЦЫК *

ПОДВАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Откуда же и начать, как не отсюда, из этого замкнутого в грядках гор уголка земли, где суровая пустыньность холмов зовет к подвижничеству, а вечер тает в радужных красках перламутровой бездны, где горечь полыни сменяется сладким запахом винограда, а горечь жизни растворяется в широкой вольной печали?

На бурых склонах гор, как гряды бело-серых валунов, недвижны овцы, доносятся влажные вздохи моря, туман завесил дали легким пологом. А в долине зеленые сады, дачи, колючие изгороди – теперь почти все разрушенные, таящие каждая – свою скорбную повесть. Это могилы – памятники отошедшего.

Ураган, долетевший из мира, вихрем закружился здесь, не сдерживаемый ничем, сметая все на пути, избородил землю и души людские и глубокие неизгладимые руны начертал на всей стране, мученическим венцом увенчал ее... – И ныне мы, уцелевшие, можем разбирать эти письма, прозревая в них высший смысл и вечную правду. Не судить и не решать призваны мы, пережившие смутное время, не слагать пророчества, не толковать свершающееся. Если зримо нам то, что умирает, – мы не можем рассмотреть того, что зарождается вновь. Я знаю, что не исчерпаны силы жизни, я чувствую, что зреют и наливаются новые плоды, но мало надеюсь увидеть их и изведать их сладость и могу лишь собирать цветы на старых могилах.

*) Аделаида Казимировна Герцык (1880-1925) – русская поэтесса, автор сборника "Стихотворения" (1910) и ряда теологических работ. Значительная часть наследия А. Герцык осталась неопубликованной. (См. "Воспоминания" ее сестры, Евгении Герцык, УМСА – PRESS, 1973).

Было уже темно, когда меня привели к подвалу. Я спотыкалась, не видя канавок и неровностей почвы, и солдат дважды поддержал меня. Где-то внизу тускло мерцал свет. Сопровождаемая стражниками, спустилась по неровному земляному спуску, передо мной раскрыли деревянную решетчатую дверь, и в лицо пахло сыростью и застарелым винным духом. Озираясь по сторонам, медленно подвигалась вперед по узкому проходу среди лежащих и сидящих темных фигур, стараясь разглядеть и узнать. Но уже несколько человек поднялось мне навстречу. Меня окружили знакомые, жали руки, — через минуту я сидела на чем-то досчатом ложе среди близких лиц. Долгое мучительное ожидание в Особом Отделе напрягло нервы и, очутившись среди дружественных людей, хотелось плакать и говорить много и возбужденно. Но мне отвечали кратко, понижая голос, и я поняла неуместность излишних — против нас стоял человек с ружьем на плече. Заговорили о том, где и как мне устроиться на ночь. Кто-то принес свою подушку, две женщины потеснились, чтобы дать мне место рядом. В глубине мерцала жестяная коптилочка и едва-едва освещала длинный, теряющийся во мраке проход.

Скоро все стихло — говорить долго не позволялось. Кое-как пристроясь в неудобной позе, боясь пошевелиться, чтобы не мешать соседкам, я вглядывалась в необычную картину — низкие каменные своды, фигура часового, вырастающая то здесь, то там. Было холодно, я не сняла пальто, оно теснило и мешало мне. И ждала, ждала без конца сквозь всю долгую первую ночь, когда рассеется тьма и забрезжит утренний серый свет.

Это была первая ночь заточения, и у меня была уверенность, что утром придут, вызовут меня, все окажется недоразумением, и меня отпустят домой. Но шли ночи и дни, и эта уверенность, и нетерпеливое ожидание сменились покорностью и тишиной. Другое поднялось, появилось и стало важнее своей личной судьбы. Об этом другом я и буду говорить — беглыми штрихами, вызывая в памяти отдельные образы и впечатления.

TODESREIF

Чья-то рука протянулась ко мне и удержала меня, когда я пробиралась между лежащими и сидящими фигурами вглубь подвала. Вгляделась, узнала графа К.,* но не сразу узнала. Как мало был похож этот худой бритый человек в желтой узкой фуфайке на того светского хозяина прекрасной виллы с брезгливой усмешкой на холеном лице, каким я его встречала там, на земле. Я не любила его, меня смущал скучающий вид, чуждые мне разговоры. На бледном осунувшемся лице горели черные глаза — не злобно, нет, но страдальчески... Я не поняла тогда, о чем горение их, но обрадовалась ему и чувствовала, что и он обрадовался мне, что-то обоим близкое и милое промелькнуло без слов между нами, как если б тени Гектора и Ахиллеса, встретившись в Аиде, вспомнили обоим близкое бряцание оружия и ржание коней на милой земле. Но тотчас и забылось. Ничего не было, кроме темных сырых стен, безумия новой жизни и тьмы неведения впереди. Мы заговорили оба сразу. Я спрашивала, сколько времени он уже здесь, он спрашивал — давно ли я видела его детей, и здоровы ли они? Он все не выпускал моей руки, и это было так непохоже на все прежнее, что я себя вдруг почувствовала совсем иной. Он перешел на французский язык, и я не могла и здесь не обратить внимания на его великолепный парижский говор и мимолетно вспомнила, что он воспитывался в Париже. Он рассказал мне о своих ночах — сна почти не было с тех пор, как он в подвале (полтора месяца), бывают минуты забвения, но зато весь день он как бы в полудремоте. Он говорил обыкновенные вещи, но глаза странно не соответствовали словам, продолжали блестеть. Около нас остановился часовой, граф выпустил мою руку, и я пошла к своему месту, думая про себя, что пойму, должна понять этот странный, незнакомый мне блеск его черных глаз.

По утрам мужской персонал подвала по очереди выносил грязное ведро. Потом нас гнали на работу, оставляя только старых и немощных. На следующее утро мимо меня с ведром в руках прошел граф, сильно хромая и морщась болезненно при каждом шаге. Вернувшись назад, подсел ко мне и сказал, что у него откры-

*) Капнист.

лась рана на ноге, сделанная два года назад при падении из автомобиля. Теперь из нее все время сочится кровь, и он еле ходит.

— Зато это освободило меня от работы, — сказал он, — эти хождения на работу под надзором солдат были мучительнее всего”.

— Они грубо обходятся, или трудная работа?

— Рубить дрова, носить воду, и они там не грубее, чем здесь, но мне тяжело, когда прерывается *le courant de mes idées*, — прибавил он, усмехнувшись, — я здесь живу, как в полусне, весь день под влиянием того, что мне снилось, хотя сплю очень мало, может быть, даже не сон — это помогает жить”.

— А вы помните эти сны? Вы могли бы рассказать?

Граф вдруг оживился и, осматриваясь по сторонам, нагнулся ко мне: “Это всегда одно и то же, — заговорил он по-французски, — это ощущение другого мира. Очень трудно передать, но я всегда знаю, *que c'est de la...*

— Загробный мир? — спросила я.

— Да! И знаете, никогда, во всю жизнь не испытывал я такой свободы и легкости, как испытываю теперь. Я попробую объяснить вам, как я к этому пришел. Не знаю, сумею ли? Я ни с кем не говорил об этом. Видите ли, я сделал открытие...

Он заметно волновался, и, заражаясь его волнением, я готовилась слушать. Но он вдруг встал. “В другой раз. Я вам потом скажу. Надо перевязать ногу”. Он сделал шаг, поморщился и вдруг с усмешкой обвел рукой окружающее. — “Ведь все, что мы здесь терпим, все условия — *c'est terrible...* А почему это так мало затрагивает? Как вы объясните?” — и, не дожидаясь ответа, пошел, прихрамывая, на свое место.

Только вечером удалось мне опять увидеть его. Я вернулась разбитая с первой непривычной работы — мытья полов на большой даче, обращенной в казарму, долго лежала не шевелясь на своем жестком ложе. А когда встала, чтобы расправить ноющие члены, увидела в глубине подвала склонившееся бледное лицо графа. Он внимательно перелистывал маленькую книжку, и по формату я догадалась, что это Евангелие.

Не сразу открыл он мне свою мысль. Мы сталкивались и говорили отрывочно. И всегда удивляла меня безучастность и равнодушие, с каким он скользил по всему. Но был такой час среди дня, когда в нем пробуждался интерес к земному и тоска по нем — и бывал он тогда трогателен и жалок.

В два часа приносили обед заключенным, и задолго до этого становился он у решетчатых дверей, прильнув лицом к перекладине, и с жадным нетерпением смотрел наверх. Так звери в клетке тоскливо ждут часа кормления. Но не обеда ждал граф, а тех, кто приносил его. У него было пять детей, и они по очереди, по двое, приходили ежедневно. И был миг недолгий, когда, остановившись над входом в подвал, они передавали котелок и хлеб солдату, и в это время отец видел их, и они встречались с ним глазами, кивали ему и уже должны были отойти, уступая место другим. Старшая дочь его, не по годам вытянувшаяся, пятнадцатилетняя Ксения, с бледным тревожным лицом и выбивающимися из-под берета волосами, — приходила чаще всего. Она приводила за руку маленького брата или младшую сестру. Иногда являлись два средние мальчика. Лица у них были испуганные; они выросли из своих матросских пальто и тщетно старались запрятать избыточные руки в карманы. Таким образом отец видел их всех по очереди и знал, что они здоровы.

Однажды я встала рядом с ним.

“Мне кажется, что у них истощенный вид, — сказал он, — я боюсь, что они плохо питаются”.

— А на что они живут? — спросила я.

— Продают, что осталось. Этим заведует *Fräulein*. Я знаю, что она сделает все, что можно, но все-таки беспокоюсь, уж четыре дня Гриша не приходит... Вот! Вот они!

Он оживился. Нежностью засветились глаза его. Тоненькая, нервная, неестественно высокая девочка с маленькой сестрой.

— Опять нет Гриши!

Она передала солдату кастрюлю и глазами тревожно впиалась в нашу тьму.

— Что Гриша? Не болен? — крикнул отец.

Она вздрогнула и, волнуясь, начала говорить, но кто-то уже оттолкнул ее в сторону. А на графа прикрикнул часовой в дверях. За этот вопрос мы все заплатились. Запретили родственникам приближаться к дверям. Должны были сдавать еду в сторожке, не доходя до подвала, и мы перестали видеть своих.

Граф не говорил почти ни с кем, часами сидел один, или полулежал на своем месте. И только по вечерам подсаживался к лампочке с Евангелием в руках. Я уже не удивлялась этому. Я забыла, потеряла прежний облик его, с которым так не вязалось то, что он

делал теперь. Не видя его в течение двух дней, я пробралась вечером к его углу и застала его лежащим под пледом: у него был озноб.

— Думаю, что это лихорадочное состояние от ноги, — сказал он, — у меня образовалось нагноение.

— Уйти?

— Нет, посидите. Мне хочется говорить. Я ждал вас.

Он подвинулся, и я присела рядом.

— Теперь вы мне скажете? — спросила я.

Он приподнялся на локте и приблизил лицо ко мне.

— Вы понимаете, что это очень трудно сказать? Боюсь, вы не поймете. Вы что хотите знать?

— Все, что можно. Каким вам представляется загробный мир во сне? Какое открытие вы сделали?

— Да, открытие... Знаете, вчера я прочел в Евангелии — мне здесь один знакомый дал. Прежде я никогда его в руки не брал. Так мне попалось у Иоанна: "познать истину и истина сделает вас свободными"... И вот, мне кажется иногда, что я познал истину.

Он говорил как бы шутя и усмехнулся на этом слове. Но я знала, как важно для него то, что он собирался сказать. Голос его изменился и перешел в нервный взволнованный шепот.

— Раз во сне я ощутил, что от меня отпало время, или я выпал из него... Понимаете? Ведь мы все время замкнуты во времени, нет выхода... Ну, и это было такое блаженное состояние, что, проснувшись, я попробовал опять его вызвать. И мне удалось. И теперь я часами забываю решительно все.

Граф переменял положение и опять зашептал оживленно.

— Я, как беглый, не помнящий родства, — от всего свободен! Ведь все страдания и желания наши и унижения, какие мы здесь терпим, — все в рамках времени. Откиньте его — и все отпадет. И видишь другое, что время заслоняло собой... — Голос его пресекался.

— Бога? — шепнула я.

— Да... Мне кажутся дикими разговоры о Боге среди обыденной жизни. Там Его нет. И Евангелие непонятно и бессмысленно, если его читать и стараться понять среди нашей жизни. Это сумасшедшая книга. И потому так трудно ее понять. Христос дает ответы вне времени, а спрашивают его люди, которые не могут перейти эту черту. И потому кажется, что они говорят о разных вещах и не понимают друг друга.

Все больше волновался он, повторял часто уже сказанное, сиюсья уяснить свое чувство, для него самое чудесное. Не ново было то, что он говорил, важно, что он сам в себе открыл это, и что это было спасительным окном, открывшимся на волю. И мысли, неопытные в этой области, медлили и колебались перед каждым шагом вперед, как бы ощупывая друг друга во тьме. И именно в нем, так уверенно судившем раньше о своих земных делах, эта робость и изумление были трогательны и мучительны до слез.

— Я верю, что это и есть то, что люди называют раем, — сказал он, — если этот выход длителен, без возвратов к жизни...

Почему мне вспомнилось прочтенное где-то слово "Todesreif" — для смерти созревший? Почему так отрешенно стало в душе, так скорбно и строго, как перед открытой могилой?..

И свершилось.

Среди ночи разбудил нас шум и резкие голоса. Открывали дверь — пахло холодом. Темные фигуры в рогатых шапках теснились у входа, кто-то читал приказ.

Все поднялись, зашевелились испуганно. Смятение и жуть стояли в воздухе. И хотя был окрик: "Не вставать с мест!" — большинство не послушалось его. Караульный назвал шесть человек, требуя, чтобы они немедленно следовали за ним. Среди них был граф.

Почему ночью? Почему, как на подбор, вызывались самые состоятельные в нашем краю?

Почему на вопрос: взять ли вещи с собой? — был ответ: "Не нужно. Идите, в чем есть". — И хотя нельзя было расспрашивать, один из вызванных стал допытываться: "Куда нас отправляют? На чем?" — Нам неизвестно, — был ответ, — подвода ждет. — Это последнее чуть-чуть успокоило. Значит, повезут? Может быть — в город? Или это неправда? Город представлялся спасением. Там был суд, законы. Там были люди... Торопили... Наскоро натягивали пальто, надевали шапки, прощались с остающимися. Бредовые минуты.

Обняла графа, перекрестила его — был просто брат мне в Боге, в вечности. Он казался бледней обыкновенного, и как всегда, когда его отрывали от созерцания, — лицо стало страдальческим. Но, кажется, он надеялся.

— Может быть мне разрешат заехать домой взять шубу, — сказал он, — а вы обещаете, когда вас выпустят, навещать детей моих...

— Обещаю, Господи! Но, может быть, ничего? Времени нет, все что во времени — неверно!..

Увели их, и настала могильная, нестерпимая тишина. Никто не спал до утра. Чувства напрягались до боли, глаза сверлили темноту, слух мучительно ловил звуки: казалось, сквозь стены проникали мы... И все молчали. Ни одного слова не было сказано.

Не слишком ли мы полагаемся на себя? Не слишком ли редко обращаемся мыслями к незримой вневременной власти? А для кого она не облекается во имя Христово — для тех — к Тому неведомому Богу, которому стоял жертвенник в Афинах?

Через два дня от новых заключенных, пришедших с воли, узнали, что всех шестерых прямо из подвала повели под усиленным конвоем к одинокой скале, выдающейся в море, далеко от жилья — и там они были расстреляны. Там же, в песке, вырыли яму, куда свалили тела, и сравняли почву над ней. И когда родственники пытались приблизиться к родной могиле, их разгоняли с угрозой арестовать. Так, омываемое волнами, ничем не отмеченное, скрыто, близ моря, место успокоения их.

А наверху, на горе, вскоре вырос свежий холмик — тоже могила. Тоненькая девочка Ксения с прозрачными глазами подвижницы не вынесла павшего на нее бремени. Не знал граф, что Fräulein, на которую он полагался, умирает от чахотки и не может поднять головы, что большой дом их занят солдатами и лишь в одной задней комнате ютятся дети близ умирающей, не знал, что и добывание денег и забота о нем легла на нее, на этого подростка, не знал, что, подавляя безумный страх, она ходила одна в чрезвычайку наивно просить помиловать и отпустить отца. И когда разнеслась весть о его гибели, — ужас охватил ее, ужас, что она не смогла спасти его, не сумела сделать того, что нужно. И странный недуг — нервный внезапный паралич — в два дня унес ее.

###

РЫЦАРЬ ПОДВАЛА

У инженеров-путейцев нередко бывали, не знаю, так ли оно обстоит и сейчас, краснобурые или багровые лица и носы. Быть может обветренные частой ездой на паровозах, быть может как следствие употребления не в меру вина, которое возилось ящиками во время осмотра комиссией железнодорожной линии. Инженеры — народ, знающий себе цену, самоуверенный и заносчивый. Таким был и Павел Сергеевич Костылев.

Известно, что свойства человека равно могут послужить к прославлению, как и к позору его. Трудно указать точно ту грань, где благородная гордость переходит в высокомерие, а кротость и терпение становятся пассивностью и безмолвием. Жизнь, как прожектор, бросает свет то на одну, то на другую грань души человеческой, то неожиданным светом озаряя, то затемняя ее собой.

Павел Сергеевич держался очень прямо, выставляя грудь вперед, говорил отрывисто и веско; его безупречно чистая тулупка (или китель, смотря по сезону), отполированные ногти, зачесанные сверху рыжеватые усы, круглые, безбровые глаза — все давало впечатление самовлюбленности и уверенности в себе. Покровительственный, отрывистый тон с низшими, пошловатый с женщинами. Он был высок. Безукоризненно вычищенные сапоги — его гордость — облекали стройные сухощавые ноги. Сорок-сорок пять — или больше было ему — не знаю. Он заехал в наш край случайно, на короткий срок — и тут судьба настигла его. Что-то не в порядке было найдено в его бумагах, и он был ввергнут в нашу бастилию. Не знаю, как держал себя П. С. на допросе, думаю, что у него не было ни минуты слабости и страха, во всяком случае едва ли он обнаружил их. Но, когда я попала в подвал, — он уже был "столпом" его. Он сидел там уже около месяца. Так мне его и зарекомендовали.

Помню чувство удивления и в то же время неожиданного тепла от поцелуя руки в этой темной гробнице, где, казалось, не было места утонченностям прежнего времени. Все были товарищи по несчастью, а этот галантный жест, признавший во мне женщину, сразу растопил сердце и напомнил о моей слабости и беззащитности, но тут же мужской голос предупредительно заявил: — Я вам

найду место, где лечь. У вас нет подушки? Я вам достану, вместо тюфяка можно подложить мое пальто.

И всех встречал он, как хозяин, строго следя, чтобы по мере возможности создать каждому удобства. Эта хозяйская роль сама собой легла на него — привычка командовать пригодилась. Чистоплотность его (ослепительный китель и ногти, которые раздражали когда-то) сыграла тоже свою роль.

В наших тяжелых условиях, в подземельи, где было скучено сорок человек и никогда не достигало солнце, — он сумел найти способ хотя бы отчасти поддерживать чистоту и сам всегда сохранял свежий вымытый вид. Нас заедали насекомые, одолевала чесотка, и он установил ежедневный осмотр одежды. По вечерам каждый по очереди уединялся в отдаленном углу подвала с огарком в руке. Женщины или мужчины тесной стеной загораживали его — и там он раздевался и осматривал все части одежды, уничтожая насекомых. После этого на несколько часов прекращался невыносимый зуд.

Не все, конечно, выражали желание проделывать эту скучную медленную операцию осмотра — были люди равнодушные к грязи и способствовали ее увеличению, но тем труднее была роль Павла Сергеевича. Он заботился не об одном только внешнем благоустройстве. Как истинный хозяин, он старался поддерживать бодрость, а главное дружелюбие среди заключенных, ибо дружелюбие дает силу легче переносить невзгоды. У него не было ресурсов духовных, он не действовал убеждением, но самый вид его — молодцеватый, чуждый уныния, действовал ободряюще.

Помню томительный вечер, когда было особенно неприятно и холодно, особенно безнадежно и тоскливо. Наверху бушевал ледяной январский ветер. Несколько человек среди нас заболели в этот день и лежали недвижно, другие сидели в унылых позах, тускло горела и чадила жестяная коптилочка. Днем к нам посадили двух провинившихся в чем-то солдат, и они, держась в стороне, вызывающе поглядывали на нас, курили, заговаривали с караульными и всячески выражали свое озлобление и вражду. Казалось, не люди, а звери забились в логово, злобно следя друг за другом. И вот в это время выступил Павел Сергеевич. Он вышел на середину и заговорил громко, объединяя всех дружеским взглядом.

— Давайте, господа (он так и не научился говорить "товарищи"), чтобы скоротать вечер, будем рассказывать друг другу самые

интересные случаи своей или чужой жизни, хотите или нет? Я могу начать первый. — Он обращался ко всем, но слова его более всего относились к новозаключенным солдатам и двум караульным, присевшим с папиросками у дверей. Они ничего не выразили в ответ и только один с усмешкой сказал что-то другому, а тот отвернулся и сплюнул. И тем не менее П. С. имел мужество начать свой рассказ. Передавал он якобы случай, бывший с его знакомым, но я сразу узнала одно из походов Шерлока Холмса, да и многие из наших узнали его, но, конечно, молчали и только улыбались про себя. Рассказывал он не скучно, а с яркими интонациями, во что бы то ни стало желая завладеть аудиторией. И это удалось ему. Солдатам понравился ловкий вор и еще более ловкий сыщик; они пересели ближе, обратились к нему лицами, на которых уже не было прежней злобы. В конце раздался возглас одобрения и какой-то вопрос. П. С. торжествующе оглянулся на нас. Потом, по его просьбе, кто-то рассказал, как его обокрали год назад, но это были уже настоящие воры, и это вышло не так интересно. Но лед был разбит, и началась беседа. Павел Сергеевич возносился все выше. — А теперь, господа, будемте стихи говорить. Всякий, кто помнит что-нибудь на память. Ну, я начинаю. Вот это сочинение Пушкина. — И с пафосом продекламировал что-то не то Надсона, не то Апухтина. "За что же Пушкина обижать?" — хотелось мне ему шепнуть. Но так ясно, что дело было не в этом. Стихов мало кто помнил наизусть. Только "Анчар" вспомнился мне, но казалось кощунственным произнести его здесь, казалось, что нет ему места среди пыльных, серых стен. Сделала над собой усилие, заговорила. И возникала во тьме строгая музыка пушкинского стиха, раздвигалась все шире, вытесняя тьму, печаль и приниженность человеческой души. Вдруг меня умилило выражение наивного любопытства у этого наказанного солдата, который особенно злобно смотрел на нас. Теперь это было такое простое, знакомое деревенское лицо. Сорваны были звериные маски. И помню, что я заснула в тот вечер, испытывая восхищение и благодарность к П. С.

Ставши рыцарем подвала, он обрел и свою прекрасную даму.

Среди нас была молодая вдова, захавшая на юг полечиться и заподозренная в чем-то контрреволюционном. Ее никто не знал. Знали, что ее имя Зоя. Она очень тяжело переносила свою судьбу, часто плакала, сторонилась всех. Вначале Павел Серг. пытался, вероятно, просто поддержать ее, но затем это перешло в более

нежное чувство. В ней пробудилась восторженная влюбленность и преданность ему. Она оживлялась при его появлении, подолгу шепталась с ним, даже стала заботиться о своей внешности и с большой старательностью закутывала его голову в свой пуховый платок. Так понятен, так мил был нам этот роман, что все сочувствовали ему. Приятно было видеть, как он заботливо укутывал ее своим пальто, как вынимал ее руки из муфты, в которой она постоянно грела их, гладил и бережно подносил к губам.

— Он удивительный, Павел Сергеевич, — само благородство, — говорила она, и все соглашались с ней.

И когда пришедшая смена караульных заявила, что он немедленно отправляется в город, отчаянно вскрикнула Зоя и впцепилась руками в него. И пока П. С., не теряя и тут самообладания, аккуратно окатывал одеяло и увязывал свои пожитки, она страдальчески сдерживалась и помогала ему, обматывала ему шею своим шелковым платком, завертывала съестные припасы ему на дорогу, временами бросаясь на доски в порыве отчаяния и закрывая лицо руками. П. С. смущенно оглядывался. Его красное лицо еще побагровело. Его торопили. Но и тут не изменив привычной своей вежливости, он обошел всех с добрыми пожеланиями. Последней была Зоя. Она бросилась к нему на шею, обнимала, плакала и целовала, и крестила его. И все мы, обступив их, печально и сочувственно смотрели на это прощание. П. С. вырвался и бросился к выходу, но я успела заметить слезы в его безбровых глазах. Зоя в истерике билась на досках, и это отвлекло нас. Некогда было говорить и тревожиться о судьбе Костылева. Надо было позаботиться о ней...

Впрочем, через несколько дней после того ее выпустили, и она поехала к детям на север.

#

В прошлом году мне случилось встретить Павла Сергеевича на улице. Я знала, что он хорошо устроился, служит и по делам бывает здесь. Он шел своей молодшеватой походкой, выгнув грудь вперед. Прежнее знакомое выражение самодовольства, щеголеватость одежды и выхоленность усов и, Боже, какие ничтожные, банальные речи.

Павел Сергеевич! Вы никогда не узнаете, что вы были прекраснее всего в печальную пору вашей жизни, под землей среди

арестантов. Вы не узнаете, что там была ваша истинная слава, цвет и оправдание вашей жизни!

#

МАТЬ И ДОЧЬ

Это будет история матери и дочери, которым пришлось пройти долгий скорбный путь, прежде чем обрести друг друга. Не часто ли это случается, что бок о бок живущие, кровно близкие или судьбой связанные люди — не видят, не чувствуют друг друга, и надо пройти тяжкий, долгий опыт, чтобы пожать руку, почти касавшуюся тебя, чтобы зрячим оком заглянуть в глаза сидящего рядом.

Буйным хмелем, диким виноградом была увита приморская дачка, где родилась и выросла Таня. Пчелкой прозвали ее с детства — вероятно за бархатные черные глаза и пушистые ресницы.

Уже немолодой заехала в наши края Эмма Федоровна Нарвут, похозяинничать в имени подруги, — бойкая, с черными живыми глазами, она сумела заговорить и заморозить всякого; неизвестно как судьба свела ее с нашим пароходным агентом, с незапамятных времен жившим здесь. У него был свой домик у моря, но он целыми днями просиживал в агентстве, то высматривая в подозрную трубу ожидаемые пароходы, то беседуя с сослуживцами и приезжими за бутылкой. Вечный бобыль, женоненавистник, маленький, седой, с молодыми красивыми глазами, подвижной и остроумный, — он был, казалось, такой же неизбежностью нашего берега, как скалы, окружающие его.

Его-то и приворожила к себе Э.Ф. Кажется, она взялась кормить его обедами. Тайна окутала их сближение. Известно лишь, что он взял отпуск впервые за всю свою жизнь и они куда-то уехали, вернулись уже повенчанные к великому изумлению обывателей; а через год родилась Пчелка. Брак этот смущал обоих и они изредка показывались вместе. Э.Ф. даже продолжали называть ее девичьей фамилией, которая приложилась и к нему.

— Не позвать ли нам Нарвут, — говорилось о них.

А пароходный агент снова засел в своем агентстве и единственным прибавлением была карточка крохотной черной девочки в

белом платнице, которую он повесил над своим кожаным диваном рядом с расписанием пароходов.

А Э.Ф. водворилась хозяйкой на его даче и сумела так повести дело, что кроме дикого винограда и плюща появился целый участок сочного кокура, своя корова и всякое добро.

Пяти лет Таня потеряла отца. Удар лишил его ног. Полгода пролежал он у окна своей дачки, глядя в подозрную трубу на родное море. Он похож был на человека, вырванного из родной стихии и брошенного в чужую среду. Мало кто заходил к нему из прежних друзей и единственным утешением его была маленькая, капризная, ласковая Пчелка.

Но это все — присказка. Сказка наша — впереди.

Э.Ф. отвезла Таню в Институт и 17-ти лет она вернулась оттуда. С годами росло ее отчуждение от матери. Очень они были несхожи. Э.Ф. все крепла в хозяйстве. Она еще умела принарядиться, красиво причесать свои вьющиеся седые волосы, с прежней живостью рассказать в гостях последнюю новость и метко пройти на чужой счет. Но дома ходила в подоткнутой юбке, — была расплывшейся и сварливой хозяйкой. Лучше всех умела она солить рыбу, сушить груши, варить смокву и целыми днями переходила из кладовой в погребок, покрикивая на свою помощницу.

С мечтами о яркой жизни, с вьющейся черной косой, независимая и смелая вернулась Таня домой. Уже в прежние годы вызвала она негодование Э.Ф. своим нежеланием принять участие в ее интересах. Ее не занимали разговоры о доходах, извлекаемых из хозяйства, она не дослушивала увещаний матери и просьбы помочь ей и с книгой уходила в гущу виноградника. Э.Ф. со своей манерой чистоты не допускала соринки на полу. Таня разбрасывала вещи, ленилась даже убрать свою постель и одежду, и вышло так, что все общение их свелось к взаимным пререканиям.

Э.Ф. была речиста и несдержанные слова вылетали с ее уст. Таня глухо накапливала гнев, в молчании замыкалась на целые дни, презрением уничтожала мать и ее хозяйственные заботы. И все чаще уходила на свидание к подруге под развесистый тополь. На том конце долины жила подруга и тоже были у нее нелады с родителями. Сходились каждый день под тополем и, лежа на пахучей траве, бранили своих матерей. В этом был пафос их встреч. Но когда домашние неурядицы были рассказаны — начиналось другое. Здесь незаметно зрела, наливалась медом их жизнь. Читали стихи

Ахматовой, говорили о любви, мечтали о будущем, строили планы о том, как поедут на фронт ухаживать за ранеными и в эти миги становились радостны и добры. И привлекательной молодостью светились их лица.

Наступившая революция всколыхнула их.

Большевики, добровольцы, зеленые, красные, белые — они решились и, несмотря на протест родителей, уехали вместе в ближайший город, где был добровольческий лагерь. Сначала поработали в госпитале сестрами, потом Таня поступила в штаб переводчицей.

И в это время хлынула волна красноармейцев, утвердилась Советская власть и повальное бегство оторвало, разогнало, разнесло людей во все концы. Подруга Тани с родителями попала на последний пароход, увозящий эмигрантов. Таня едва успела добраться до своего дома и укрыться в нем.

#

— Двух теток! — крикнул рано утром караульный сверху.

Две из нас плотней обвязали голову платком и поднялись наверх. Я пошла в этот день по доброй воле — хотелось солнца и движения. Одну из нас отвели в солдатскую кухню, меня — в чрезвычайку (так назывался Особый Отдел) — через канавы, через голые виноградники, по грязной, липкой от недавнего дождя тропинке к большой даче у моря, превращенной в наше судилище.

В канцелярии, у стены, на стуле, в чужой жакетке сидела Таня, лицо ее, всегда такое яркое, — потускнело, но глаза смотрели с мрачным вызовом. При виде меня на миг вспыхнула в ней радость и опять сменилась суровой замкнутостью. Собирая в соседней комнате на полу изорванные мандаты и приказы, вытирая запыленные стены под перекрестными взглядами разгуливающих солдат, — думала взволнованно о Тане. Арестовали... Когда? Вчера?... Сегодня?... Почему держат здесь?... Не ведут к нам в подвал? В чем их обвинение?... Мне пришлось спуститься в кухню за ведром и тряпкой. У плиты, рядом с кухаркой, стояла Э.Ф. и помогала ей. Вид у нее был плачевный. Ни решительности, ни спокойствия Тани. Вся она как-то распустилась, одежда и прическа были измяты. Она месила тесто для галушек, и руки ее — эти опытные хозяйские руки — двигались неуверенно и дрожали. Я остановилась около нее. — "Давно? За что?"... Э.Ф. собиралась разлиться в жалобах, но в дверях показался солдат.

— Вчера привели, — шептала она, растерянно озираясь, — так и сижу здесь с тех пор, допроса не было, никуда не выпускают — хоть бы... — Но меня торопили, и, захватив ведро и тряпку, я ушла наверх. Нарочно затягивала уборку, медлила, надеясь выяснить дело. Но уже стали собираться служащие, пришел молодой следователь еврей, ввели кого-то нового на допрос и солдат мигнул мне идти за ним. Еще раз у двери оглянулась на Таню: она сидела как будто застывшая и не посмотрела на меня.

На следующий день я сама вызвалась идти убирать канцелярию, и в той же позе, на том же ~~этапе~~ увидела Таню. Еще более побледнело лицо ее, сдвинулись густые брови и темный гнев затаился в глазах. Волнуясь мела я комнату и, не глядя, видела эти сжатые губы, трагические глаза на бледном лице, — и казалось, что иду по краю пропасти, где-то близко стережет гибель. Вдруг Таня встала и выхватила веник у меня из рук. Обратясь к солдатам, она просила разрешения убрать комнату, чтобы согреться. Я не слышала, не поняла ее слов, ощутила только прикосновение ее руки и маленький клочок бумаги оставался в моей руке. Не глядя, не оборачиваясь, перешли в соседнюю комнату и усердно взялись за уборку. Не знала, куда деть бумагу, боялась выронить ее, жаждала прочесть... Быть может нужен ответ, теперь, сейчас, немедленно. И ползая с тряпкой под столом, улучила мгновение — развернула крохотный обрывок газеты и взгляд сорвал три слова: "Меня присудили к расстрелу". И все... и маленький клочок бумаги был уничтожен.

Уже уходя, остановилась на миг на пороге, встретила глазами с Таней и быстро, горячо перекрестила ее, Богу вверила...

... Изречение, когда-то прочитанное мною в теософской книге: "еще не угасли желания и страсти человеческие, еще жаждут уста пищи и питья, но уже не стало органов, которыми утоляется жажда, и мечется душа в смертельной тоске. Это — ад".

Еще не забыла Э.Ф. своей наполненной добром кладовой, еще не погасли житейские стремления, — но не к чему было применять их и отнято было все, чем жила она. От сырости в первый же день разболелись у нее зубы, и печальный вид представляла фигурка ее, обмотанная платками, съезженная. И вот впервые появились у Тани добрые мысли о матери. "Маму жалко, — написала она мне в первую ночь, — из-за меня ее взяли". И тут же сняла с себя гамашу и потихоньку надела их на ноги заснувшей Э.Ф. "Она совсем

простужена, а мне не холодно". Э.Ф. не разговаривала с ней, не укоряла ее ни в чем, но глаза следили за ней и в глазах ее стояли слезы.

Через несколько дней Таня с лукавым видом позвала меня в нашу уборную — единственное место, где хотя на миг мы были вне надзора, и там, при свете огарочка — прочла записочку, которую сунул ей солдат: "Вы очень прекрасны, согласитесь сегодня на то, что вам предложат на допросе, и вам будет хорошо". Таня смеялась.

Это кто же? Молодой следователь — еврей, или другой, самый строгий? Она заметила, что он к ней ~~очень~~ одушен. Таня смеялась над запиской, над романом. Но мне сделалось страшно, страшней, чем от угрозы.

Среди дня Таню вызвали на допрос. Она вернулась с изменившимся лицом, потемневшими гневом глазами. Э.Ф. умоляюще смотрела на нее, но Таня не обращала ни на кого внимания, забила на нару и легла, закрыв лицо платком, притворяясь спящей. Лишь ночью узнала я, что ей была предложена свобода и полное прощение при условии поступления на службу в Ос. Отд. Ей предложили стать тайным агентом их, шпионкой, узнавать и доносить обо всем, что говорится и делается вокруг. "Об этом не узнает никто из ваших знакомых, а вы будете получать хорошие ~~денежные~~ и приносить пользу". И когда Таня с негодованием отвергла их предложение, опять начались угрозы расстрела и т. д. Ее отпустили наконец с приказанием подумать хорошенько и дать ответ. Были люди, которые хотели ее спасти и этим еще вернее вели ее к гибели.

Настали редкие на юге холода, в подвале стало нестерпимо. Почти половина подвальных жителей была больна, дыхание паром вылетало изо рта. Ни днем, ни ночью не могли мы согреться. Решили подать заявление начальству с просьбой перевести нас в другое помещение, составили бумагу, подписались все, передали ее солдатам. И через несколько дней последовал приказ о переводе нас в маленькую заброшенную дачу. Страшной, печальной процессией двигались мы через все селение, исхудалые, с больными измученными лицами, нагруженные подушками и узелками. Всякий нес свой скарб; некоторые тащили на себе тюфяки. Старые слабые женщины не могли нести своей клади, и их вещи мы распределили между собой. Шли попарно, длинной лентой, а по бокам конвойные с ружьями. Оробелые лавочники и местные жители, столько лет

знавшие нас, испуганно смотрели, как чужие, не решаясь поклониться. Э.Ф. шла, опираясь на руку Тани, которая взвалила на себя ее вещи и бодро шагала, вызывая поглядывая по сторонам. Ее смешило наше шествие. Это была последняя искра лукавства, которую я видела в ее глазах.

Нас всех поместили в маленькой низкой комнате заброшенной дачи. Правда, пол был деревянный, и мы разместились прямо на нем, вдоль стен. Но было так тесно, что, сидя бок о бок, мы не могли поместиться все и некоторые сели среди комнаты. Была маленькая печь, которую затопили. Очень скоро сделалось жарко, душно; таким тяжелым и спертым был воздух, что многие втайне жалели о нашем сыром, холодном подвале. Три-четыре солдата неизменно были тут же, прячась от холодного ветра; они примазывались на корточках у дверей и нещадно курили все время. И этот табачный дым еще более отравлял воздух. Насекомых тоже стало больше, не дававших нам спать ни днем ни ночью. В таких условиях проходили последние дни моего заточения.

Всем нам присылали обед из дому. Помню Э.Ф., понуро сидевшую в углу, и на коленях ее тарелку с блинами, присланную кем-то из знакомых. Обед приносил им старый татарин, работавший у них в саду, но татарские грубые лепешки и похлебки были им мало по вкусу, и мы делились с ними, чем могли. И всегда было радостно, когда кто-нибудь вспоминал о них и присылал что-нибудь лакомое. Это было заслуженно, так как скольких угощала у себя Э.Ф. самыми изысканными обедами! Блины давно остыли, но Э.Ф. трогала их слегка дрожащими пальцами и ела не спеша.

— Тania, а ты что же?

— Я ела, ела, — неизменно отвечала Tania, — кушай все, я не могу больше.

Холоден воздух на вершинах героизма и трудно дышать им. Если на миг взлететь туда, — пламенем обжигает нас холод и восторгом опаляет душу... Но если судьба долго держит нас там — тоскливо пытается взор прилепиться к чему-нибудь земному, теплого и родного чувства ищет холодеющая душа. Tania устремилась на мать. Сначала жалость к ней, из-за нее пострадавшей, потом нежность, дочерняя или материнская, ибо часто к концу жизни дочь становится матерью матери своей. Каждый день почти вызывали Tанию и мучили допросами. Далась она им! Все тесней кружил коршун над добычей, все ближе к краю бездны подвигалась она — и не было охоты пересказывать другим, как в начале; все было

одно и то же, а то новое, страшное, что нарастало, того не скажешь. И Tania мрачно молчала. Э.Ф. не спрашивала ее, но не спускала с нее глаз. И глядели глаза ее неизменно тревожно и умоляюще. О чем умоляли они? Чтобы спасти дочь? Было ясно, что все думы, что вся жизнь ее свелась к Tане. Забылись крепость, хозяйственность, все блага земные — новая ценность открылась и затопила душу. И говоря с другими, Э.Ф. интересовалась только одним: как вы думаете, отпустят ли Tаню? Что с ней могут сделать? Нельзя ли хлопотать у кого-нибудь, только бы ее, Господи!..

Так сидели они две — молчащие, тесно прижавшись друг к другу, полные заботы одна о другой. — Быть может, болезнь уже подтачивала силы Tани; желтым, измученным стало лицо ее, но она продолжала крепиться, уверяла Э.Ф., что здорова, и до последнего дня ходила...

Такими запомнились они мне в последний день тюрьмы, когда мне сказали, что меня выпускают. Не было радости и желания скорей уйти, стыд за свою свободу, жалость к остающимся — жгли душу. Несколько дней спустя Tаню вместе с другими повезли в город. И эти сто верст наполовину пришлось совершать пешком — лишь на ночь позволялось взбираться на телегу.

По приезде в город у Tани тотчас же обнаружился тиф — ее поместили в больницу, Э.Ф. вымолила, выплакала себе право ухаживать за ней; и так как рабочих рук не хватало, самую тяжелую работу взвалили на нее. Трудно, с осложнениями протекала болезнь, на ниточке держалась жизнь, но Э.Ф. выходила, отстояла ее. Чудом это было при тех условиях, том питании, которое имели больные. Но чуть миновал кризис — слегла сама Э.Ф. — тоже тифом, но полегче. Пришло время Tане стать сиделкой. Едва двигаясь от слабости, с бритой головой и побелевшим лицом, она ухаживала за матерью, со страхом следила за ней. Не думала, что будет дальше — одно было на уме — не дать умереть, удержать ее для себя. Так рассказывали те, кто видел их в больнице. И уж стала вставать Э.Ф., отошла смерть, невольно обращались мысли опять к жизни, к тому, что будет дальше — может быть надежда зрела, что этой болезнью откупились от вины, но в одно утро — раннее, еще спали больные — пришли люди, принесли приказ — немедленно вызвать их двух, мать и дочь — едва дали одеться — не понимали: куда? — и тут же на больничном дворе, поставив у стены — ружейным залпом расстреляли их. Кто-то видевший из окна рассказывал потом, что когда поняли они, что будет, то кинулись друг к другу.

И еще — что милостива была смерть — без промедления взяла свою добычу.

Кто знает, кто откроет тайну последних мгновений? Когда душа человека в миг единый пробегает сто ступеней, совершает длинный переход свой перед тем как расстаться с телом!

#

Пустой, одичавшей стоит маленькая дачка среди заглохшего, вытоптанного скотом виноградника. Уцелела — не разнесли ее. Все добро из нее исчезло бесследно, еще когда хозяйки в подвале сидели.

(Пожил в ней одно время столяр, да не подошло ему, далеко от лавок, неудобно — перебрался в селенье, прихватив кстати с собой и двери, и рамы оконные — да и доски из полу кое-где выломал).*

И опять стал разрастаться хмель, как в те далекие дни, когда хозяин домика мирно сидел у моря, устремив подзорную трубу в синюю даль.

ЛЮБОВЬ К ВЕЩАМ

В темной глубине подвала приютились у стены три брата Зебольд — Роберт, Карл и Август. Зажиточные немецкие колонисты, они имели свою усадьбу, прекрасно устроенную, с паровой мельницей, молочной фермой и другими приспособлениями. У них был произведен обыск, найдены какие-то письма, и их без дальнейших объяснений засадили к нам в подвал. Я убеждена, что письма касались только хозяйственных вопросов или это были счета, — вернее думать, что понадобилось освободить их дом, их имение, удалить всех членов семьи, чтобы не было свидетелей при овладении их имуществом. Тогда еще не было закона о национализации имущества.

*) *зачеркнуто в рукописи.*

В подтверждение этому говорит то, что в подвал был принесен на носилках и старший брат Август, разбитый подагрой и уже несколько лет не встававший с постели. Он и тут лежал недвижно, укутанный одеялами, и о нем заботились братья — оба приземистые, краснощекие, широкоплечие здоровяки. Привыкшие к деятельной, хозяйственной жизни, они и тут не выходили из активности. Оба были уверены, что их арест — недоразумение, которое скоро разъяснится, и мало заботились об этом. Они продолжали думать и говорить о своих хозяйственных усовершенствованиях и, если только находился слушатель, — с увлечением рассказывали об аппарате для искусственного выведения цыплят, выписанном ими из-за границы, об особой породе овец, которую они собираются разводить. На работу ходили охотно. Их здоровые полнокровные организмы требовали движения и воздуха. Сильными ударами рубили они дрова, так что щепы летели, удивляя солдат своей силой. И каждый раз они приносили с собой какую-нибудь добычу. "Сегодня улов был богат", — с простодушно широкой улыбкой говорили они. — Это был или обрубок дерева, или толстый сучок, сломанный по дороге, то пустая банка из-под консервов, то камень. И все это в их искусных руках превращалось в нужные, полезные вещи. Из собранных кирпичей Роберт соорудил в своем углу маленький таган, где в любое время мог разогреть для больного брата воду, вскипятить молоко. Топливом служили мелко наломанные сучья, набранные и заготовленные ими. Из дерева вырезал он полку и пристроил ее к стене под рукой больного брата, где всегда стояли нужные ему вещи. Однажды вырезал он рамочку своим складным карманным ножом и вставил карточку матери, с которой они не расставались. И эта добрая, полувывцветшая немецкая старушка в большом чепце представляла умилительное зрелище на стене, в глубине мрачного подземелья. Жестянка обратилась в лампу. У них было уютно, хозяйственно, домовито, вопреки всем условиям жизни.

Старший брат Август, с худым, изможденным болезнью, красивым лицом, был другого типа. Седеющая борода, тонкие черты придавали ему сходство с Рескиным, и я любила смотреть на безучастное спокойствие, с каким он лежал, потирая правую ногу с болезненными утолщениями на суставах. Быть может он вспоминал прежнюю жизнь, или думал о тщете земной, или молился — кто знает? Братья показывали ему свои изделия, и он улыбался им. Видно было, что их связывает тесная дружба. При взгляде на

заклученных, — я всегда спрашивала себя, — что помогает им нести бремя, в чем поддержка, выход, утешение их? И о братьях Зебольд я не колеблясь отвечала себе: привязанность к вещам, ко всем земным — большим и маленьким — предметам, для блага и удобства жизни созданным людьми, любовь к быту, комфорту, к рамкам жизни. И странно было в тот миг, когда не стало больше "вещей", когда мы выпустили из рук все долгое наследие прошлого, когда они были сметены бурей и стали ничьи, ибо гибла сама жизнь и душа человеческая, — странно было видеть этот неослабевающий интерес к производству и стремление вновь загромоздить опустошенный мир. Кажется, посели их на необитаемом острове, и тотчас же под их неутомимой рукой начнет строиться и восстанавливаться прежний быт. Но было в этом и что-то успокаивающее, дающее уют. — Не так уж, значит, плохо, если можно вырезать полочку и радоваться ей.

Сострадательный лавочник в день **Рождества** прислал заключенным свою лепту — копченый окорок. Разделить его между ними, разумеется, поручили Зебольдам. Я не забуду торжественности, с которой Роберт долго и старательно точил нож и потом медленно, как бы священнодействуя, принялся резать окорок правильными ломтями. Никто не справился бы с такой задачей. Это было чудо искусства. Он дошел до самой кости и потом, в течение двух дней, оттачивал ее для какой-то своей надобности. И разнося угощение нам (в том числе и солдатам) на доске, чисто выскобленной им как поднос, он пространно и весело объяснял, как нужно резать живность, свой ~~способ~~ каждого сорта мяса.

А вот завершение судьбы добрых неунывающих братьев. Они были отправлены в город с той же партией, с какой и Таня с матерью. И так же, как она, — заболели сыпным тифом тотчас же по приезде туда. Форма тифа была особенно тяжелая, или отсутствие ухода тому причиной, но оба брата умерли почти одновременно, не приходя в сознание. Остался старший больной Август, которому ничего не нужно было от жизни и ничего не радовало его в ней, взоры его давно были обращены на иное.

Много спустя привезли его обратно, и, так как благоустроенная усадьба давно стала общественной собственностью, его приютили какие-то дальние родственники в колонии.

Нет, не отсюда, не гением производства, не любовью к вещам будет строиться и восстанавливаться новая жизнь!

НА РАССТРЕЛ

Морозное южное утро. Снег лежит и не тает, и ветер не сметает его. Редкая погода в Крыму.

Караульный по фамилии назвал меня. Завязала плотней платок и поднялась наверх. У входа стоял солдат — не из наших — я не видала его раньше — маленький, корявый, с распухшим воспаленным глазом, в шинели с чужого плеча, которая сползла с плеч. И почему-то ружье в его руках казалось огромным. Он мотнул мне головой: иди, мол, за мной. И пошел вперед, закинув ружье за плечо. Я шла за ним, и хотя была позади бессонная ночь, приятен был чистый снег, еще не ставший грязью, голубое небо, морозный воздух. Думала, поведет, как всегда, убирать казарму или стирать в солдатскую кухню. Но мы миновали и ту, и другую, и шли все дальше. Мой конвойный не оборачивался и большими сапогами не по ноге медленно шагал среди улицы, и шинель его волочилась по снегу. Вот мы миновали последние дома в селении, а он шел все дальше по пустынной снежной дороге. И вдруг меня отчетливо поразило сознание, что он ведет меня на расстрел. Это так просто — отвести подальше от жилья и там, за какой-нибудь каменной стеной, покончить. Я знала, как это бывает.

Да, несомненно, так. Поэтому и солдат взят не из наших караульных, а со стороны, ему поручили это дело. И первое, что мелькнуло: скорей приготовиться душой, чтобы не врасплох... И тут же отложила это, вспомнила, что в предсмертный миг проносится вся жизнь перед духовным оком — для этого не надо времени. Тогда можно и к Богу воззвать. Заняло меня то, что не ощущаю страха и удивления, что нахожу это естественным, что душа приемлет Бога...

Мысленно прощалась с близкими, бегло вспоминала все, что было дорого — мелькнула перед глазами любимая дорожка у моря в знойное утро, томик Ницше в коричневом кожаном переплете — и все расплылось... Смотрела под ноги на снег, считала шаги... Уже скоро, верно. Подумала, что нам воздается по праву за вину, конечно не ту, в которой обвиняют здесь, а за давнюю, неведомую, имя которой мы сами не знаем и лишь по гнету душевному чуем, что несем ее в себе. И вдруг мой солдат, оглянувшись на меня, — повернул направо в калитку. Одинокий дом на повороте когда-то был земской школой. Поднялись на занесенный снегом балкончик,

он толкнул дверь, вошли в большую комнату. Очевидно, здесь жили важные люди. Две неубранные кровати и целая коллекция собранных отовсюду вещей: рояль, на нем граммофон, трюмо с большим зеркалом, стол, уставленный всевозможной посудой, целыми сервизами.

— Вымой да прибери здесь, — сказал солдатик и углубился в рассмотрение своего лица в зеркале. В комнате было холодно. Не было тряпки, не было воды, не было веника. На мой вопрос: "Чем убирать?" — солдат отмахнулся: — Посмотри, поishi. — И уселся в кресло перед трюмо. Резвая веселость овладела душой. Что это? Радость возвращения к жизни или отсрочки смертного часа? Близость последнего с первым? Не спрашивая больше ни о чем, я, веселясь, создавала все, что мне нужно, принесла снегу в тазу и поставила на керосинку, чтобы он растаял, нашла под кроватью разорванную рубашку и превратила ее в тряпку. Сломала большую ветку кипариса с одинокого дерева под балконом, чтобы вымести пол. Никогда не было за мной так мало присмотра. Кажется, уйди я сейчас незаметно, мой стражник не хватится меня.

— Ишь, вздулся, — сказал он, разглядывая глаз, — и дерет здорово.

Я подошла к нему.

— Вам завязать надо. От тепла будет легче.

На столе, среди множества разных предметов, лежал нераспечатанный марлевый бинт и целый ассортимент шипчиков.

— Кто здесь живет, доктор?

— Не-ет. Кто жил — съехали. Завтра другие приедут. А ну-ка, найди тряпочку завязать глаз. — Я раскрыла бинт, сняла с него фуражку и забинтовала глаз. Льяного цвета жидкие волосы, невзрачное лицо с воспаленным глазом казалось безобразным.

— Вы не здешний? — спросила я.

— Владимирский. — То-то лицо будто знакомое — вот как, землячок мой.

— А звать как?

— Андреем. — Он повеселел, очевидно глазу в тепле стало легче. Подошел к граммофону. "Вот штука, — сказал он. — Заводить умею. Ну-кась, я заведу музыку. Вам веселей прибираться будет". Он уставлял пластинки, и все существо его выражало изумление перед диковинной штукой. Граммофон заверещал пронзительно и противно. Я мела комнату кипарисовой веткой. Андрей с детским любопытством смотрел и слушал и вдруг стал

потоптывать на месте в такт и подергивать плечами и приплясывать. Минуту спустя он уже прищелкивал пальцами.

— Веселей стало? — спросил он, встретясь со мной взглядом.

— Веселей, веселей, — согласилась я.

Все больше было в нем детского, которому весело напрака- зить без начальства. Вдоволь позабавившись граммофоном, он раскрыл крышку рояля и недоверчиво ткнул пальцем клавишу.

— А что, умеешь на этой играть? — спросил он меня.

— Умею.

— А ну-ка, сыграй!

— Руки смерзли.

— А ну, сыграй!

Я бросила тряпку, вытерла мокрые задезеневшие пальцы и села на табурет. Хотелось мне сыграть ему плясовую, что-нибудь залихватское. Ослепить его... ничего не знала. Попробовала *Impromptu* Шопена, но сама удивилась одеревенелости немеющих пальцев, кое-как припомнила бетховенский марш. Ему было все равно. Он наслаждался.

— А пожалуй, пора идти, — хватился он вдруг, — что, часа два есть?

Наскоро убрала постели. Глядя на обилие посуды на столе, вспомнила, как мы бьемся в подвале с одной желтой кружкой.

— А не позволишь ли взять одну кружку с собой? (То "ты", то "вы" говорила).

— Бери. А ну-ка, я выберу. — И, переглянув все, протянул мне именную чашку с золотым ободком.

"Извольте!"

Разыскал ружье в углу, нахлобучил фуражку, нахмурился и опять по-старому, по-начальнически, мотнул мне идти за ним. Вышли на снежный балкон. Зашагали назад к селенью. Оба легко вошли в свою роль. Опять волочилась чужая шинель по снегу. С улыбкой думалось, что мы с ним стоим на одной ступени сейчас, оба несознательные, — плохо он сознает то, что происходит вокруг, с чем разразилось [неразб.] и куда приведет она нас, смутно понимаю и я... Знает твердо, что он надо мной ("буржуи проклятые") — знаю я, что у них сила. Приемлет он свою власть — вон как торчит за плечом ружье огромное. Приемлю и я свое подчинение, свое заточение. Но не знает он многого... всю радость жизни и страдание смерти, и отчего так тревожно расколохалось сердце — и неуязвимость духа среди всех преград.

#

Долго не могла заснуть в этот вечер. Томительно стало лежать. Приподнялась на ложе. Мимо меня по узкому проходу шмыгала гигантская летучая мышь. Черная ряса священника, попавшего к нам в это утро. Худой, длинный, как жердь, — не находил он себе покою и теперь, ночью, продолжая шагать — и подкидывались и развевались широкие полы.

Видя, что я не сплю, остановился на миг близ меня, взглянул мрачно. Холодный приток воздуха повеял в лицо.

— Чем не санаторий, батюшка? — сказала я шепотом. — Все время на свежем воздухе...

— Санаторий для души, — поправил он, и дальше зашмыгала летучая мышь.

Задумалась я о его словах. Хорошо обмолвился батюшка, сам того не зная. Санаторий для души... Хотелось бы этими словами назвать беглые очерки пережитого.

Единственная ежедневная русская газета
за рубежом

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО»

выходит в Нью-Йорке, США, с 1910 г.
Главный редактор Андрей Седых

«Новое русское слово» регулярно печатает документы
самиздата, протесты из СССР, произведения лучших
эмигрантских писателей, публицистику и прочее.

Подписная цена 90 долларов в год,
50 дол. — 6 месяцев

Воскресное издание — только 35 дол. в год
Годовая подписка воздушной почтой
(пачками по 6 номеров) — 150 долларов в год

Подписку с платой направлять по адресу:

519 Eight Avenue, 5th floor, NEW YORK CITY, N. Y. 10018 USA.
NOVOE RUSSKOYE SLOVO

Георгий ВАСЮТОЧКИН

ЭТЮДЫ О ПОЭТИКЕ ХОДАСЕВИЧА

1.

”ЛЮБОВЬ” У ЗРЕЛОГО ХОДАСЕВИЧА

Опыт анализа

Когда Пушкин написал ”Я вас любил. Любовь еще, быть может,” — это значило, что он испытывает к определенному лицу совершенно определенные, вполне понятные читателям чувства. Столетие спустя, в десятые и двадцатые годы века двадцатого, каждый заметный поэт употреблял уже ”любовь” и ”люблю” в ему одному лишь ведомом смысле, не предполагая читательского сочувствия.

Вряд ли стоило понимать буквально декларацию Брюсова: ”Моя любовь — палящий полдень Явы...” Тем более, что уже в самом начале своего творческого пути он выступил с предупреждением:

Дитя! Прости обманы поцелуя:
Я лгу моля, твердя ”люблю”, я лгу.
Нет, никого на свете не люблю я,
И никого любить я не могу!

Для Гумилева ”любовь” — нечто факультативное, хотя и часто испытываемое:

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.

*) Васюточкин Георгий Сергеевич — ленинградский литературовед. Публикуемая статья — отрывок из работы Г. Васюточкина, опубликованной в машинописном сборнике, вышедшем в Ленинграде к 100-летию В.Ф. Ходасевича (1986).

Любовь Ахматовой — пытка, терпкая печаль, беда:

Сжала руки под темной вуалью...
"Отчего ты сегодня бледна?"
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Напротив, для раннего Маяковского — жгучая, неотвязная
надобность:

Ведь для себя не важно,
и то, что бронзовый,
и то, что сердце — холодной железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское.

И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь, или нет?
Какая —
большая или крошечная?

Всматриваясь в поэтическое хозяйство Ходасевича, с удивлением замечаем, что слова "люблю", "любовь" всегда совершенно лишены у него естественной соотнесенности интимным (хотя бы в потенци) отношениям мужчины и женщины. Там же, где такие отношения вытекают из контекста, названные слова никогда не звучат. В сокровенной ситуации поэт предпочитает куда более точные глаголы, исчерпывающие действие, не продлевающие его за рамки данного места и момента. Он напишет "целую", "припадаю на мгновение" и т. д., но никогда — "люблю"! Женщина, — конкретная, зримая, плотская — это властительница на миг; "минутная"...

Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство —
Будь счастлива! Господь с тобой.

Или —

... Ощупью взбираясь
По лестнице, влюбленностью назвал я
Свое волненье. Но теперь я знаю,
Что крепкого вина в тот день вкусил я —
И чувствовал еще в своих устах
Его минутный вкус. А вечный хмель
Пришел потом.

То есть, налицо пропорция:

$$\frac{\text{"Влюбленность" (интимное чувство)}}{\text{"Любовь"}} = \frac{\text{"Минутный вкус"}}{\text{"Вечный хмель"}}$$

Причем "возлюбленная" — это не адресат "влюбленности", вовсе не то, что мы готовы подумать. Это — непременно нечто отмеченное знаком вечности, развоплощенная плоть, лишенная длинноты во времени.

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному... *

"Возлюбленные" — непременно те, кого уже нет; их образы бесплотны:

*) Тридцать пять лет спустя после написания этих строк Иосифу Бродскому оставалось лишь... "навести на резкость" их смысл:

Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.

О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей *возлюбленные тени*.

или

В нем *прошлое* *возлюблено* опять
С уже нечеловеческою силой...

Этот душевный строй поэта не способствовал его популярности у женщин, а самых близких ему неминуемо озлоблял. Вот какой раздраженной репликой вспоминает Н.Н. Берберова этак лет через тридцать-сорок (еще не остыла!) это расслоение обладания и его сакрификации в памяти поэта:

"У меня тем не менее отчетливое сознание, что "мое" и что "не мое". Его молодость — не моя. Для меня и свое-то прошлое никогда не стоит настоящего. ... Я не вполне понимаю его: если все это уже было им выжато в стихи, то почему оно еще волнует его, действует на него? Я, конечно, и вида не подаю, и не спугиваю его видений. ...

Сама я уже тогда не любила носиться со своим прошлым, теперь, когда я рассказываю о нем, мне хочется быть и увлекательной, и точной, и извлекать больше радости для себя от формулировок, чем от эмоций, с ним связанных. Эмоций, собственно, нет. Я не умею любить прошлое ради его "погибшей прелести" — всякая погибшая прелесть внушает мне сомнения: а что, если она погибшая во сто раз лучше, чем была непогибшая? (Ревность женщины к прошлому! — Г. В.) Мертвое никогда не может быть лучше живого. ... Волочить сквозь всю жизнь какие-то минуты, часы или дни? Любить их ушедшую тяжесть, когда всякое настоящее, уже тем, что оно только живо, лучше всякого прошлого, которое мертво?"

Но если минутный вкус, сколь упоителен он бы ни был, — не любовь, то что же вообще любовь для поэта? Отведем несколько последующих строк необходимой для ответа на вопрос инвентаризации. Словно в ... гоголевской "Женитьбе", где Кочкарев ошеломляет Подколесина открытием: "Брак это есть такое дело... Это не то что взял извозчика да и поехал куды-нибудь... Это обязанность совершенно другого рода...", так и в задуманной инвентаризации результат оказывается более чем неожиданным. Что же "любит" Ходасевич?

Мне мил — из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот —
Дрожь, пробежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот.

И — в том же духе:

Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, но коплю
Все, что так нежно ненавижу
И так *язвительно люблю*.

Нашупывается нечто близкое к патологии (в обыденном представлении) — внутренняя противоречивость объекта любви как необходимое к ней условие...

И вот, Россия, "громкая держава",
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя *любить и проклинать* тебя.

И — как бы во временной развертке найденный тезис, —

*Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять.*

Ведь логически именно на прогулке поэт в достатке может увидеть и то, и другое; так нет же — приближение к "условно любимому" все переполняет!

И, думается, не может быть иного толкования тому, что для неискушенного слуха выступает как махровый нарциссизм — или квинтэссенция самолюбования в стихотворении "К Психее", чем доказываемое ниже:

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие кольнешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Делея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.

*И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?*

Оказывается! предмет любви Ходасевича — не женщина, не природа, не благо "вообще", не искусство; нет — всегда единство идеала и его противоположности, подчиненность его смертности, безобразию, иным проклинаемым началам... Не слитность, не комфорт единения, а непременно — прерывность этой слитности, "лязг", "скрежет", "дрожь, пробежавшая по коже"...

Добавим сюда краткий анализ стихотворения "Хранилище". Картины старых мастеров — чем они не предмет восхищения? Ан нет, — их великолепие вызывает лишь чувство пресыщения, усталости:

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить — который раз? —
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! Полно, тяжелеют веки
Пред вереницею мадонн, —
И так отраднo, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

Конечно, в музее, хранилище картин, ничто не оттеняет их величия, нет той "пошлости таинственной", присутствие которой возбуждало бы поэта.

Для выразительности воспользуемся аналогией из техники. Поэт переживает "любовь" лишь к ситуациям, где разность потенциалов — жизни и небытия, прекрасного и безобразного — достаточно велика. Его психику уподобим простенькой схеме: конденсатор — газоразрядная лампа. Газ в баллоне начинает светиться лишь при достаточно высокой разности потенциалов на пластинках конденсатора. А уж пробой, искра — это высший, терминальный восторг...

Мне мил из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы...

И не "гроза вообще", не ток "удовольствия" мобилизует положительные эмоции поэта; нет, гроза, как длительный, хоть и эффектный процесс ему не по вкусу:

Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза, —
И смыкает понемножку
Пресыщенные глаза. ("Буря")

А по душе — предельное перенапряжение, "предпробойное состояние"! Ничего иного в "любви" Ходасевича не найти.

В качестве упражнения на применение доказанного тезиса разберем два стихотворения, — "Горит звезда, дрожит эфир" и "Сумерки". Мимолетному взгляду, пробегающему стихи по диагонали, многое может показаться трюизмом: поэт любит мир, любит идущего убогим переулком человека, — и что ж тут необычного?..

В первом из названных стихотворений — якобы объяснение в любви Творцу за совершенство мироздания:

Горит звезда, дрожит эфир,
Таятся ночь в пролеты арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Во славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

Поначалу можно подумать, что поэт восхищает мир сам по себе, но дальнейшее вносит начисто меняющую повод для восхищения коррективу. Ночь, арки, звезды, дрожащий эфир — творимы самим поэтом, — как и дальше: моря, горы и вся слава солнца. Не Бытие, которое пребывает, а "творимая легенда", которая в силу своей творимости несет в себе и возможность ее уничтожения!

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

На ту же тему — "Сумерки".

Снег навалил. Все затихает, глохнет.
Пустынный тянется вдоль переулка дом.
Вот человек идет. Пырнуть его ножом —
К забору прислонится и не охнет,
Потом опустится и ляжет вниз лицом.
И ветерка дыханье снеговое,
И вечера чуть уловимый дым —
Предвестники прекрасного покоя —
Свободно так закружатся над ним.
А люди черными сбегутся муравьями
Из улиц, со дворов, и станут между нами.
И будут спрашивать, за что и как убил, —
И не поймет никто, как я его любил.

Озадачивает конец — эффектный и необъяснимый. Если "как я его любил" — то за что же убивать. Заведомо ясно, что любовью в уайльдовском смысле ("возлюбленных все убивают, так повелось в веках") тут и не пахнет. Расшифровать стихотворение можно лишь ключом, обнаруженным выше. Поэт видит городской пейзаж,

возбуждающий в нем предельную напряженность. Налицо — два полюса: пустынный, неживой, во всю длину переулка дом, олицетворение застылой недвижности, и торопливо идущий человек — антитеза стылости, антизаряд... Эта "разность потенциалов" становится невыносимой, надо что-то совершить, наступает проба — убийство... А любовь к человеку постольку, поскольку он — элемент названной оппозиции, уравнивающий своим движением всю жуткость вечера, снега и темнеющего переулка. В итоге — объяснение в любви всей ситуации, паре, диполю... Нужно ли говорить, что "человек просто", сам по себе горожанин, вне названного антуража вообще не привлеч бы внимания...

Традиционное чувство проступает в лирике Ходасевича только в качестве любви материнской, или сыновней, в строках о материнстве и о своей покойной матери. Тут уж не до технической игры в диполи:

Ни жить, ни петь почти не стоит:
В непрочной утлости живем.
Портной тачает, плотник строит;
Швы расползутся, рухнет дом.

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

Так, провожая жизни скуку,
Любовно женщина кладет
Свою взволнованную руку
На грузно пухнувший живот.

В другом стихотворении, о своей кормилице, второй матери, "мамке", опять обыкновенная, в старом смысле, материнская любовь:

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне негленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

Наконец, в "Дактилях" материнская любовь вспыхивает теплым неярким факелом, согревающим поэта на протяжении целой жизни. Такие щемящие строки способны оценить, пожалуй, лишь потерявшие своих матерей люди:

Был мой отец шестипалым. Такими рождаются счастливыцы.
Там, где груши стоят подле зеленой межи,
Там, где Вилия в Неман лазурные воды уносит,
В бедной, бедной семье встретил он счастье свое.

В детстве я видел комод, фату и туфельки мамы.
Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!

Но даже эта любовь, материнская, светит поэту извне; не он исповедует это чувство, но благодарно различает его в других, — матери или кормилице. Это, так сказать, любовь констатируемая...

2.

ИНТОНАЦИЯ БУДУЩЕГО В ЛИРИКЕ ХОДАСЕВИЧА

Новые интонации проникали в литературу вместе с их носителями, — "поднимавшимися из тьмы погребов". Корявые обрубки бытового, городского просторечия, ужасавшие Александра Блока ("тихо выросли шумы шагов, словеса незнакомых наречий. Встала улица, серым полна. Заткалась паутиною пряжей..."), мгновенно прижились не только в ресторанах ("Незнакомка") или салонах, но и в самой лирике десятых годов. Это писарское косноязычие, претендующее на образованность (и обернувшееся образованщиной), входило в лирику вовсе не с Маяковским, вовсе не с демократами — поэтами "Сатирикона" — нет; предтечей Зошенко был Игорь Северянин: Речевые разговорные формы, канцеляризмы, словесные сорняки удобнее всего обживались в позиции вводного слова, вводного предложения, фразеологизма:

— Я к вам *по поводу* Торквато Тассо.
В гареме — паника. Грозит бойкот.

— *Допустим*, я лирик, — но я и ироник.

— О женщина! Зови его в турне.
Бери его, *пожалуй*, в будуары,
Но не води с собою на Массне.

— Скажи, простятся ль нам измены
Селу любезному? Зачем
Я здесь *вот, например?* И с кем
Ты там на юге. Что нам пена
В *конце концов?* Что нам сирена?

Речь "всесоюзно-мещанского класса" (В. Набоков) еще не освоилась в прозе, но лирика Северянина — вся ее предвосхищение. Лишь через пятнадцать лет эта речь во весь голос зазвучит в литературе:

— Действительно, граждане, взять для примера хотя бы нашего слесаря Петра Антоновича Коленкорова. Человек пропал. Буквально и персонально. (М. Зошенко. "Сильное средство").

Прозаизация стихотворной речи — тема, сформировавшаяся в отдельном исследовании лишь в 1983г.* Но чтобы у такого поэта строго классической ориентации, литературного пуриста, как Ходасевич — и те же самые: "как известно", "быть может", "и то сказать"...!? И это у "Баратынского из подполья"?..

Диалогический строй стиха, обилие бытовизмов в лирике Ходасевича — более чем случайность, и уж, конечно, не **единичный** казус, вроде "Двенадцати". Начиная с "Тяжелой лиры" они становятся — как бы исподволь — равноправными элементами авторской речи.

Чаще встречаются они в функции и позиции вставных, уточняющих логико-синтаксических конструкций:

— Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед...

*) См. Н. Н. Иванова. Прозаизация стихотворной речи. В сб. *Проблемы структурной лингвистики*. 1983, с. 108-127. Работа на материале советской поэзии.

- Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом?
- Друзья, друзья, *быть может*, скоро
И не во сне, а наяву...
- И вижу большими глазами —
Глазами, *быть может*, змеи —
Как пеню дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

Заземленность стиля, установка на контакт с живым собеседником подчеркиваются доверительными обращениями к неизвестно кому:

- Но слушай, мне являться начал
Другой, другой автомобиль...
- Ты скажешь, ангел там высокий
Ступил на воды тяжело.

Поэт постоянно учитывает этого подразумеваемого партнера, чье неизменное присутствие находит подтверждение в репликах, будто бы упреждающих согласие или возражение последнего:

- *Что верно, то верно!* Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать.
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином.
- Все бьется человеческий гений
То вверх, то вниз. *И то сказать:*
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Эти контр-реплики звучат особенно раздраженно, когда воображаемый собеседник сливается с враждебной поэту толпой:

Лучше спать, чем слушать речи
Злобной жизни человечьей,
Малых правд пустую прю.
Все я знаю, все я вижу —
Лучше сном к себе приближу
Неизвестную зарю.

Неповторимое "все я знаю, все я вижу" равноценно житейским: "знаем", "слыхали", "ладно", "хватит"... Та же интонационная фигура — в третьем стихотворении цикла "У моря"; вместо поэта толпе там отвечает герой-одиночка:

И не впервые, не впервые
Он людям говорил из тьмы:
"Мария тут иль не Мария —
Не бойтесь, не потонем мы..."

"Мария тут иль не Мария" — это графема досадливого жеста — вялый отмах ладони назад возле бедра; то же, что и "чего там", "будет..." Он иногда повторяется во всей подлинности сигнала, прекращающего спор-дискуссию; особенно выразительно — в стихотворении "Оставил дрожки у заставы":

Оставил дрожки у заставы,
Побрел пешком.
Ну вот, смотри теперь: дубравы
Стоят кругом.

Недавно ведь мечтал: туда бы,
В свои поля!
Теперь несносны рощи, бабы
И вся земля.

Уж и возвышенным, и низким
По горло сыт,
И только к теням застигийским
Душа летит.

Уж и мечта, и жизнь — обуза
Не по плечам.
Умолкни. Парка! Полно. Муза!
Довольно вам!

Здесь, кажется, весь арсенал разговорно-речевых форм пушен в действие ради выражения раздраженности, пресыщенности миром. И диалогичность повествования, обращение к самому себе за неимением другого адресата: "ну вот, *смотри теперь*: дубрава...", и лексическое заземление текста многочисленными "уж", "ведь", "ну вот", и расхожие фразеологизмы — "по горло сыт", "обуза не по

плечам” — все подчинено нагнетанию ощущения полной исчерпанности жизни; оно достигается остроумным приемом — преимущественным использованием единиц, не продуцируемых, а воспроизводимых в речи в качестве блочных сегментов текста с фиксированным, банальным содержанием. Выжатость мира передается зажатостью самой речи, изношенной до штампа. А в заключение все тот же старчески-раздражительный взмах ладошкой, — мол, ”будет, довольно...”

Умолкни, Парка! Полно, Муза!
Довольно вам!

И в мир изжитой, лишенный воздуха, упругости, формы, словно в спущенную, дырявую камеру устремляются извне противоположные элементы речи — слова воровского или уличного жаргона: ”прошала”, ”пырнуть ножом”, ”дурешь”... Они выглядят особенно зловеще на смиренной канве классического размера. И встречается словечко-другое самого дна:

Сквозь облака, по сферам райским,
(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная Звезда.

Вводимая Ходасевичем в ткань стиха чуждая поэзии ”новоречь” образует интересный контрапункт с инерцией традиционного, с налетом архаики, интонирования. В результате — стихи ”поляризуются”, их раздрает противостояние слов, разноименные заряды создают внутренние поля высокой напряженности. В чем же назначение этого доведенного до виртуозности в своей рискованности приема?

1) Это выражение чисто языковыми средствами глубокого кризиса, переживаемого русской поэзией в двадцатые годы. Повествовательная линейность стиха, постепенность исчерпания темы в его движении, ”сплошная материя говорения” (В. В. Виноградов) вытесняются и замещаются принципиально новыми средствами — диалоговыми формами, парцелляцией, экспрессивными, сниженными до уровня коммунальной перебранки репликами-восклицаниями, репликами-вопросами. Демократизация современности так именно проявляет себя в поэзии. Содержательная информация может быть отныне воспринята читателем лишь в близкой ему

системе речепроизводства — через спор или диалог* — разновидности бытовой устной речи.

2) Ходасевич подчиняет эти приметы времени сведению счетов с исконно ненавистными ему — толпой, чернью, публикой. Все фразеологизмы, — вплоть до явно аргогических лексем, — самый синтаксис даже несут у него устойчивую отрицательную окраску: говоря, по необходимости, на языке толпы, он ”доходчиво” объясняется ей в нелюбви, создает — композиционно и лексически — внутриверсальное поле оттолкновения от нее. Правда, под горячую руку попадают и Парки с Музами... Эту же последовательную нелюбовь к людям унаследовал и сорок лет спустя довел до физиологической экспрессивности ”преемный внук Ходасевича” в русской поэзии — Иосиф Бродский. Его (Бродского) поэтическая речь — и вправду, всего лишь ”... что осталось русской речи”, сплошная духота, засилье бесконечных ”с точки зрения”, ”поскольку”, ”а что насчет того” и т. п. Он не зря подчиняет эту искусную труппность языка той же цели, что и его крестный дед:

Ты, несомненно, простишь мне этот
гаерский тон. Это лучший метод
сильные чувства скрыть от массы
слабых. Греческий принцип маски
снова в ходу. Ибо в наше время
сильные гибнут. Тогда как племя
слабых плодится и взрывает оптом.

В его лирике сплошь и рядом — непереваренные сегменты текстов Ходасевича, в особенности, с интонациями, давшими заголовок эту тему:

*) Эпигонские стихи В. Набокова, чья спесивая самоуверенность не позволила ему заметить этот кризис, в двадцатые и последующие годы выглядят сущими монстрами, словно написанные от лица его бесталанных героев.

Образцы нового подхода к интонационно-композиционной организации стиха встречаются, например,

у В. Нарбута: — Ну, застрелюсь. И это очень просто:
Нажать курок, и выстрел прогремит...

или у Н. Асеева: — Я бы запретил ”Продажу овса и сена” —
Ведь это пахнет убийством отца и сына.

У Ходасевича

Все бьется **человечий гений**:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Что делать? Я к нему не лез,
Как звездочет к Царю Додону,
Хорош в венце, *хорош и без.*

У Бродского

И то сказать, третичный известняк
известен, как отчаянная почва.
Плюс экваториальная жара.
Здесь пуля есть естественный
сквозняк
Так чувствуют и легкие, и почка.
Потею, и слезает кожа.

еще:

Включая пруд, все сильно заросло.
Кишат ужи и ящерицы. В кронах
клубятся птицы с яйцами *и без.*

(“Мексиканский дивертисмент”)

3) Противоборство традиционной поэтической речи и средств ее вулгаризации – неочевидный, но естественный фактор реформации русского стиха, неизбежность которой настолько же умный, насколько и злой Ходасевич понимал безотносительно к руководящим указаниям – сначала пролеткультовцев, затем – прочих бесов. Он не мог уклониться от вызова эпохи, как это сделал В. Набоков, рискнувший даже в сороковые годы написать нечто чудовищно-анекдотическое, времен очаковских и покоренья Крыма –

— Увольте, я еще поэт!

И – раз уж беды не избить* – Ходасевич с удивительной чуткостью подчинял использование нового, чужеродного материала хорошо осознаваемой цели:

И каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

4) Низменность введенного поэтом в стих языка – участник (или член) другой оппозиционной пары: “небесное-земное”. В нашем этюде о любви у Ходасевича говорилось, что его мироощуще-

ние неизбежно дипольно; в каждый миг, в каждом стихотворении ему не живется без сюжета, коллизии, борьбы. Разность потенциалов, напряжение – до дрожи – его стихия. Это ощущение разнополярности, двоемирия в каждой клеточке бытия находит органичный эквивалент в противостоянии двух разнозарядных речевых тенденций, усиливающим читательское восприятие его лирики:

Размякло, и раскисло, и размокло.

От сырости так тяжело вздохнуть.

Мы в тротуары смотримся, как в стекла,

Мы смотрим в небо – в небе дождь и муть.

Не чудно ли? В затоптанном и низком

Свой горний лик мы нынче обрели,

А там на небе, близком, слишком близком,

Все только то, что есть и у земли.

“РУССКАЯ МЫСЛЬ” • LA PENSÉE RUSSE •

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.
Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

**ПОДПИСКА
НА «РУССКУЮ МЫСЛЬ»**

(Цены указаны во фр. Франках)

Обычной почтой:

	6 мес.	1 год
Франция:	180	300
Все страны мира (включая почтовые расходы):	250	450

Авиапочтой:
(В указанные цены входят почтовые расходы.)

	6 мес.	1 год
Северная и Южная Америка, Южная Африка:	320	600
Европа и Северная Африка:	280	520
Австралия, Китай, Япония:	350	650
Израиль, Иран, Центральная Африка:	300	550

*) Не все современники поэта столь же мужественно переживали кризис русского стиха. И. А. Бунин, например, до конца дней своих считал, что в русской лирике – “все хорошо”, и ее губят из злого своеволия декаденты, символисты и, особенно, такие преступные дегенераты, как А. Блок...

БЕЛЫЙ И ХОДАСЕВИЧ : К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

Здесь впервые публикуется до сих пор неизвестная пародия Владислава Ходасевича на Андрея Белого. Оригинал – аккуратно переписанная беловая рукопись, по старой орфографии – сохранился среди бумаг Ходасевича в одном частном московском архиве. Ныне покойный владелец этого собрания любезно предоставил нам эту рукопись, оставленную в Петрограде, когда Ходасевич уезжал из советской России в Берлин в июне 1922 г.

Дата написания на рукописи не указана, но, по всей вероятности, она относится к 1907 году или несколько более позднему времени. В это время Белый и Ходасевич часто встречались (см. Послесловие), особенно в связи с делами журнала *Перевал*. В этот волнующий послереволюционный период несколько напыщенным девизом органа Соколова-Кречетова был "радикализм философский, эстетический, социальный".

Более чем поверхностный "социальный радикализм" Белого, переплетавшийся с его собственным апокалипсическим сознанием, нашел выражение в это время в его статье – действительно "длинной, туманнобезмирной и подмигивающей" – "Социал-демократия и религия" (с подзаголовком "Из лекции, читанной в Париже", с посвящением Мережковскому), которая появилась на страницах *Перевала* (1907, №5) и вызвала полемику в печати. Вторая статья, тоже в марксистско-социалистической линии, "Кумир на глиняных ногах", была напечатана в №8-9 *Перевала*. На политической позиции Белого в этих статьях сказалось влияние идей французского социалистического лидера и редактора *L'Humanité* Жана Жореса, с которым Белый незадолго до того познакомился в Париже. Примерно в это время он набросал портрет Жореса в серии "Силуэты", напечатанной в газете *Накануне*, №20, 1907. Кстати, это не было временным увлечением Белого: он рецензировал русский перевод двух речей Жореса ("Аграрный социализм", "Социализм и крестьянство"), а также перевод книги немецкого социалиста Августа Бебеля "Антисемитизм и пролетариат" в *Весях* еще в 1905 г. (№9-10). Много лет спустя Белый напишет подробное описание своей встречи с Жоресом в книге "Между двух революций".

Помимо реалий биографии Белого и некоторых сторон отношений между поэтами, отражение которых находим в публикуемом тексте, дружеский шарж Ходасевича использует лексику, образы и фигуры из произведений Белого периода "аргонавтизма" и, в первую очередь, из четырех его Симфоний. Пересекающиеся сюжетные линии, разбивка текста наподобие библейских стихов (через Ницше и "Так говорит Заратустра"), музыкальные фразы и повторяющиеся лейтмотивы (вагнеровского происхождения) восходят к первым двум симфониям. Главный объект пародии Ходасевича – это *Симфония (2-ая, драматическая)*, 1902, безжалостная самосатира на мистические и апокалипсические ожидания самого Белого и аргонавтов. "Трандафырь" – имя, под которым высмеивали редактора "Вестника Европы", М.Т. Каченовского (см. набросок Пушкина "Несколько московских литераторов...", 1829).

МОСКОВСКАЯ СИМФОНΙΑ

(5-я, перепевная)

Часть первая.

1. Уже день горел над Москвой.
2. Уже неистовствовали дворники, кутаясь в пыльные клубы. Уже поливальщики поливали.
3. За всем этим следила Городская Управа.*
4. Но поливали они на улицах людных, а Сивцеву Вражку предстояло сохнуть.
5. Всем жаром своим обрушивался день на Сивцев Вражек.

1. От жара спешил поэт укрыться в редакции.
2. Был поэт социал-демократом.
3. Мелкой рысцой бежал он в редакцию. Боялся расплавиться в драповом пальто. Надоел ему бабушкин зонтик.
4. Ибо нельзя было в нем укрыться от небесных костров: основательно был продран бабушкин зонтик.
5. Прилипали поэтические калоши к тротуару.
6. Но не успевал поэт, но покуривал папироску, но картинно сплевывал на сторону.
7. Ибо он был социал-демократом.

*) См. московские газеты за май месяц 1907 г.

1. Вот и теперь нес он под правой мышкой речи Жореса, а под левой — Бебеля. Поглаживал Жореса по корешку, входя в редакцию.
2. Говоря: "милый..."
3. А в сердце его входила радость.

1. Посмеиваясь, раскланиваясь, здоровался поэт с сотрудниками.
2. Смотри в окно, подмигивал. Намекал на Жену Облеченную в Солнце.
3. Скоро... Скоро...

1. На дворе Петрушка колотил Цыгана.
2. Он не знал, что будет съеден Заморским Чудищем.
3. А Чудище барахталось уже в ситцевом мешочке...
4. Глазели мальчишки на Петрушку, и высыпали на двор сотрудники. Давали пяточки Петрушечнику.
5. А иные — гривенники. Были и такие, что могли подать пятиалтынный.
6. Были и сотрудники, подающие только надежду.

1. Но высунулся поэт в окно, погрозил им пальцем, закричал:
2. ... "Неврастеники" ...
3. Восставал поэт против ужасов, восставал против расколов в душах сотруднических. Грозил *балаганщикам*.

1. Этого не знал Петрушка, доколачивая городского.

1. В конторе редакции розовое дитя позвякивало монетами, шелестело бумажками...
2. Выдавая сотрудникам, — каждому по делам его.
3. Были нарочито сосчитаны строчки и записаны в Книгу.
4. Розовое дитя выдавало сотрудникам гонорары. Каждому — по делам его.
5. И записывало в Книгу, и отчеркивало по железной линейке:
6. *Ему предстояло пасти народы жезлом железным.*

1. Но просчиталось дитя, но не хватало у него в кассе 3 рублей 78 копеек.
2. И заплакало: ему предстояло пасти народы.
3. К лицу его прильнула голубая занавесочка. Ласково утирала слезы.
4. Это был лоскуток небесной лазури...

1. На улицах катились поливальщики, трясаясь на бочках. Они поливали Кузнецкий Мост и Воздвиженку.
2. А Сивцеву Вражку предстояло сохнуть.

1. В тот час появился поэт в дверях конторы.
2. Посмеиваясь, раскланялся, — подмигнул, намекая.
3. И утешилось дитя, видя улыбку поэта. Догадалось о несказанном.
4. Скоро... скоро.
5. Они понимали друг друга. Поэт смотрел в окно... Дитя выдавало гонорар поэту...
6. Это был воздушно-золотой фейерверк невинности.

1. Уже день догорал над Москвой. Огненное вино тухло на горизонте.

1. Напившись чаю, выходил поэт из редакции.
2. Ибо не только получал он там гонорары, но и пил чай. Вознамерился он широко использовать печатное слово.
3. Был поэт социал-демократом.

Часть вторая.

1. Мелкой рысцей бежал поэт по Сивцеву Вражку.
2. Бежал — заворачивал на Пречистенский бульвар.
3. Тот, которому надлежало пасти народы, обогнал его, неподвижно сидя на извозчике.
4. Направляясь к издателю.
5. Извозчик сосредоточился на козлах. Понимал, что делает.
6. Дитя поклонилось поэту. Поэт подмигнул значительно.
7. Скоро... скоро...
8. И уже не видно было младенца...

1. Бежал поэт по пыльным тротуарам.
2. Попыхивал папироской, картинно сплевывая. Он был социал-демократом.

1. Розовая зорька хохотала как безумная.
2. Бледнея, умирала со смеху, кашляя и задыхаясь.
3. Она была чахоточная, и ей вредна была московская пыль.

4. И так как об этом не писали в газетах, — она хохотала, а Управа бездействовала.

1. Но хмурился редактор, читая статью поэта.
2. Статья была длинная, туманнобезмирная и подмигивающая. Она говорила — о несказанном.
3. Хмурился редактор, хмурился, но сложил статью аккуратно.
4. Надписал на ней: "Принято. Корпус".

1. Ибо петитом печатались только рецензии.

1. Поэт напивался домашнего чаю, в кабинете своем, близ Успенья на Могильцах.

1. Редактор пошел домой, неся портфель под мышкою.
2. Смилоствовилось солнце над Москвой. Унылые граждане выбежали на улицу подышать свежим воздухом.
3. Это все были подписчики: действительные и предполагавшиеся.
4. Редактор похлопывал по портфелю рукой своей, говоря громко:
5. "О, сколь много интересного для подписчиков кроется в портфеле редакции!"
6. Но его не слышали угрюмые подписчики. Затыкая носы, дышали они свежим воздухом.
7. Безумцы наслаждались вечером, ласково-пыльным.
8. Но все же предстояло им прочесть статью поэта.
9. Она была длинная и подмигивающая, и говорила о несказанном.

1. Розовая зорька хохотала как безумная.
2. Но уже видно было, что не миновать ей смерти.
3. Она была чахоточная, — и Городская Управа бессильна была спасти ее.
4. Как бы ни заботилась она об удовольствиях граждан.

Часть третья.

1. Вечером поэт пошел к приятелю.
2. Оба молчали, намекая на несказанное.
3. Клади заплату на крылатку Владимира Соловьева.

4. Ибо приятель поэта был внук того и племянник этого.
5. И вот затаскал он дядину крылатку, ибо был расточителен.

1. В тот самый момент черный кот выкарабкался таким из-под серого и поколотил его.
2. Это был кошачий ужас, а назывался он — *возмездием*.

1. Тогда пошел поэт от приятеля.
2. Задумчиво брел он по звонкому тротуару. Покуривал папироску, картинно сплевывая. Он был социал-демократом.
3. Но никто этого не знал и не видел, ибо и зорька умерла уже в тот час.

1. . . . Была зорька розовая и безумная.
2. Она одинаково хохотала, и поэту, и редактору — прямо в лицо...

Трандафьрь.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

"Деятнадцать лет судьба нас сталкивала на разных путях: идейных, литературных, житейских. Я далеко не разделял всех воззрений Белого, но он повлиял на меня сильнее кого бы то ни было из людей, которых я знал".¹

Так определил свое отношение к Андрею Белому Владислав Ходасевич в мемуарах, написанных вскоре после смерти (8 января 1934 г.) быть может самого последовательного и значительного из символистов. Знакомство, в котором близость сменялась расхождением, а дружба в конце концов враждой (со стороны Белого), продолжалось с осени 1904 г. в Москве до отъезда Белого в советскую Россию из Берлина в октябре 1923 г.

Оба коренные москвичи, 1880 и 1886 гг. рождения, они были однокурсниками на историко-филологическом факультете Московского университета, на который Белый перешел осенью 1904 г., по окончании естественно-математического,² и где Ходасевич

учился — нерегулярно — с 1904 по 1909 г.³ Ни тот ни другой не окончил курса. Познакомились они у Валерия Брюсова. Осенью 1904 г., на одной из знаменитых брюсовских сред, Ходасевич увидел "красивого, голубоглазого студента с пушистыми светлыми волосами". "Когда я входил в кабинет, студент летучей, танцующей походкой носился по комнате и говорил с радостным возбуждением, переходя с густого баса к тончайшему альту, то почти приседая, то подымаясь на цыпочки. Это и был Андрей Белый".⁴ Непосредственная реакция Ходасевича на встречу была — "влюбленность".

Ходасевич, к тому времени уже бывший близким другом Нины Петровской (жены С.А. Соколова-Кречетова, владельца "Грифа", издававшего его стихи), скоро оказался вовлеченным в пресловутый роман-треугольник между Петровской, Белым и Брюсовым и стал сначала доверенным Нины, а позднее Белого и таким образом был посвящен в подробности этой истории.⁵ Много лет спустя, в 1928 г., после самоубийства Нины Петровской в Париже, Ходасевич написал об этом, как бы желая восстановить истинное положение вещей после брюсовской "творческой" переделки жизненного романа в *Огненном ангеле* (1907). Сам вышедший из символизма, Ходасевич видел его изнутри, что помогло ему дать ставший классическим анализ опасного смещения жизни и искусства, так фатально, по его мнению, характеризовавшего символистские круги. Это был очерк "Конец Ренаты", впервые опубликованный в парижской газете *Возрождение*.⁶

Дружеские отношения между Ходасевичем и Белым установились в 1907 г. в Москве и Петербурге. В марте Белый вернулся в Москву из-за границы, где после драматического разрыва с Л.Д. Блок он провел несколько месяцев в Мюнхене и Париже. Он стал постоянным сотрудником, — печатаясь как Андрей Белый, Taciturno, Борис Бугаев, — новооснованного (Соколовым-Кречетовым) журнала *Перевал* (выходил с ноября 1906 г. по октябрь 1907 г.),⁷ где Ходасевич был секретарем редакции, контора которой находилась на углу Пречистенского бульвара и Сивцева Вражка (д. Тарасовой, кв. 1). В это время Белый сближается с Ходасевичем, у них оказывается много общих интересов: издательские дела, попытки спасти Нину Петровскую от саморазрушения, а также их собственная неудачная личная жизнь. Часть лета Ходасевич провел в Лидино, имении дяди его жены, недалеко от Бологого; там были написаны многие из его стихов, вошедших в его первый сборник *Молодость* (Москва, "Гриф", 1908). В августе он поехал в Петербург — в это

время расстраивался его брак с Мариной Рындиной. Белый прибыл туда в октябре выяснять свои сложные отношения с Блоками и был снова отвергнут. В течение месяца Белый и Ходасевич часто встречались (иногда втроем с Ниной Петровской), недоразумения в связи с ролью Ходасевича в отношениях Белого с Брюсовым были выяснены, и в конце месяца они вместе уехали назад в Москву. В ноябре, снова в Лидино, Ходасевич посвятил Белому последнее стихотворение книги *Молодость*, "Пролог неоконченной песни", с его центральным образом распятого поэта из *Золота в лазури* (1904) Белого. В свою очередь, Белый адресовал два стихотворения Ходасевичу: "Старинный дом" (*Пепел*, 1908), перекликающийся с образами из ходасевичевой *Молодости*, и "Сантиментальный романс" (впервые в *Золотом Руне*, №3-4, 1908, а затем, с посвящением Ходасевичу, в сборнике *Урна*, 1909).⁸

1908-1912 — это годы их близкой дружбы в Москве. Они проводили много времени вместе, посещали собрания Литературно-художественного кружка и Общества свободной эстетики, читали и комментировали произведения друг друга. Ходасевич был одним из первых, узнавших об открытии Белым закона несовпадения ритма и метра в двусложных размерах, изложенного им в статьях о русском четырехстопном ямбе, вошедших в книгу *Символизм* (1910). В скором времени, однако, Ходасевич стал придерживаться взгляда, что изучение ритмического содержания можно вести не иначе, как в связи с содержанием смысловым. Он возражал против изменений, которые Белый, подготавливая сборники *Пепел* и *Урна*, вводил в свои стихи, чтобы их ритмический узор соответствовал изобретенным им формулам. Их страстные споры по этому вопросу происходили с глазу на глаз, а также на собраниях Ритмического кружка при издательстве "Мусагет" (основанном Белым и Эмилием Метнером в 1909 г.).⁹

К концу 1911 г. контакты между ними сократились. В сопровождении Аси Тургеневой, Белый совершил большое путешествие — Венеция, Палермо, северная Африка и Ближний Восток. Он был погружен в работу над *Петербургом* и руководил новым журналом *Труды и Дни*. Его главным интересом к этому времени становится антропософия, он проводит два с половиной года в Дорнахе у Рудольфа Штейнера. Возвращается Белый в Москву по призыву только осенью 1916 г.

После долгой разлуки поэты снова встретились в Москве зимой 1916-1917гг. на собрании у Бердяева, когда недавнее убийство Распутина было у всех на устах. Ходасевич был поражен внешним видом и душевным состоянием Белого, его потенциальная склонность к мании преследования проявлялась теперь открыто. Описание Ходасевича, а также его предположение о психологических причинах этого состояния кажутся правдоподобными. (См. об этом ниже).

Когда они оказались вместе в Петрограде весной 1921г., близкие отношения между ними возобновились (и продолжались в Берлине, куда оба в скором времени выбрались). Ходасевич обрел свой зрелый поэтический голос в *Путем зерна* (1920) и писал стихи, составившие *Тяжелую лиру* (1922). Белый был увлечен работой с Ивановым-Разумником в Царском Селе, основанием Вольфилы, окончанием своей замечательной поэмы "Первое свидание". Об этом Ходасевич пишет:

"Однажды вбежал он ко мне веселый и светлый, каким я давно его не видал. Принес поэму "Первое свидание", лучшее из всего, что написано им в стихах. Некоторых отрывков из первой главы тогда еще не было — они вставлены позже. Я был первым слушателем "Первого свидания" — да простится мне это горделивое воспоминание. Да простится мне и другое: в те самые дни написал он и первую свою статью обо мне — для пятого выпуска "Записок Мечтателей". То был последний выпуск, проредактированный еще Блоком и вышедший уже после того, как Блок умер".¹¹

Восторженная статья Белого "Рембрандтова правда в поэзии наших дней" появилась в начале 1922г., когда автор уже был в Берлине, покинув Россию осенью 1921г. Эта статья была одним из первых откликов на *Тяжелую лиру*, четвертую книгу стихов Ходасевича. По мнению Белого, Ходасевич ушел дальше футуристов, он "простой поэт, в котором правдивость, стыдливость и скромная гордость как будто нарочно себя отстраняют от конкурса на лавровый венок". Его поэзия — "правдивая и вечная":

" / ... / она не только душевна, она и духовна: метафоры, яркости, пестрота, ритмы, умности и заумности, неологизмы — не спорю: все это — прекрасное оперенье душевности; и лучше душевность, чем бездушевность, когда "духа поэзии" нет; "дух" поэзии — правда . . ." ¹²

Вторая статья Белого о поэзии Ходасевича, "Тяжелая лира и русская лирика", была опубликована год спустя уже в эмиграции.¹³ Это довольно подробное исследование места Ходасевича в русской поэтической традиции; его предшественниками названы Пушкин, Тютчев, Фет и, в первую очередь, Баратынский (эта мысль уже была высказана в первой статье). Как общие черты, сближающие поэтов, указаны общие эпитеты, "странные сочетания слов", "обилие отрицательных слов", инструментовка. Статья заканчивается анализом ритмического рисунка в стихах *Тяжелой лиры* (596 строк Ходасевича сравниваются с таким же числом строк девяти других поэтов). Этот своего рода формальный анализ перекликается с работами Белого по ритмике в 1910г., когда Ходасевич был его частым и не всегда согласным с его выводами собеседником. Здесь Белый, однако, старается не забывать о смысле, хотя к выводам о связи определенных ритмических ходов и семантического уровня он и не приходит. Белый заключает свою статью следующим образом:

"Так формальный анализ отчетливо подтверждает то именно, что пытался я ранее установить относительно содержания поэзии этой; как в содержании Ходасевич преемственно поднимает задания лучших традиций огромной поэзии нашей, так и в форме своей поднимается он к "стае славной" поэтов. И радостно: в наши дни родился очень крупный поэт; а рождение такое есть редкость; оно есть рождение второе: рождение в царство конкретное Разума".

В Берлине, куда Ходасевич прибыл в самом конце июня 1922г., продолжались близкие отношения, налаженные в Петрограде. Здесь началась последняя стадия их личных контактов. Для Белого это был трудный период: его покинула его жена, Ася Тургенева (оставшаяся в Дорнахе в 1916г.), а также Рудольф Штейнер (во всяком случае Белому так представлялось), он был отрезан от своих друзей-антропософов в Москве и Петрограде, а в Берлине чувствовал себя чужим в эмигрантской среде. Его отчаяние выражалось во все более эксцентричном поведении: пьянстве, истерических сценах и странных танцах в немецких кафе и барах, посещавшихся русскими. Прибытие Ходасевича с Ниной Берберовой вернуло Белому друга, которому он доверял, и в этот период они часто встречаются, даже когда Ходасевич живет в двух часах езды от города. Частые встречи с Белым зарегистрированы в так называемом "камер-

фурьерском журнале" Ходасевича, а также в сохранившемся отдельном списке "Встречи с Белым": между первым июля и восьмым сентября перечислены сто девять встреч.¹⁴

Они работают вместе в редколлегии журнала *Беседа* (Ходасевич был редактором поэтического отдела, Максим Горький — отдела прозы), который выходил с весны 1923 по март 1925 г.¹⁵ Значительная статья Белого, не учтенная в советской библиографии, "О «России» в России и о «России» в Берлине", с призывом к сближению между советской Россией и эмиграцией, появилась в первом номере (май-июнь 1923), а в четырех номерах журнала (№2, 3, 5, 6-7) печаталась большая работа Ходасевича "Поэтическое хозяйство Пушкина". Белый редактировал ежемесячник *Эпопея* (4 номера: 1922-1923), где была напечатана вторая, значительно расширенная редакция его воспоминаний о Блоке, а Ходасевич опубликовал там некоторые свои новые стихи.

Белый, если можно так выразиться, "действующее лицо" в великолепных и ужасающих берлинских стихах Ходасевича (что войдут в сборник *Европейская ночь*, 1927), вершине его поэтического творчества. По крайней мере одно из этих стихотворений в журнальной публикации было формально посвящено Белому; это — демоническое и отчаянное стихотворение, начинающееся строками "С берлинской улицы / Вверху луна видна". Белый, во всяком случае, был свидетелем зарождения большинства из этих берлинских стихов.¹⁶ Подобная атмосфера создается Белым в его напряженной брошюре *Одна из обителей царства теней* (Ленинград, 1924), его шпенглеровском видении падения западной цивилизации, опубликованной вскорости после его возвращения в советскую Россию.

В этот же период Белый был одним из организаторов берлинского Дома Искусств и отделения Вольфила. Он работал над неопубликованным вариантом *Начала века*, который в процессе работы он читал Ходасевичу и Берберовой (название тома принадлежит ей). Это иной текст, чем опубликованный под тем же названием в 1933 г.; уже частично набранный, он остался в Берлине, когда Белый уехал в Россию.

Лихорадочная деятельность Белого прекратилась внезапно осенью 1923 г., когда он решил вернуться в Россию. Решение это было принято под влиянием его будущей жены, антропософки К.Н. Васильевой, которая специально приехала из Москвы в Бер-

лин, чтобы спасти Белого и увезти его назад в Москву. Последовал болезненный разрыв с Ходасевичем, подробно им описанный:

"Недели за полторы до отъезда Белого решено было устроить общий прощальный ужин. За этим ужином одна дама, хорошо знавшая Белого, неожиданно сказала: "Борис Николаевич, когда приедете в Москву, не ругайте нас слишком". В ответ на это Белый произнес целую речь, в которой заявил буквально, что будет в Москве нашим другом и заступником и готов за нас "пойти на распятие". Думаю, что в ту минуту он сам отчасти этому верил, но все-таки я не выдержал и ответил ему, что посылать его на распятие мы не вправе и такого "мандата" ему дать не можем. Белый вскипел и заявил, что отныне прекращает со мной все отношения, потому что, оказывается, "всю жизнь" я своим скепсисом отравлял его лучшие мгновения, пресекал благородные поступки. Все это были, конечно, пустые слова. В действительности он вышел из себя потому, что угадал мои настоящие мысли. Понял, что я знаю, что "распинается" за нас он не будет. Напротив...

По существу он был неправ — даже слишком. Но и я виноват не меньше: я вздумал требовать от него ответственности за слова и поступки, когда он находился уже по ту сторону ответственности. Воистину, мой поступок был вызван очень большой любовью к нему: я не хотел обидеть его снисхождением. Но лучше мне было понять, что нужно только любить его — несмотря на все и поверх всего. Это я понял, когда уже было поздно".¹⁷

Невзирая на драматический конец их отношений, Ходасевич, поселившийся с апреля 1925 г. в Париже, продолжал следить издали за публикациями Белого в Советском Союзе. Он был убежден, что "по существу, конечно, он не имел с ними [большевиками] ничего общего. Имел — с революцией. Но "общее с революцией" имеет и вся Россия, которую он любил, если и не по-нашему, то уж никак не меньше нашего".¹⁸

Ходасевич написал серию значительных статей, рецензий, воспоминаний о Белом, без которых нельзя себе представить будущие (если таковые когда-нибудь выйдут) тома "Андрей Белый в воспоминаниях современников". Тот факт, что ни одна из этих статей не учтена в официальной "полной" библиографии трудов Белого и работ о нем, обедняет представление читателей и исследователей о таком исключительном явлении, каким был Андрей Белый.

"Аблеуховы-Летаевы-Коробкины" (1927)¹⁹ — это фундаментальная работа, охватывающая главные художественные произведения Белого, которую можно отнести к психологической критике. Ходасевич находит разительное сходство действующих лиц и их взаимоотношений в романах *Петербург*, *Котик Летаев* и *Москва*, и указывает на постоянную тему в романах Белого — "потенциальное отцеубийство", а также на мотивы предательства и мании преследования. Он кратко упоминает в этом контексте неоконченный роман "Преступление Николая Летаева". Тем временем этот фрагментарный роман, ранее напечатанный в *Современных Записках*, был опубликован в Москве под названием *Крещеный китаец*, и сразу же Ходасевич разбирает его с той же позиции, как и предыдущие.²⁰ Есть здесь полунамек на источник этой тематики в биографии Белого: "Уж не знаю, влияют ли тут причины, лежащие внутри творческой личности Белого, или тут просто какой-то "рок", тяготеющий над его книгами..."

В рецензии на книгу *На рубеже двух столетий* (Москва, 1930)²¹ Ходасевич уточняет: отец Белого, "сущий урод лицом" и воплощение позитивизма XIX века, знаменитый математик Николай Васильевич Бугаев, указывается как прототип вымышленных отцов в романах. Красавица-мать боролась за освобождение своего "любимого Бореньки" от власти отца, "начетчика позитивистов, маниака, с ребяческой нежностью относящегося к науке". Таким образом шизофрения, проявившаяся позднее, была заложена в раннем детстве. Ходасевич описывает с большим сочувствием эти ножницы, как "называет Белый свою былую невозможность сочетать две крайности нашей культуры — позитивные науки и идеализм — столь долгие годы в юности мучившую его и нашедшую себе разрешение в символизме".

Четыре года спустя Ходасевич рецензировал второй том воспоминаний Белого, *Начало века* (Москва-Ленинград, 1933).²² Он гораздо больше увлечен и задет этой книгой, в первую очередь потому, что ее надо было "приспособить к требованиям цензуры и казенного мировоззрения", и могла она появиться в печати только благодаря покровительству старого большевика Льва Каменева, "который со своим предисловием развалился в книге Андрея Белого, как лакей на барском диване". Ходасевич отвечает пункт за пунктом на снисходительные объяснения Каменева и убедительно возражает на его обвинения в религиозном и мистическом

обскурантизме, возводимые им на ведущих культурных деятелей в 1905 г:

" / . . . / задолго до коммунистической революции [этими людьми] было предчувствовано и поставлено в порядок дня то религиозное возрождение русской интеллигенции, которое ныне открыто совершается в эмиграции и тайно — в советской России. Внутренне преодолевая пороки русской буржуазной культуры и отчасти "декадентскими" сторонами своей деятельности помогая ее распаду, порой враждуя между собой, продвигаясь ощупью и нередко сбиваясь с дороги, эти люди, главные герои беловских воспоминаний, уже намечали тот именно путь, по которому должна будет пойти Россия при ликвидации большевизма. Иными словами, они не блуждали по задворкам истории, а далеко опережали ее, заглядывая в очень отдаленное будущее: через голову надвигающегося большевизма — уже в ту эпоху, которая и сейчас еще не настала, которой и сейчас еще только предстоит быть. Весьма возможно, что сроки еще ~~не~~ близки, но, как это ни ужасно для Каменевых, полу-Каменевых и четверть-Каменевых, — Россия вновь станет тою христианской страной, какою она была, или — вернее — какою она хотела, но еще не умела быть. И тогда с большим почитанием, чем даже нам сейчас кажется, она назовет имена многих людей, которые изображены в книге Андрея Белого".

А смерть Белого в январе 1934 г. заставила Ходасевича написать свои воспоминания "об одном из самых замечательных людей литературной эпохи, которая ныне, с его кончиной, еще отчетливей отодвинулась в прошлое". У Ходасевича было глубокое уважение и вера в историческую правду, что придает исключительную ценность как его историческим разысканиям эпохи Державина и Пушкина, так и его мемуарам о Серебряном Веке. И теперь он чувствовал себя обязанным записать только то, что он знал из первых рук о жизни и времени Белого. Результатом этого явился очерк "Андрей Белый. Черты из жизни", появившийся в *Возрождении* в феврале 1934 года.²³

Ходасевич воссоздает детство Белого по его мемуарам и по частным беседам с ним, он уточняет свой взгляд на семейные отношения Белого, взгляд, выраженный ранее в рецензии на его воспоминания, настаивавшей на автобиографичности его художественной прозы. Присущая Белому двойственность была результатом его ранних детских впечатлений:

"Раздираемый", по собственному выражению, между родителями, Белый по всякому поводу остро переживал относительную правоту и неправоту каждого из них. Всякое явление оказывалось двусмысленно, раскрывалось двусторонне, двузначуще. Сперва это ставило в тупик и пугало. С годами вошло в привычку и стало модусом отношения к людям, к событиям, к идеям. Он полюбил совместимость несовместимого, трагизм внутренних противоречий, правду в неправде, может быть — добро в зле и зло в добре".²⁴

Ходасевич уточняет подробности своего знакомства с Белым и своего участия в мелодраматическом романе Нины Петровской с Брюсовым и Белым. Он строго осуждает "тот своеобразный символический быт, в котором предчувствия и предвестия воспринимались как единственная подлинная реальность, действительность мнилась маревом, творчество превращалось в жизнь, а жизнь в творчество".²⁵

Ходасевич был хорошо осведомлен о подробностях сложнейших отношений Белого с Блоками. В "Чертах из жизни", не называя участников, он дает полную оценку этому запутанному делу, считая, что оно имело далеко идущие последствия:

" / . . . / история этой любви сыграла важную роль в литературных отношениях той эпохи, в судьбе многих лиц, непосредственно в ней даже и не замешанных, и в конечном счете — во всей истории символизма".²⁶

Мемуары Ходасевича исключительно ценны как взгляд свидетеля-современника на частную и общественную жизнь Белого. Рассказ о встречах в Москве и Петербурге в 1907-1912 гг., о годах революции и гражданской войны, о времени в Петрограде перед эмиграцией, и о "полубезумном берлинском периоде" жизни Белого оживляется подробностями и "анекдотами" из жизни. Так как он не располагал непосредственной информацией о последнем десятилетии жизни Белого в Советском Союзе (1923-1934), Ходасевич описал его в одном скудном абзаце.

В 55-ой книжке *Современных Записок* (1934), где памяти Белого были посвящены также восторженные мемуары Марины Цветаевой "Пленный дух", Ходасевич опубликовал, с комментариями, "Три письма Андрея Белого". Первое из них — письмо Белого Ходасевичу от 9 августа 1921 г. Это выражение его глубоких чувств в связи со смертью Александра Блока. Тон письма

служит доказательством, что Белый и Ходасевич были действительно близки в это время. Письмо содержит, между прочим, фразу, романтизовавшую смерть Блока и ставшую своего рода "крылатыми словами" об этом событии: ". . . он задохся от очень трудного воздуха жизни; другие говорили вслух: "душно". Он просто замолчал, да и . . . задохся". Там же опубликованы отрывки из неотправленного письма Белого жене, Асе Тургеневой (не названной Ходасевичем), оставленного Ходасевичу в 1923 г. при спешном отъезде Белого. Это значительный документ (написанный в Ковно, когда Белый ожидал немецкую визу в ноябре 1921 г.), так как здесь дается подробный отчет о его жизни за 1918-1921 гг.²⁷

Третье письмо адресовано Ходасевичу, это многословное извинение за то, что он затерял стихотворения Державина, которые Ходасевич одолжил Белому и которые теперь были ему срочно нужны. (Они нашлись в бумагах Белого, оставленных в беспорядке в октябре 1923 г. в Берлине).

На первый взгляд кажется странным, что Ходасевич не отозвался сразу на третий том мемуаров Белого, *Между двух революций* (Москва, 1934), опубликованный посмертно. Нет сомнения, что он был огорчен собственным портретом, написанным Белым:

" / . . . / всем импонировал Ходасевич: умом, вкусом, критической остротой, источающей уксус и желчь, пониманием Пушкина; трудолюбивостью даже внушал уважение он; и увы — во всех смыслах пошел далеко Ходасевич; капризный, издерганный, самолюбивый и загрызающий ум развивался за счет разложения этики.

Жалкий, зеленый, больной, с личиком трустика, с выражением зеленоглазой змеи, мне казался порой юнцом, убежавшим из склепа, где он познакомился с червем; вздев пенсне, расчесавши пробориком черные волосы, серый пиджак затянувши на гордую грудку, года удивлял нас уменьем кусать и себя и других, в этом качестве напоминая скорлупчатого скорпионика.

Делалось жутко.²⁸

Только четыре года спустя, всего за год до собственной смерти, Ходасевич смог наконец ответить на это изображение и другие неточности в рецензии под заглавием "От полуправды к неправде".²⁹

Ходасевичу надо было разобраться в собственных чувствах и в оценках мотивов Белого, и в конце концов он с этим справился

и ответил на обвинения Белого. Белый мог считать для себя политическим, находясь в Советском Союзе, писать так о антибольшевике-белоземляке; помимо этого, он, по всей вероятности, следил за острыми и психологически пронзительными высказываниями Ходасевича и Гулливера на протяжении предшествующего десятилетия в разных рецензиях и статьях, и он воспользовался случаем отомстить. Он посвятил две бранных страницы Ходасевичу, которые, несмотря на их яркость и силу, тем не менее исказили правду. Ходасевич как историк поправляет искажения и неверную интерпретацию фактов: он никогда не жил в доме Брюсовых и не распространял семейных тайн; он не завлекал Белого в *Перевал*; болезни, за которые, по словам Белого, его жалели, в действительности появились несколько лет спустя. Что могло и должно было стать ценным источником информации об эпохе символизма — обесценивается фантазированием Белого. Ходасевич утверждает:

”Я уже писал по поводу ”Начала века”, что будущему историку символизма придется отнестись к воспоминаниям Белого с осторожностью. О новом томе приходится сказать, что он очень много дает для понимания самого Белого, еще больше — для понимания беловской психологии в предсмертный период, но по существу содержит неизмеримо больше вымысла, нежели правды”.

Основная проблема, по мнению Ходасевича, была связана с изображением Александра Блока в нескольких версиях мемуаров. Так как Белый не мог касаться личных причин их разногласий (Любовь Дмитриевна была еще жива, и личную жизнь Блока нельзя было обсуждать), он был вынужден умалчивать и выдумывать объяснения некоторых фактов. Полуправда этого изображения была в дальнейшем распространена на всех и вся и в результате привела к карикатуре. ”Перенеся центр воспоминаний с Блока на себя, Белый одну полуправду заменил другой, противоположной: апология Блока превратилась в апологию Белого...” Подробный разбор и оценка этого сложного процесса Ходасевичем, с его знанием и психологии Белого, и эпохи, о которой он писал, заставляют читателя согласиться с его выводами. В общем же это лучшая существующая оценка мемуаров Белого. И несколько парадоксально в этом контексте Ходасевичу удается дать фигуру Белого в полный рост:

”К славе Белого его последние книги ничего не прибавят. Они, конечно, свидетельствуют о его внутреннем распаде. Но не следует забывать, что этот распад именно потому трагичен, что в Белом было чему *распадаться*, что был он не только замечательным писателем, у которого, порой сами того не зная, учились многие строгие критики его писаний, но был еще и замечательным человеком, в истинной, неомраченной своей сущности — неизмеримо лучшим, нежели многие из тех, кто теперь злорадствует по поводу его жалких посмертных книг”.

Не трудно поверить, что настоящие чувства Белого по отношению к Ходасевичу были выражены не в книге *Между двух революций*, но в его рецензиях стихов Ходасевича в начале двадцатых годов и в надписи на *Петербурге*, который он подарил Ходасевичу в Берлине в 1922г.: ”С чувством конкретной любви и связи сквозь всю жизнь”.³⁰

ПРИМЕЧАНИЯ :

1. ”Андрей Белый. Черты из жизни”, *Возрождение*, №№3173, 3177, 3179 (8, 13, 15 февраля 1934г.). Эта серия статей является основой мемуаров ”Андрей Белый” в кн. *Некрополь. Воспоминания*. Брюссель, 1939, стр. 61-99. Это сокращенная и отредактированная версия, исключающая информацию, которую находим в книге в других статьях (”Конец Ренаты” и ”Валерий Брюсов”) и добавляющая материал из нескольких рецензий и статей Ходасевича о беловских романах и мемуарах. ”Чертам из жизни” предшествовал более формальный некролог Ходасевича в *Возрождении*, № 3147, (13 января 1934) .;
2. См.: *Начало века* (Москва-Ленинград, 1933), стр. 352, где Ходасевич охарактеризован как ”пока еще только поэт от ”Трифа” (он к Брюсову переметнулся позднее)”.
3. Юрий Колкер, ”Университетские годы В.Ф. Ходасевича”, *Русская Мысль*, № 3624 (6 июля 1986), стр. 9-10.
4. *Возрождение*, №3173.

5. Там же. Ср.: "Конец Ренаты" в *Некрополе*; Белый, *Начало века*, стр. 276-287; Н.И. Петровская, "Из воспоминаний", *Литературное Наследство*, 85, (Москва, 1976), стр. 773-798; и С.С. Гречишкин, А.В. Лавров, "Биографические источники романа Брюсова *Огненный ангел*", *Wiener slavistischer Almanach*, Band 1, 1978, s. 79-109, Band 2, 1979, s. 73-96. Ср. также: комментарии к стихотворениям 1907 г. "Sanctus amor", "Ночи", "Воспоминание" (*Молодость*): Владислав Ходасевич, *Собрание сочинений*, т. 1 (Ann Arbor, 1983), под ред. Дж. Малмстада и Р. Хьюза.
6. №№ 1045, 1046, 1047 (12, 13, 14 апреля 1928 г.).
7. Беловскую интерпретацию закулисной "политики", связанной с *Золотым Руном*, петербургскими мистическими анархистами и *Перевалом*, см. в кн. *Между двух революций*, (Ленинград, 1934), стр. 245-254. Ср. статью А.В. Лаврова о журнале в кн. *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания* (Москва, 1984), стр. 174-190.
8. Не является ли, в этом контексте, стихотворение "Поэту" ("Ты губы сжал и горько брови сдвинул, / А мне смешна печаль твоих красивых глаз"), написанное в 1908 г. (*Счастливый домик*, 1914), с образом поэта, "банально" обманутого и брошенного возлюбленной (Л.Д.?), также обращенным к Белому?
9. См. Андрей Белый. *Между двух революций*, стр. 392-396, и "О стиховедческом наследии Андрея Белого" в кн. *Структура и семиотика художественного текста* ("Труды по знаковым системам". XII, Тарту, 1981). Ср.: Владислав Ходасевич, "Поэту или читателю?" в московском журнале *София*, №4, апрель 1914 г.
10. См.: *Возрождение*, №3179.
11. Там же.
12. *Записки Мечтателей*, 1922, №5, стр. 136-139.
13. *Современные Записки*, кн. XV, 1923, стр. 371-378. Эта статья не учтена в "полной" библиографии Белого в серии *Русские советские писатели. Поэты* (Москва, 1979), т. 3, ч. 1. К сожалению, это относится также почти ко всему, опубликованному Белым за границей.
14. Воспроизведен в книге Нины Берберовой *Курсив мой* (Мюнхен, 1972), стр. 177. "Камерфурьерский журнал" — реестр ежедневных занятий, который Ходасевич вел в течение всей своей эмигрантской жизни, — описан Берберовой в мемуарах "Три года жизни М. Горького (1922-1925)", *Мосты*, VIII (Мюнхен, 1961), стр. 262-277, и широко использован в публикации: Robert Hughes and John Malmstad, "Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923-1932)", *Oxford Slavonic Papers*,

vol. XIX, 1986, (в печати). Автограф находится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета.

15. Несколько мемуарных статей Ходасевича о Горьком, а также публикация писем Горького в *Новом Журнале* (№№ 29, 30, 31, 1952) подробно описывают это начинание. Ср.: "Редакторская деятельность Горького за рубежом (1922-1927)". Журнал «Беседа» в кн. В.А. Максимовой *Горький — редактор (1918-1936)*, Москва, 1965, стр. 58-92.
16. См. примечания к полному изданию стихов Ходасевича, *Собрание сочинений*, т. 1 (Ann Arbor, 1983), стр. 349-366.
17. *Некрополь*, стр. 94-95.
18. *Возрождение*, №3179.
19. *Современные Записки*, 1927, кн. XXXI, стр. 255-279. Перепечатано в сборнике *Литературные статьи и воспоминания* (Нью-Йорк, 1954), стр. 187-218.
20. *Современные Записки*, 1927, кн. XXXII, стр. 453-455. Ходасевич отметил московскую публикацию *Крещеного китайца* в не подписанной "Литературной хронике" в *Возрождении* 19 мая 1927 г., где он писал: "Автор приписал к ["Преступлению Николая Летаева"] несколько страниц, но до самого преступления не добрался и простейшим способом вышел из затруднения, переменяя заглавие. Книга в такой "обработке" может похвастаться образчиком советской литературной "халтуры".

~~Продолжение этой еженедельной хроники~~, в *Возрождении* с 1927 г. до смерти Ходасевича в 1939 г., называлось "Литературная летопись" и было подписано "Гулливер" (начиная с 1928 г.). Эти статьи писались совместно с Ниной Берберовой. Здесь часто помещались сведения о Белом: публикация его "Кавказских впечатлений" обсуждалась 17 мая 1928 г.; о гонении на Белого как автора "необуржуазной литературы" на страницах *Печати и Революции* сообщалось 15 августа 1929; отрывки о московских профессорах из кн. *На рубеже двух столетий* цитируются по публикации в *Красной Нови* в хронике от 19 сентября 1929. А 28 ноября 1929 г. Гулливер критически отмечает книгу Белого *Ритм как диалектика* и "*Медный всадник*" (Москва, 1929):

"Белый начал свою работу давно, но придал ей, к сожалению, характер весьма "современный": Пушкина превратил он в пролетарского поэта, воспевающего октябрьскую революцию: о "Медном всаднике" он говорит, что он написан — "как бы октябрём 1917 года, а не октябрём 1833 года"; о Пушкине — что он перед смертью "слезал в ломпен-пролетариат". Но подобные утверждения не спасают Белого от упреков советской критики в идеализме и беспочвенном мистицизме. /.../ Белому не удалось обмануть советских стражников, и, несмотря на пролетарского поэта Пушкина, ни на сверхсовременное заглавие книги, он остался и остается в числе самых гонимых писателей в СССР".

21. *Возрождение*, №1822, 29 мая 1930. За месяц до этого, 24 апреля, Гулливер указал на публикацию в Москве первого тома мемуаров Белого и рецензию на них в *Новом Мире* и заметил с сожалением:

"Дань, отдаваемая А. Белым "духу времени", настолько фальшива, что это бросается в глаза даже рядовому рецензенту "Нового Мира".

Факт налицо: книга талантливейшего писателя испорчена им самим из страха почестя "врагом пролетариата".

22. *Возрождение*, №№3312 и 3319, 28 июня и 5 июля 1934 г. Гулливер отметил публикацию отрывка из этого тома в *Красной Нови* в "летописи" от 18 июня 1931 г.:

"Написаны воспоминания с обычной для Белого виртуозностью и яркостью, и хотя /.../ нового ничего не дают, однако читать их увлекательно. Свойственный Белому прозаический паузник на сей раз заменен более умеренной и спокойной прозой. "Начало века", несмотря на большое количество повторений, будет, конечно, одной из самых замечательных книг, написанных об эпохе символизма".

А 21 сентября 1933 г. Гулливер подробно обсуждает отрывки о первоначальном знакомстве Белого с Блоком и Брюсовым из *Начала века*, появившиеся в *Новом Мире*.

23. См. прим. 1.

24. *Возрождение*, №3173, 8 февраля 1934 г.

25. Там же.

26. *Возрождение*, №3177, 13 февраля 1934 г. Восприятие Ходасевичем этой "драмы", то, что он о ней говорит, и то, что оставляет несказанным, совпадает с общим взглядом, сложившимся совсем недавно на основе публикаций переписки Блока с женой, а также мемуаров Любови Дмитриевны. См.: Л.Д. Блок, *Были и небылицы* (Бремен, 1977), частично перепечатано в кн. *Александр Блок в воспоминаниях современников*, том первый (Москва, 1980), стр. 134-187; *Литературное наследство*, 89, (Москва, 1978).

27. Письмо было опубликовано целиком в альманахе *Воздушные Пути*, V (Нью-Йорк, 1967), стр. 296-309.

28. *Между двух революций*, стр. 249-250.

29. *Возрождение*, №4133, 27 мая 1938 г. Гулливер в своей "Литературной летописи" (*Возрождение*, 7 декабря 1933 г.) отметил отрывок, взятый из книги *Между двух революций* и напечатанный в московском *Новом Мире*, о несколько неожиданном знакомстве Белого с французским социалистом Жаном Жоресом в Париже в 1906-1907 гг. (Он жил в пансионе, куда Жорес заходил завтракать). Белый представлен Гулливером в не особенно привлекательном свете:

"Несмотря на назойливый дактилический лад его новой прозы, несмотря на ее неприятные ужимки, несмотря на явное подлаживание под требования советской цензуры и критики, в последних писаниях Андрея Белого, как и в прежних, веяние истинного таланта в какой-то степени располагало читателя к автору. Читая вновь появившиеся страницы, расположение такое становится сохранить все труднее.

Гулливер дает понять, что рассказ об убитом социалисте Жоресе включен в мемуары в угоду советским властям предрержащим:

"Окончательно фальшиво звучат заключительные строки воспоминаний. Как известно, Жорес был убит в самом начале войны, летом 1914 г. Белый в то время жил в Швейцарии, при Рудольфе Штейнере. И вот, узнав из газет об убийстве Жореса, он, будто бы, "забегал по берегу Бирса" и "как сумасшедший" кричал: " - Мсье Жорес!.. Тот, кто опорой мне был в тяжелейшие месяцы жизни! Кого я любил!.."

Эп. См.: Ходасевич, "Андрей Белый. Черты из жизни", *Возрождение*, №3173, 8 февраля 1934 г.

 POSSEV-VERLAG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Российские и зарубежные авторы
Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.
Каталог высылается бесплатно.

"ПОСЕВ"
Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм.

"ГРАНИ"
Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 60 нм.

"НАДЕЖДА"
Христианское чтение. Религиозный Самиздат. 400 стр. карманного формата. Вышло 12 номеров. Подписка непосредственно в издательстве: 60 нм. за три номера.

КИПЛИНГ И ГУМИЛЕВ — ПОЭТЫ ДВУХ ИМПЕРИЙ

К вопросу о судьбе поэтического наследия Р. Киплинга в России.

Киплинг и Гумилев — на первый взгляд сама постановка этой проблемы явно парадоксальна, если учесть, что ни один из них не переводил на свой родной язык и даже, вероятнее всего, никогда не читал в подлинниках или переводах достаточно полную подборку стихов другого. Нам неизвестно, знал ли Киплинг вообще о существовании своего младшего русского собрата по поэтическому цеху, а для Гумилева знаменитый английский писатель был безусловно прежде всего непревзойденным мастером экзотической "колониальной" прозы и только понаслышке поэтом. Тем не менее, в сознании нескольких поколений русских советских поэтов и их читателей с эпохи Гражданской войны вплоть до наших дней два эти имени слились в неразрывное целое, более того, около семидесяти лет "русский" Киплинг, причисанный и приглаженный его советскими переводчиками и исследователями под "стихийного демократа" и "непримиримого критика буржуазных порядков", выступал на страницах советской печати легальным представителем запретной гумилевской музыки, особенно в те дни, когда Россия остро нуждалась в твердом и сильном поэтическом голосе, прославляющем нестигаемую мужскую доблесть, стойкий, не замутненный презрением к другим народам патриотизм, фанатичную веру в особую, мессианскую роль своей страны в современном мире.

Чтобы лучше понять этот парадокс, обратимся к истории поэтической "киплингианы" в России, уходящей корнями в не столь уже давнее прошлое. Первое знакомство русских читателей с Киплингом, как писателем-прозаиком, состоялось значительно раньше, в разгар его первых литературных успехов. Уже с конца прошлого столетия в "Вестнике иностранной литературы",¹ а затем на страницах других петербургских и московских журналов и отдельными изданиями начали регулярно публиковаться переводы прозаических произведений Киплинга, рецензии на них и разнообразные заметки об этом популярном английском писателе. Русская пресса, учитывая неослабевающий интерес своих подписчиков к одной из наиболее ярких и спорных фигур в современной европейской

литературе, внимательно следила за всеми событиями его бурной, изобилующей внешними эффектами жизни, будь то гражданская позиция писателя-джингоиста во время англо-бурской войны,² присуждение ему Нобелевской премии³ или изобретение им противоударного костюма для авиаторов.⁴

Двойственность отношения к Киплингу отчетливо проступает в каждой строчке этих рецензий и заметок, где грозные филиппики против "певца британского империализма" неизменно соседствовали с восторженными панегириками большому Мастеру слова, смелому новатору в области поэтической формы и настоящему Мужчине с большой буквы, духовно сильному, нравственно здоровому, готовому энергично отстаивать свои убеждения среди общего разложения и конформизма. "После длительного периода искусства чисто интеллектуального, идеалистического и утонченного до бесцветности, — писал на заре XX века неизвестный русский критик Н. В. в статье с характерным названием "Художник экзотического мира", — необходима была реакция, и на смену ему появилось более незатейливое, быть может, но в то же время и более сильное, здоровое и энергичное искусство. Киплинг явился главным его представителем и отвечал таким образом бессознательной потребности большинства. С другой стороны, он оказался также выразителем империалистических стремлений английского народа, особенно обострившихся за последнее время".⁵ Характерно, что уже здесь, в давно забытом всеми, кроме историков-специалистов, журнале почти столетней давности были четко выделены те особенности личности и творчества Киплинга, которые и сегодня, по мнению современных советских литературоведов, обусловили его непреходящее значение в истории мировой культуры. Внимательный читатель рассказов и повестей писателя-джингоиста, Н. В. обнаружил в них немало критического материала о порядках, царивших в Британской империи.⁶ Шоры политической предвзятости не помешали ему разглядеть за фасадом громких славословий силе британского оружия ярко выраженное стремление Киплинга к социальной справедливости (естественное для убежденного масона), умение "несколькими чертами оттенить пустоту, искусственность и бессодержательность светского существования в противовес с труженической, простой, но здоровой жизнью рабочего люда".⁷ Внутренний демократизм этого большого писателя, как метко отметил Н. В., проявился не только в его гражданской позиции, но и в художественном методе, которым он пользовался.

"Точный, определенный, меткий, простой и ясный в высшей степени" язык кипплинговской поэзии и прозы был максимально близок к "разговорному" языку рядовых англичан, чужд "всякой искусственности", сдобрен изрядной дозой сочного народного юмора.⁸

Многочисленные русские преемники Н. В., обращавшиеся в начале XX века к творчеству Киплинга, не добавили к его характеристике практически ни одной существенной детали. Те из них (А.И. Куприн, И.А. Бунин, В.Г. Тан-Богораз, З.А. Венгерова, В.В. Гофман, А. Пресс и др.), кто сохранял политическое беспристрастие и не выходил за рамки чисто литературной критики, настойчиво выявляли явно отвечающие духу времени здоровое "варварство",⁹ "первобытную, дикую, мужественную, почти суровую силу",¹⁰ "бодрость духа, жадное, живое стремление к работе",¹¹ культ "гордого, простого героизма"¹² и фантастическую "свежесть воображения" ("он точно родился на заре мира")¹³ "английского народного гения",¹⁴ британского Адама — провозвестника новых путей в европейской поэзии и прозе. Другие, подверженные влиянию сиюминутной политической конъюнктуры, сурово клеймили "солдафона и империалиста" от литературы,¹⁵ не раз предрекая ему скорое падение и полное забвение.¹⁶ Примечательно, что наиболее ретивые русские обличители "барда британского империализма" (начиная с И.И. Ясинского, С.Ф. Ольденбурга и В.Я. Ирецкого) сами грешили тем же пороком, только в его "русском варианте". Петербургских и московских шовинистов раздражал не столько джингоизм Киплинга, предьявлявшего к своим соотечественникам повышенные требования по сравнению с другими народами,¹⁷ сколько стремление одного из властителей дум современной Европы опорочить русскую внешнюю политику на Востоке, ее вдохновителей и исполнителей.¹⁸ Военный союз Англии с Россией в годы Первой мировой войны ненадолго примирил многих давних политических противников. Киплинг подобрел к России, русская критика подобрела к нему.¹⁹ "Я не скрываю, — писал он в письме к сыну на фронт, — что не любил Россию 25 лет тому назад, когда она угрожала Индии. Но я любил и понимал русских офицеров. Русская мысль представлялась мне человеческою, терпимою, бесконечно богатою и разнообразною".²⁰ Залп "Авроры" навсегда разрушил эту непрочную идиллию, однако популярность Киплинга у русских писателей, а также интенсивность издания его произведений в России не только не уменьшились, но,

наперекор всем зигзагам советской политики, неизменно возрастали вплоть до начала ждановской кампании по борьбе с "космополитизмом" в литературе (1948г.). К этому были свои, как литературные, так и внелитературные, предпосылки, которые мы попытаемся подробно проанализировать.

Исторически сложилось так, что пришедшим в России к власти большевикам достались в наследство от старого мира совсем не те поэты, которые могли бы достойно вдохновить на подвиг и труд строителей новой коммунистической Империи. Ни сухой Брюсов, ни угасающий Блок, ни эгоцентричный Маяковский, ни стая крикливых, но бесталаных поэтов-пролеткультовцев в силу разных причин так и не смогли создать поэтическую школу, которая в перспективе могла бы стать надежной базой для расцвета советской поэзии, бодрой, сильной, динамичной, именно такой, в какой остро нуждались новые хозяева "вишневого сада". По иронии судьбы, эту трудную миссию взяли на себя поэт-монархист, "певец русского империализма",²¹ расстрелянный ЧК в 1921 году "за участие в контрреволюционном заговоре", — Николай Степанович Гумилев и его литературные сподвижники — акмеисты.

Акмеизм возник в русской литературе в силу практически тех же самых причин, что и творчество Киплинга, хотя их роднит скорее общность идейных и эстетических позиций, чем близость или сходство литературного метода. Сохранив из наследия своих предшественников-символистов высоко поставленный ими идеал Мастера слова, основатели этой школы во главе с Н.С. Гумилевым торжественно провозгласили о своем возвращении из туманных эмпиреев мистики и психопатологии в "звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время" реальный мир планеты Земля.²² Их идеалом стал Человек "с мужественно твердым и ясным взглядом на мир"²³ — родной брат кипплинговских героев, почти ничего не знающий о своих далеких родственниках. Примечательно, что в ряду "гениев-предтеч" акмеизма Англия была представлена только одним Шекспиром, тогда как более близкий по времени и духу создателям имперского стиля в русской поэзии Киплинг так и остался вне поля их зрения. Дело заключалось, по-видимому, в том, что Россия тогда еще совершенно не знала Киплинга-поэта. Русскому читателю предстояло новое открытие этого замечательного Мастера слова, однако оно хронологически совпало с безвременной гибелью мэтра акмеистической школы.

В первых же очерках о Киплинге русская пресса не обошла вниманием его "звучные, поэтические" стихи, пророчески предсказав, что они "надолго останутся чуждыми русской публике по затруднительности их перевода"²⁴ "благодаря своеобразному жаргону и оригинальной форме, передать которую по-русски прямо невозможно".²⁵ Пророчество сбылось, и почти за двадцать лет, прошедшие со времени публикации этих очерков, нашлось всего пятеро, большей частью второразрядных русских поэтов (О.Н. Чюмина, Е.М. Шерешевская, Е.М. Студенская, В.В. Князев и К.Д. Бальмонт), дерзнувших перевести, очень тяжеловесно и неудачно, знаменитую киплинговскую "Песню мертвых",²⁶ поэму "Король и певец",²⁷ стихотворения "В карцере" (из цикла "Казарменные баллады"),²⁸ "Любовь и смерть",²⁹ "Будь я повешен над вышней горой" (К.Д. Бальмонт) и "Толстый Памбе",³⁰ а также прозаические отрывки из гимна британскому солдату — "Томми Аткинсу".³¹ Этим и ограничилась русская поэтическая "киплингиана" к моменту, когда под гостеприимным кровом петроградского Дома искусств возникла переводческая студия Михаила Леонидовича Лозинского (1920-1922 гг.) — школа будущих мастеров для горьковского издательства "Всемирная литература".

Обстоятельства сложились так, что именно Лозинскому было суждено стать тем человеком, кто первым перекинул мост между Киплингом и Гумилевым, остро ощутив органическую связь английского неоромантизма с русским акмеизмом. Малодаровитый поэт-акмеист, бледная тень в пестрой литературной "свите" Гумилева,³² чья первая и последняя книга собственных стихотворений "Горный ключ" (1916 г.) "не отличалась ни оригинальностью мысли, ни яркостью формы",³³ он за несколько лет работы во "Всемирной литературе" превратился в одного из ведущих мастеров переводческого искусства. Наряду с высочайшими требованиями к художественным качествам перевода,³⁴ Лозинский не менее строго подходил к отбору переводимых им и его учениками на русский язык иноязычных поэтических произведений, требуя тщательно взвешивать их ценность и актуальность для русской культуры, браться за работу над произведениями только тех авторов, чей духовный склад и умонастроения созвучны духовному складу и умонастроениям переводчика. Последовательность и принципиальность творческой позиции Лозинского позволяет нам смело утверждать, что его обращение на заре своей литературной славы к творчеству Киплинга-поэта не было случайным,

эпизодическим фактом, а имело под собой твердую идейную и эстетическую платформу. Примечательно, что выполненный им для издательства "Всемирная литература" блестящий перевод одного из программных киплинговских стихотворений "Заповедь" ("If-") появился на страницах журнала "Современный Запад"³⁵ в одном и том же номере со скептической статьей критика Д.С. Мирского, пытавшегося доказать читателям второстепенность или даже "служебную роль" киплинговской поэзии — "схолии на полях" прозаических произведений английского мастера.³⁶ Литературная практика русских переводчиков тут же опровергла эту точку зрения, не оставив от нее камня на камне.

Первоначальный импульс работе над переводами Киплинга-поэта, данный Лозинским, успешно поддержали двое его талантливых учениц. Судя по сохранившимся до наших дней документам, почти одновременно с "Заповедью" (июнь 1922 г.) в издательство "Всемирная литература" поступили перевод другого его поэтического манифеста — "Баллады о Востоке и Западе", выполненный активной участницей гумилевского поэтического семинара при Доме искусств Елизаветой Григорьевной Полонской (1890-1969),³⁷ а вслед за ним — целая книжка киплинговских стихов (23 стихотворения из 2-го, 3-го и 4-го поэтических сборников Киплинга) — плод многомесячных подвижнических трудов скромной петроградской служащей Ады Ивановны Оношковиц-Яцыны (1897-1935).³⁸ Можно не сомневаться в том, что с высоты прошедших с тех пор лет суровому критику не требуется особого труда, чтобы найти немало недостатков в этом тоненьком поэтическом сборнике. С первого взгляда бросается в глаза отсутствие четких эстетических и идейных критериев в отборе включенных сюда стихотворений и явная неравноценность качества отдельных переводов.³⁹ Все это так, однако для современников и потомков Оношковиц-Яцына была и остается подлинной первооткрывательницей русской поэтической "киплингианы",⁴⁰ а ее лучшие переводы наиболее эстетически ценных и социально значимых стихотворений Киплинга — "Томлинсон", "Мэри Глостер", "Дэни Дивер", "Пыль" ("Boots")⁴¹ — навсегда вошли в золотой фонд классических образцов русского переводческого мастерства.

Из мемуаров Н.С. Тихонова, опубликованных после его смерти, впервые стало известно о том, что А.И. Оношковиц-Яцына за свои переводы вместе с ним и М.М. Шкапской (трое из 100 кандидатов) весной 1921 г., по рекомендации Н.С. Гумилева, была единогласно

принята в первый Петроградский союз поэтов.⁴² Думается, что этот единственный достоверно известный нам факт, протянувший живую нить между Киплингом и Гумилевым, далеко не случаен. Близость Гумилева с другими переводчиками Киплинга-поэта — Лозинским и Полонской, а также повышенный интерес к английской романтической поэзии "старшего" акмеиста Г.В. Иванова и восходящих звезд гумилевского поэтического окружения — И.В. Одоевцевой, С.А. Колбасьева, Н.С. Тихонова значительно расширяют круг будущих поисков новых подтверждений духовного тяготения русского акмеизма к имперскому стилю последнего великого певца "Владычицы морей". Гумилев погиб вместе с империей Романовых, однако его друзьям и ученикам довелось жить и работать на заре новой Советской России с ее глобальными идейными и политическими устремлениями.

Самым активным поклонником и пропагандистом творчества Киплинга в первые годы советской власти был его явный эпигон, храбрый морской офицер и не бесталаный поэт-романтик Сергей Адамович Колбасьев (1898-1942).⁴³ Идейный "попутчик" большевиков, тесно связанный с ЧК, он вскоре сменил перо поэта на должность советского дипломатического эmissара в Кабуле, сулившую ему новые острые приключения. Совершенно иную судьбу избрали для себя Г.В. Иванов и И.В. Одоевцева, с проклятиями на устах навсегда покинувшие враждебную им Советскую Россию. Время от времени с берегов далекой Темзы до "Петрополя" долетали их приглушенные расстоянием голоса, пока в жестокую эпоху сталинского террора воды Леты надолго не сомкнулись над ними вместе с впавшим в немилость у своих бывших друзей писателем-дипломатом Колбасьевым.

Из молодых поэтов гумилевского окружения с первых до последних дней своей долгой творческой жизни "на плаву" неизменно оставался только один Николай Семенович Тихонов (1896-1979), гибкий, циничный, но вместе с тем по-своему принципиальный и последовательный бард Кремля, успешно преодолевший коварные осыпи и опасные ледники на пути к вершинам советского литературного Парнаса и прочно утвердившийся на них. Начав с воспевания Белой Руси, Третьего Рима, осененного мессианским крестом (см. его первые публикации 1916-1917 гг. в журнале "Нива"), он в годы Гражданской войны так же, как группа "старых" акмеистов (С.М. Городецкий, М.А. Зенкевич, В.И. Нарбут) и примыкавших к ним "крестьянских" поэтов (Н.А. Клюев,

С.А. Есенин), сменил крест на пятиконечную звезду, а белый цвет на красный. В отличие от многих собратьев по перу, этот процесс прошел у юного Тихонова более органично, без больших душевных надломов и срывов, и не оставил на нем того налета искусственности и фальши, того отпечатка явного ренегатства, который навсегда подрезал крылья матерому карьеристу от литературы Сергею Городецкому.⁴⁴ Новая Россия широко распахнула перед Тихоновым двери к литературной славе, и он служил ей верой и правдой, раз и навсегда приняв на вооружение знаменитый киплингowski тезис: "Права она или нет — но это моя страна".⁴⁵

Крушение марксистской идеи "перманентной" революции и переход к ленинскому плану "строительства социализма в отдельной стране" поставил перед большевиками после окончания Гражданской войны нелегкую задачу воспитания всех народов бывшей Российской империи в духе нового "советского патриотизма", регионального (в рамках государственных границ СССР) в силу реальных исторических обстоятельств, глобального ("интернационального") по его внутренним тенденциям. "Новое, рабочее государство, — открыто заявлял один из активнейших проводников политики коммунистической партии в литературе Д.А. Фурманов, — выводит на широкий и светлый путь не только Россию, но человечество. Решаются мировые исторические вопросы".⁴⁶ Провозглашая подобного рода геополитическую, "мессианскую" концепцию, страна, взявшая на себя грандиозную миссию "светоча всего прогрессивного человечества", долгое время, вплоть до окончания Второй мировой войны, оставалась одиноким "бастионом социализма" в "тесном кольце империалистического окружения", постоянно балансируя на грани вооруженного конфликта со своими соседями. Характерно, что разочарование руководителей этого "светоча-бастиона" в "прогнившем" Западе, не поддержавшем русскую революцию, побуждало их все чаще обращать свои "мессианские" взоры на "алеющий" Восток, в Индию и Китай, где с каждым годом ярче разгорались искры нового "революционного пожара". Время требовало от Советской России стойких бойцов и отважных героев, и ее литература живо откликнулась на "социальный заказ" эпохи мощной волной "революционного романтизма", геоцентричного (Москва — Второй Иерусалим), с легкой заметной "ориентальной" окраской.

Всякое литературное направление, особенно в момент его зарождения, активно ищет свои исторические корни. Именно эту

задачу первым решил ведущий поэт-романтик 1920-х г. Н.С. Тихонов, прямо призвавший творческую молодежь учиться у Кипплинга и Гумилева "пафосу" прославления человеческого "мужества" с естественной поправкой на "чуждость" их политических, а отчасти и эстетических позиций новой "социалистической" эпохе.⁴⁷ Призыв Тихонова, подкрепленный его собственной (довольно успешной) поэтической практикой (тяготение к жанру баллады, образный строй языка, "ориентальная" тематика),⁴⁸ встретил горячий отклик у многих современников ленинградского поэта. Примечательно, что самых активных союзников он нашел на "левом" фланге молодой советской литературы, в лице одесситов Эдуарда Багрицкого⁴⁹ и Исаака Бабеля,⁵⁰ а также среди суровых рапповских критиков, воинственно непримиримых гонителей любой "буржуазности" в искусстве.⁵¹

До середины 1930-х гг. Кипплинг и Гумилев "плечом к плечу" шагали по страницам советской печати, стойко выдерживая натиск вульгарно-социологической критики,⁵² дотошно пережевывавшей кости этим чудовищным и вместе с тем неодолимо привлекательным образцовым "классовым врагам". "Военное творчество Гумилева, — писал в эти дни начинающий "литпроработник", в будущем один из активнейших участников кампании по борьбе с "космополитизмом" в литературе А.А. Волков, — имеет глубокое внутреннее родство с творчеством Кипплинга. Тот же твердолобый консерватизм, та же расовая гордость, тот же воинственный патриотизм. "Казарменные баллады" Кипплинга, этого певца фельдфебельской музыки, не только по идейной направленности, но и по художественному методу близки Гумилеву".⁵³ Примечательно, что уже тогда книги гумилевских стихов, не переиздававшихся с 1923 г., начали превращаться в библиографические раритеты, в то время как поэтическое наследие "барда британского (может быть, более далекого, а потому и более безопасного?!) империализма" активно переводилось на русский язык самыми "идейными", близкими к чекистским⁵⁴ и военным кругам поэтами-переводчиками и регулярно публиковались в массовых советских журналах, ориентированных на рабочую и красноармейскую аудиторию. Горепереводчикам типа Геннадия Семеновича Фиша (1903-1971)⁵⁵ прощали плохое знание английского языка, "суконный" стиль и вопиющую версификационную "глухоту", если они умели убедительно передать воинственный "темперамент" подлинника — в укор

"агрессивному" британскому империализму и в назидание поэтам-соотечественникам — певцам нового "советского" патриотизма.⁵⁶

В эпоху жестоких сталинских чисток кипплинговская "грубая, но здоровая" воинственность, его "казарменный демократизм" надолго списали в архив столь же "воинственного", но отмеченного печатью интеллигентской рефлексии "аристократа духа" Гумилева, соединившего в себе три самые ужасные для советских читателей "ипостаси": мистика, эстета и контрреволюционера. Уцепившись за это, прагматичные теоретики казенного "соцреализма", пришедшие на смену романтикам "всемирной пролетарской революции" — рапповцам, напрочь отказали Гумилеву в праве на существование даже в качестве образцового "классового врага".⁵⁷ "В русской поэзии, — писал летом 1935 г. большой знаток современной английской литературы, критик, литературовед и переводчик Михаил Наумович Гутнер (1912-1942), — был свой Кипплинг — Н. Гумилев... Гумилев действительно близок английскому барду интонацией своих стихов, империалистическим экзотизмом и мажорной патетикой. Однако, несмотря на то, что творчество этих двух поэтов во многом выполняло одинаковую функцию, по стихам Гумилева нельзя составить даже приблизительного представления о реалистическом мастерстве Кипплинга".⁵⁸

После окончательного изгнания печальной тени "русского Шенье" со страниц советской печати "соцреалистическая" критика ударила изо всех пушек по последнему "козлу отпущения" — "певцу британского империализма". Словно соревнуясь друг с другом, солидные литературоведы, не лишенные, казалось бы, вкуса и трезвого взгляда на мир, изошрялись в изобретении "уничтожительных" эпитетов по адресу "поэта бойскаутов", воспитателя "верных собак капитализма", апостола политического "цинизма", империалистического "грабежа, убийства, насилия и зверства".⁵⁹ "Кипплинг, — писала с оглядкой на политическую конъюнктуру эпохи наивысшего накала ежовского террора умнейшая и тактичнейшая германистка Н.Я. Рыкова в рецензии на книгу его "Избранных стихов" (Л., 1936), — решительно и уверенно воспеваает, превозносит, славословит все то, против чего трудящиеся всего мира выходят на последний решительный бой".⁶⁰ Менее щепетильные коллеги Рыковой шли еще дальше, зачисляя Кипплинга в духовные предтечи "английского фашизма".⁶¹ В верноподданническом угаре те, кто еще вчера превозносил общепризнанные эстетические достоинства и смелое новаторство великого реформатора англий-

ской поэзии, ставили под сомнение его "мнимый реализм", издавались над "обезьяньим языком" вульгарной кипплинговской музыки, облакавшей "реакционную политическую мысль в реакционные архаичные формы".⁶²

Даже кончина этого "сильного и смелого художника" слова в январе 1936 г. не только не приостановила, но, наоборот, усилила поток филиппик против него.⁶³ Среди советских литературных критиков той поры нашелся лишь один смельчак — близкий к военным кругам писатель Лев Владимирович Рубинштейн, дерзнувший, пойдя против течения, сказать доброе слово о Кипплинге и развеять ядовитый туман вокруг его противоречивой, социально неоднозначной фигуры.⁶⁴ Смелое выступление Рубинштейна не прошло незамеченным, вызвав суровую отповедь анонимного (!) корреспондента журнала "Интернациональная литература". С места в карьер назвав Кипплинга — "одной из самых грязных фигур в новейшей буржуазной литературе", бесноватый литпроработчик поставил своеобразный рекорд в навешивании на него самых отвратительных ярлыков ("бульдога британского империализма", проповедника "обскурантизма" и "черносотенства" и т.п.).⁶⁵ Примечательно, что злобный антикиплинговский пасквиль был напечатан в том же номере "Интернациональной литературы", где читатели могли познакомиться с печально знаменитым докладом В.М. Молотова "О ратификации советско-германского договора о ненападении" от 31 августа 1939 г. Кризис в отношениях СССР с Англией и ее союзниками по антигитлеровской коалиции вызвал резкую переакцентировку во всей идеологической сфере советской жизни, краем задев одного из духовных вождей британской нации. Только в таких специфических условиях мог прозвучать погромный призыв анонимного мракобеса, требовавшего категорически запретить перевод кипплинговских стихов на русский язык из соображений "нормальной советской брезгливости" к автору "черносотенной дребедени".⁶⁶

Логика жизни прочно похоронила этот призыв в мрачных анналах предвоенной советской истории. Наперекор всем своим обличителям и клеветникам, Кипплинг "пришелся ко двору" строителям "нового социалистического мира", заняв одно из заметных мест во главе их многомиллионных штурмовых колонн. Критики дружно клеймили "певца британского империализма" за его действительные и выдуманные "грехи", а советские переводчики беспре-

пятственно переводили и публиковали кипплинговские стихи в журнальных подборках и отдельных сборниках. Только за четыре года (1936-1939), прошедшие со дня смерти Кипплинга, советские читатели смогли познакомиться с его поэтическим наследием на страницах журналов "Литературный современник" (1936, №2) и "Молодая гвардия" (1939, №5), в "Антологии новой английской поэзии" под редакцией М.Н. Гутнера (Л., 1937) и в "персональном" кипплинговском сборнике "Избранные стихи" (Л., 1936), подготовленном к печати известным поэтом и переводчиком Валентином Осиповичем Стеничем (1898-1939) незадолго до своей трагической гибели в ежовских застенках. Именно тогда в ряды пропагандистов поэтической "киплингианы" в СССР влились три блестящих переводчика: М.Н. Гутнер,⁶⁷ Михаил Александрович Фроман (1891-1940)⁶⁸ и Самуил Яковлевич Маршак (1887-1964).⁶⁹ К сожалению, Фромана вскоре не стало, однако даже то немногое, что он успел сделать за свою недолгую творческую жизнь, осталось заметной вехой в истории знакомства русских читателей с подлинным, "неокарикатуренным" Кипплингом. Постоянно обвиняя Кипплинга в грубости, жестокости и агрессивности, его русские критики за четыре десятилетия мало что сделали для того, чтобы представить своим современникам другие "ипостаси" этого многогранного художника слова, автора великолепных лирических стихов и возвышенных философских откровений, таких, как не переведенный до сих пор на русский язык величественный масонский гимн свободному труду "When earth's last picture is painted".⁷⁰ М.А. Фроман, напечатавший в разгар антисемитского террора гитлеровцев кипплинговское стихотворение "Сион",⁷¹ С.Я. Маршак, а затем присоединившийся к ним молодой поэт-романтик, питомец Литературного института им. М.Горького Константин Михайлович Симонов⁷² первыми попытались разглядеть за Кипплингом "милитаристом" Кипплинга-человека, Кипплинга-философа. Общеизвестен острый интерес к певцам двух Империй "маршала" советской литературы, признанного корифея "военно-патриотической" тематики Константина Симонова, всю жизнь незримо равнявшегося в своем творчестве на их изорванные шрапнелью тенденциозной критики боевые знамена. "Гумилева мне заслонил Кипплинг, — доверительно писал он близкому другу В.Я. Виленкину в дни, когда само имя русского "Шенья" еще оставалось под запретом. — Но некоторые стихи Гумилева производили на меня сильное впечатление и тогда и теперь, ну, скажем, чтоб далеко не ходить, его "Заблудившийся

трамвай".⁷³ Важное само по себе, это признание тем примечательнее, что и Киплинг и Гумилев привлекали молодого советского поэта не внешней "бравурной" тематикой, а глубоко потаенным тонким знанием человеческой природы, суровой трезвостью мысли, вдохновенной провиденциальностью.

К сожалению, Симонов был одинокой "белой" вороной в стае горластых, но недалеких певцов "поколения победителей". Это прекрасно видно на примере его друзей, сверстников, однокашников и боевых соратников Евгения Ароновича Долматовского⁷⁴ и Михаила Львовича Матусовского.⁷⁵ Ни один из этих "комсомольских" (не по возрасту, а по эмоциональной тональности) поэтов так и не поднялся над уровнем "партийных заданий" сегодняшнего дня, не перешагнул черту, отделяющую сиюминутное, преходящее от вечного, вневременного. Подобного рода гражданская и эстетическая позиция определила их примитивное, чисто "утилитарное" отношение к Киплингу, вызывавшемуся ими из небытия лишь для прославления "силового" направления в советской поэзии, либо для набивших оскомину читателям филиппик против "британского империализма". Внимательное чтение программной для советских литературоведов ленинской статьи "Лев Толстой как зеркало русской революции" помогло Долматовскому в более зрелые годы разрешить для себя долго мучавший его вопрос о двойственности киплингской поэзии: поэзии "мужества" и поэзии "империалистического разбоя". Подставив имя Киплинга на место Толстого, критик-марксист свел многогранное творчество великого английского поэта к "яркой демонстрации" того печального "фиаско", которое "подстерегает храбрецов, отдавших свою судьбу неправому делу".⁷⁶ Думал ли Долматовский, публикуя эти строки, что они, подобно бумерангу, могут больно ударить не только его самого, но и других, гораздо более талантливых чем он панегиристов "великого зодчего коммунизма" — Сталина, низринутого по приказу новых советских вождей былыми панегиристами с высоко вознесенного ими над всей советской страной поэтического пьедестала. Не менее примечателен "антипровиденциальный" комментарий Долматовского к переведенному им на русский язык киплингскому стихотворению об афганском походе британской армии "Брод на реке Кабул". "Дурная слава Кабула, — писал он в 1979 г., не ведая грядущего, — это дурная слава его завоевателей". Прошло несколько лет, и ни одно советское издательство не пропустило бы в печать двусмысленных рассуждений о "горькой цене

захвата новых краев и земель" в тесной связи с названием маленькой непокорной страны у южных границ Советского Союза.⁷⁷

Успешная литературная карьера при жизни, высокие гонорары, государственные премии и ... посмертное забвение — такова цена, заплаченная в той или иной мере многими советскими поэтами, взявшими себе за образец Киплинга "внешнего" и проглядевшими Киплинга "внутреннего". Как ни парадоксально, в довоенной советской литературе самые бойкие исполнители сталинских "социальных заказов" наиболее широко использовали киплингское поэтическое наследие, его "грубый, но здоровый", агрессивный-напористый романтизм. Ради такого поистине бесценного для них художественного метода они, скрепя сердце, шли на выучку к "певцу британского империализма". Усиленная разработка "военно-патриотической" тематики в предгрозовой атмосфере 1930-х гг. привела в число адептов киплингской школы практически всех ведущих советских поэтов-романтиков от Эдуарда Багрицкого и Николая Тихонова до Всеволода Азарова, Джека Алтаузена, Павла Антокольского, Владимира Луговского, Павла Лукницкого, Александра Прокофьева, Виссариона Саянова, Алексея Суркова и др.⁷⁸ Характерно, что повсюду в советской литературной среде (но не в печати!) тех лет, где заходила речь о Киплинге, тут же за его спиной вставала незримая тень Гумилева.⁷⁹ Гумилевские стихи звучали в стенах редакции журнала "Новый мир", где у него были свои горячие поклонники — поэты Семен Кирсанов и Давид Бродский;⁸⁰ их переписывали по ночам в свою заветную тетрадь юный комсомольский поэт Михаил Валентинович Кульчицкий (1919-1943), сын офицера царской армии, героически погибший в фашистском застенке. "Лучшие стихи сравнивать с кораблями, — верно подметил он 1 апреля 1937 г. — Бриг Киплинга, галера Гумилева".⁸¹

Киплингский бриг и гумилевская галера нередко превращались под пером советских поэтов "сталинской поры" в мрачную ладью Харона, в корабль мертвецов, вспарывающий форштевнем кровавые валы. Даже "певцу насилия" — Киплингу не могло приниться в самом кошмарном сне, что в далекой России его "последователь" — советский поэт Александр Прокофьев сложит балладу, воспевающую раешным, ерническим стихом с грубыми площадными шутками расстрел детей — сына и дочерей Николая II.⁸² Достаточно пролистать два-три коллективных сборника стихов друзей и единомышленников Прокофьева, чтобы ощутить "аромат

эпохи", для которой расхожими, не режущими слух словами стали "бомбы" и "свинец", "кровь" и "террор".⁸³ Жестокое время породило беспощадно жестокую поэзию, и она, будучи глубоко негативной, антигуманной по своей внутренней сути, сыграла определенную позитивную роль (таковы парадоксы истории!) в трудные дни смертельной схватки с нацизмом, выпавшие на долю многострадального русского народа. "К рубежу войны советский народ, — пытался впоследствии объяснить подобного рода феномен К.М. Симонов, кстати, оправдывая тем самым и самого себя за эгоистическое равнодушие к царившей вокруг него жестокости, — подошел более подготовленным к ее испытаниям, чем, скажем, немцы, не говоря уже о французах, англичанах и американцах. Пришел подготовленным потому, что народ был воспитан на коллективных героических усилиях для достижения общей цели, на коллективных жертвах во имя будущего".⁸⁴ Следуя логике Симонова, следует признать, что колючий колымский снег погасил печи крематориев Освенцима, однако даже такое признание не снимает вопроса о допустимости (и, кошунственно скажем: эффективности!) зверски жестоких средств для борьбы с еще более зверской жестокостью.

Мы вправе ставить такой вопрос сегодня, глядя на "сталинскую эпоху" с высоты исторических прозрений, и все-таки, ставя его, не должны забывать о том, что в жарком июне 1941 г. суровый Киплинг и суровый Симонов заняли место в едином строю тех, кто преградил дорогу нацистскому напору. Пять лет гремели пушки на полях Европы, и пять лет патриотические стихи Киплинга в замечательных переводах С.Я. Маршака публиковались на страницах советской печати,⁸⁵ а также в официальной газете английского правительства для русских читателей "Британский союзник" рядом с боевыми сводками о победах союзнических армий над гитлеровскими ордами. Нацизм был разгромлен, но в истории Советского Союза началась новая черная полоса. Фултонская речь Черчилля, положившая начало "холодной войне", и ответная реакция сталинского режима, вылившаяся в кровавую кампанию по борьбе с "космополитизмом", чуть ли не на двадцать лет превратили Киплинга на территории СССР в *persona non grata*.

Только на закате хрущевской "оттепели", в 1964 г., после оживленной дискуссии английских коммунистов о ~~наследии~~ киплинговского наследия в истории британской культуры, ~~литературоведы~~ литературоведы-марксисты Англии и СССР снова решили не отдавать на безраздель-

ный откуп буржуазной идеологии "певца гражданской стойкости и мужества".⁸⁶ Этот призыв, поддержанный авторитетом К.Г. Паустовского⁸⁷ и М.В. Урнова,⁸⁸ вызвал к жизни поток популярных статей,⁸⁹ научных исследований и диссертаций⁹⁰ о творчестве Киплинга, ценных скорее стремлением их авторов заново открыть для советских читателей полузабытого классика современной английской литературы, чем новыми, оригинальными концепциями или особым, глубинным видением сложного, "многослойного" художника слова. Только на рубеже 1980-х гг. в работах Н.М. Дьяконовой, А.А. Долинина, Л.М. Аринштейна и В.А. Скороденко обозначилась ясная, недвусмысленная тенденция к радикальному пересмотру традиционных вульгарно-социологических оценок его творческого наследия.⁹¹ Потребовалось больше ста лет, чтобы перед русским читателем со страниц этих работ впервые предстал подлинный, "не упрощенный", "не окарикатуренный" Киплинг, пламенный патриот Британской империи, объединившей под своей короной пол земного шара, и убежденный, деятельный масон — провозвестник грядущего общечеловеческого братства, мужественный воин и тонкий знаток потаенных изгибов человеческой души, смелый разведчик, первооткрыватель непроторенных путей в искусстве для более сильных, мудрых и одаренных, чем он, художников. К сожалению, новые теоретические концепции советских литературоведов пока еще очень слабо подкрепляются их коллегами, поэтами-переводчиками, почти не выходящими за пределы традиционной обоймы киплинговских "силовых" стихов в иные, философские и лирические сферы его творчества. Остается надеяться на то, что со временем и эта диспропорция будет устранена.

Новое возвращение Киплинга к советскому читателю особенно ярко высветило чудовищный анахронизм посмертных гонений на поэтическое наследие и само имя русского соратника по перу Н.С. Гумилева, мстительно-кретинический характер того заговора молчания, который, вопреки всем здравым доводам рассудка, существовал вокруг него в советской печати более пятидесяти лет⁹² и был феерически взорван лишь в последние несколько месяцев юбилейного 1986 г. серией "программных" статей и публикаций влиятельнейших советских поэтов и литературоведов. Можно было бы только порадоваться "посмертному помилованию" (странный термин, изобретенный советским писателем В.В. Карповым), если бы эта запоздалая реабилитация не проходила под

перезвон "патриотических" гуслей, под грохот милитаристских барабанов.⁹³ Советская печать возвращает России пока еще очень примитивного, искусственного патриарха "военно-патриотической" тематики, певца "волевого напора" и "солдатского мужества", а не поэта-философа, поэта-христианина и поэта-масона, сумевшего накануне своей мученической кончины провидчески разглядеть за золотыми куполами "Второго Вавилона" и кровавым кумачом знамен "строителей нового мира" зыбкие контуры будущей Преображенной Земли, Земли Добрых Людей, напоминающих ангелов с фресок Фра Беато и икон Андрея Рублева. Этот Гумилев, духовный брат Киплинга, рядовой незримой армии "прогрессоров" человеческой истории, ждет еще своих подлинных первооткрывателей,⁹⁴ и они несомненно придут на смену бойким конъюнктурщикам и недалеким ура-патриотам.

Ленинград, 1987.

Примечания :

1. Первый портрет Киплинга в России был напечатан на страницах иллюстрированного приложения к этому журналу (1895, январь, с. 30).
2. "Книжки недели", 1900, июль, с. 238.
3. "Голос", 1908, №2, с. 29.
4. "Утро" (Харьков), 1912, №1706, 22 июля, иллюстрированное прибавление, с. 2.
5. "Книжки недели", 1900, июль, с. 193-194.
6. Сравни с отзывом о Киплинге другого его анонимного русского критика ("Литературные вечера Нового мира", 1899, №5, с. 61-62).
7. "Книжки недели", 1900, июнь, с. 214.
8. Там же, июль, с. 182.
9. "Речь", 1909, №238, 31 августа, с. 3 (В.В. Гофман).
10. Пресс А. Писатели XIX века. (Характеристики). Кн. 1. СПб, 1901, с. 171, 176.
11. "Новый журнал для всех", 1908, №2 (декабрь), с. 125.
12. Куприн А.И. О литературе. Сост. Ф.И. Кулешов. Минск, 1969, с. 123.
13. "Вестник Европы", 1906, №12, с. 873 (З.А. Венгерова).

14. Тан-Богораз В.Г. Редьярд Киплинг. — В кн.: Киплинг Р. Рассказы. Пер. К.И. Чуковского. СПб, 1909, с. 8.
15. "Русский вестник", 1900, т. 267, май, с. 305-308. "Ежемесячные сочинения", 1900, №5-6, с. 141, 145. Ольденбург С.Ф. Через моря. — "Русское богатство", 1901, июль, с. 1, 5.
16. "Речь", 1908, №298, 5 декабря, с. 5; 1909, №1, 1 января, с. 7.
17. Eliot T. S. Rudyard Kipling. — in: Choice of Kipling's verse. 1983, p. 25.
18. С совершенно иных позиций критиковали Киплинга подлинные интернационалисты и пацифисты разных стран: Л.Н. Толстой, А.М. Горький (Скляр Ф.М. Редьярд Киплинг в оценке дореволюционной русской демократической критики. — "Научные труды Ташкентского университета", 1975, вып. 491, с. 154-166; Зиннер Э.П. Киплинг-поэт в России. К вопросу об англо-русских литературных взаимоотношениях в XX столетии. — в кн.: Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М.П. Алексеева. Л., 1976, с. 310), Ромен Роллан (Роллан Р. Статьи. Письма. М., 1985, с. 164), а также их многочисленные единомышленники.
19. См. панегирики "любимому писателю английского народа" в статье И.И. Ясинского "Творчество Киплинга" (Киплинг Р. Собрание сочинений. Кн. 1. Пг., 1916, с. 5).
20. "Биржевые ведомости" (утренний выпуск), 1915, №14650, 4 февраля, с. 5.
21. См., например, стихотворение Н.С. Гумилева "Туркестанские генералы" с посвящением генералу от инфантерии Н.И. Гродекову, герою Хивинского похода, сподвижнику М.Д. Скобелева ("Русская мысль", 1912, №1, с. 199-200).
22. "Аполлон", 1913, №1, с. 48.
23. Там же, с. 42-43.
24. "Вестник иностранной литературы", 1895, январь, с. 18.
25. Студенская Е.М. Р. Киплинг и его солдатская эпопея. — "Новый журнал иностранной литературы", 1902, №3, с. 271-272.
26. "Мир Божий", 1897, №11, с. 83-84 (О.Н. Чюмина).
27. "Вестник иностранной литературы", 1898, январь, с. 47-51. В послесловии редакции журнала Киплинга называли "даровитым поэтом, постигшим тайну языка богов" (с. 53).
28. "Новый журнал иностранной литературы", 1899, №11, с. 106 (Е.М. Шерешевская).
29. Там же, 1902, №4, с. 32 (Е.М. Студенская).

30. "Аргус", 1913, №7, с. 119.
31. "Новый журнал иностранной литературы", 1902, №3, с. 273. (Е.М. Студенская); Тан-Богораз В.Г. Редьярд Киплинг. – в кн.: Киплинг Р. Рассказы. СПб, 1909, с. 26.
32. Тем не менее, именно ему Гумилев посвящал одно из лучших своих масонских стихотворений "Пятистопные ямбы" ("Аполлон", 1913, №3, с. 30-31). История взаимоотношений Лозинского и Гумилева ждет еще своих исследователей.
33. Эткинд Е.Г. Искусство перевода. – "Иностранная литература", 1956, №3, с. 199.
34. Там же, с. 199-201; Аксенов И.А. Новый перевод Гамлета. – "Литературная газета", 1934, №14, 8 февраля, с. 4; Федоров А. О творчестве Михаила Лозинского. – "Звезда", 1946, №10, с. 205-209.
35. "Современный Запад", 1923, №2, с. 29-30. Сравни с менее динамичными и более далекими от подлинника переводами этого стихотворения С.Я. Маршака и М.А. Дудина (Дерево свободы. Стихи зарубежных поэтов в переводе С.Я. Маршака. М., 1972, с. 171-172; "Смена", 1968, №8, апрель, с. 22).
36. Мирский Д.С. О современной английской литературе. (Письмо из Лондона). – Там же, с. 143.
37. Там же, 1922, №1, с. 3-5. Много лет спустя, совершенно в иную историческую эпоху, Е.Г. Полонская снова обратилась к творчеству Киплинг-поэта, переведя на русский язык три его программных стихотворения: "Мандалей" ("Знамя", 1935, №2, с. 103-104), "Денни Дивер" (там же, с. 104-105) и "Томми Аткинс" ("Звезда", 1935, №7, с. 156-157).
38. Ленинградский государственный архив литературы и искусства, ф. 2968, оп. 1, д. 41, лл. 213 об., 221 об. В связи с резким сокращением издательской деятельности "Всемирной литературы" книжка переводов А.И. Оношкович-Яцыны вышла в кооперативном издательстве "Мысль" (Пг., 1922) незначительным тиражом в 3000 экземпляров.
39. Т. Л. В защиту империалиста. – "Вестник иностранной литературы", 1930, №5, с. 198.
40. См. первый вульгарно-социологический отзыв об этой книге ("Последние новости", 1923, №2, 15 января, с. 4), а также заметку Е.Г. Эткинды, посвященную А. И. Оношкович-Яцыне, в кн.: Мастера русского стихотворного перевода. Кн. 2. Л., 1968, с. 426-427.
41. Сравни, например, с менее динамичным переводом С.Я. Маршака этого же стихотворения (Дерево свободы. М., 1972, с. 179-180).
42. Тихонов Н.С. Устная книга. – "Вопросы литературы", 1980, №6, с. 121.
43. См. написанную под большим влиянием Киплинга поэму С.А. Колбасева "Открытое море" (Пг, 1922), а также его стихотворения "Капитан" (Наши дни. Художественные альманахи. №3. М.-Л., 1923, с. 169), "Пляшущая лиса" (там же, с. 170), "Светят прожекторами..." (Литературно-художественные сборники "Недра". Кн. 3. М., 1924, с. 99-100) и др.
44. Сравни, например, панегирик "Избранной Дочери Христовой" – России в стихотворении С.М. Городецкого "Молодежь" ("Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу Нива", 1916, №1, с. 95-96) с его безапелляционным утверждением, что все враги "диктатуры пролетариата" и ее провозвестницы – страны Советов – жалкие, ничтожные "мешане" ("На литературном посту", 1929, №6, март, с. 18).
45. О живучести этого тезиса свидетельствуют книги некоторых современных английских писателей, хорошо известных в СССР (см.: Мердок А. Дитя слова. Роман. М., 1981, с. 30). См. критику "фетишизации племенного начала", подменяющей узконациональным (русским, немецким, английским или еврейским) "раем" общечеловеческую идею "Царства Божьего" на Земле в работах одного из величайших философов современности Мартина Бубера (Бубер М. Избранные произведения. Иерусалим, 1979, с. 236).
46. Фурманов Д.А. Из дневника писателя. М., 1934, с. 86.
47. Тихонов Н.С. Как я работаю. – "Литературная учеба", 1930, №5, с. 105-106.
48. См. Лазарева Е.И. Поэзия Н.С. Тихонова 20-х годов. Проблемы жанра и стиля. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., Московский гос. педагогический институт им. Ленина, 1964, с. 9. Сурово обвинив Киплинга в "навязчивой тенденциозности", советская исследовательница сама грешит тем же пороком в своем стремлении доказать "антинародность" его творчества с вульгарно-социологических позиций.
49. Близость поэтического стиля Э.Г. Багрицкого к акмеизму отмечалась критикой сразу же после появления в свет его первых стихов ("Утро", 1915, №2708, 25 июня, с. 7).
50. Активный пропагандист творчества Киплинга, И.Э. Бабель высоко ценил его "твердый и прямой почерк", которым пишут "военные донесения и банковские чеки" (И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972, с. 11).
51. О поэзии войны. – "На литературном посту", 1927, №10, 20 мая, с. 1-4; Тарасенков А.К. Поэзия и война 1914 года. – "ЛОКАФ", 1931. №5-6, с. 160-161.
52. Явную тенденциозность и грубость этой критики признают даже современные советские литературоведы (Конева Н.И. Основные этапы творчества Р. Киплинга. К проблеме творческой эволюции писателя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1978, с. 4).

53. Волков А.А. Поэзия русского империализма. М., 1935, с. 186. Те же погромные эпитеты мы находим во всех позднейших статьях этого критика об акмеизме и его последователях (см. Волков А.А. Знаменосцы безыдейности. Теория и поэзия акмеизма. — "Звезда", 1941, №1, с. 175-176).
54. См. признания в особых симпатиях к ЧК ученицы Гумилева, переводчицы Киплинга Е.Г. Полонской на страницах сборника ее стихотворений и поэм 1924-1927 гг. "Упрямый календарь": "Чекиста любить — беспокойно жить", "У кожаных курток железный закон: Дурная трава из поля вон" (Л., 1929, с. 21, 29).
55. На рубеже 1930-х гг. ленинградский писатель, автор оригинальных стихов и повестей на "военно-патриотические" темы Г.С. Фиш небрежно, не сохранив размера и своеобразия языка подлинника перевел на русский язык четыре далеко не лучших, но зато предельно "темпераментных" стихотворения Киплинга: "Баллада о трех шхунах" ("Звезда", 1929, №9, с. 31-35), "Холера в лагере. (Пехота в Индии)" (Звезда. Литературно-художественный альманах. Л., 1930, с. 179-180), "Баллада о Боливаре" ("Резец", 1930, №8) и "Баллада о Бохе-да-Тоне" ("Резец", 1931, №4, с. 23-25).
56. См. Т.Л. В защиту империалиста. — "Вестник иностранной литературы", 1930, №5, с. 197-199.
57. Мирский Д.М. Поэзия Редьярда Киплинга. — "Знамя", 1935, октябрь, с. 243.
58. Гутнер М.Н. Поэзия Редьярда Киплинга. — "Литературный современник", 1935, №7, с. 166. См. также его отзывы о Гумилеве на с. 182 и 186.
59. Мирский Д.М. Поэзия Редьярда Киплинга, с. 242, 245, 255; Миллер-Будницкая Р. Поэзия Редьярда Киплинга. — В кн. Киплинг Р. Избранные стихи. Под ред. Вал. Стенича. Л., 1936, с. 4.
60. "Литературный современник", 1937, №5, с. 235.
61. Мирский Д.М. Поэзия Редьярда Киплинга, с. 256; Миллер-Будницкая Р. Поэзия Редьярда Киплинга, с. 9.
62. Гутнер М.Н. Редьярд Киплинг. — "Литературный Ленинград", 1936, №5, 26 января, с. 2; Миллер-Будницкая Р. Поэзия Редьярда Киплинга, с. 12.
63. "Литературная газета", 1936, №4, 20 января, с. 6; №30, 24 мая, с. 4; Гутнер М.Н. Редьярд Киплинг (1865-1936). — "Литературный Ленинград", 1936, №5, 26 января, с. 2.
64. Рубинштейн Л.В. Галерные рабы. (О стихах Редьярда Киплинга). — "Молодая гвардия", 1939, №5, с. 94-99.
65. У камина. — "Интернациональная литература", 1939, №7-8, с. 291-292.
66. Там же, с. 292.
67. См. переведенные Гутнером киплинговские стихотворения "Единственный сын", "Домой", "Маршем по дороге" ("Литературный современник", 1936, №2, с. 90-92) и "Мандалей" (Антология новой английской поэзии. Л., 1937, с. 231-233).
68. См. переведенные Фроманом киплинговские стихотворения "В неолитическом веке" ("Литературный Ленинград", 1936, №5, 26 января, с. 2), "Галерный раб", "La nuit blanche", "Песня мертвых" (Антология новой английской поэзии, с. 223-224, 228-230, 241-243), "Сказание об Анге", "Первая песня", "Мати моя" (Фроман М.А. Избранные переводы. Л., 1940, с. 69-81) и др.
69. См. переведенные Маршаком и появившиеся в довоенной советской печати киплинговские стихотворения "Легенда о зле" (Антология новой английской поэзии, с. 69-81) и "Томми Аткинс" ("Красная новь", 1941, №4, с. 110-111). В новейшие издания сочинений и переводов этого классика советской литературы включается 12 лирических, философских и "военных" стихотворений Киплинга (Маршак С.Я. Сочинения. Т. 3. М., 1959; Дерево свободы. Стихи зарубежных поэтов в переводе С.Я. Маршака. М., 1972, с. 171-181).
70. См. A choice of Kipling's verse. Selected by T. S. Eliot, 1983, p. 110.
71. Киплинг Р. Избранные стихи. Под ред. Вал. Стенича. Л., 1936, с. 149-150.
72. См. переведенные Симоновым киплинговские стихотворения "Добровольно пропавший без вести", "Молодой британский солдат", "Гиены", "С Дрейфусом к тропикам", "Дурак" ("Молодая гвардия", 1939, №5, с. 105-106, 108, 110-111, 113) и "Серые глаза" (Симонов К.М. Тридцать шестой — семьдесят первый. Стихотворения и поэмы. М., 1972).
73. Симонов К.М. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. Изд. 4-е. М., 1980, с. 419.
74. См. переведенные Долматовским киплинговские стихотворения "Шиллинг в день" ("Октябрь", 1936, №6, с. 68), "Брод на реке Кабул" ("Молодая гвардия", 1939, №5, с. 107-108) и "Песня англичан" ("Наука и жизнь", 1979, №9, с. 73).
75. Магусовский перевел только одно стихотворение Киплинга "Правдивая история" ("Молодая гвардия", 1939, №5, с. 111-113), но зато много лет спустя темпераментно (вопрос: насколько искренне!) воспел одного из его любимых героев — "верного, неподкупного, настоящего" маленького мангуста Рики-Тики-Тави (Магусовский М.Л. Это было недавно, это было давно... Стихи. М., 1970, с. 126).
76. Долматовский Е.А. Было. Записки поэта. Кн. 2. М., 1979, с. 365.
77. Там же, с. 367.
78. Никонов В. Поэты Ленинграда. — "Художественная литература", 1935, №1, с. 32; Гутнер М.Н. Поэзия Редьярда Киплинга, с. 186; Мирский Д.М. Поэзия Редьярда Киплинга, с. 242-243; Рыкова Н.Я. (Рецензия на кн. Киплинг Р. Избранные стихи. Л., 1936). — "Литературный современник", 1937, №5, с. 236; Долматовский Е.А. Было. Кн. 2, с. 365.

79. Павловский А. Николай Гумилев. — "Вопросы литературы", 1986, №10, с. 114-115, 130.
80. Смирнов Н.П. Первые шаги "Нового мира". — "Новый мир", 1964, №7, с. 191.
81. Живой голос времени. (Страницы дневника и писем Михаила Кульчицкого). — "Вопросы литературы", 1967, №10, с. 187.
82. Прокофьев А.А. Два разговора с П.М. Быковым — директором Госнардома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург. — "Ленинград", 1931, №1, с. 2.
83. См., например, стихи В. Б. Азарова, Н.Л. Брауна, В.В. Князева, А.А. Прокофьева, В.М. Саянова, а также др. в кн.: Ленинградские поэты. Сборник стихов. Сост. Н. Браун и А. Прокофьев. Л., 1934, с. 6, 10, 14, 52-53, 107, 155-156 и др.
84. Симонов К.М. Сегодня и давно, с. 394.
85. См., например, киплинговскую "Надпись на могиле солдата — бывшего клерка". — "Знамя", 1943, №11-12, с. 146.
86. Тугушева М.К. К вопросу о "переоценке Киплинга". — "Вопросы литературы", 1966, №3, с. 143-146.
87. Паустовский К.Г. Редиард Киплинг. — В кн.: Паустовский К.Г. Далекие и близкие. М., 1967, с. 230-232.
88. Урнов М.В. На рубеже века. Очерки английской литературы (конец XIX-начало XX в.). М., 1970, с. 311-323.
89. Рыкова Н.Я. Киплинг. — В кн.: Западноевропейская лирика. Л., 1974, с. 514; Парус. Сборник литературно-художественных и публицистических произведений. М., 1982, с. 206.
90. Ионкис Г.Е. Поэзия Киплинга. — В кн.: Проблемы романтизма и реализма в зарубежных литературах XVIII-XX веков. Кишинев, 1972, с. 52-71; Бурцев А.А. Введение в историю английского рассказа. Учебное пособие. Якутск, 1975, с. 29; Скляр Ф.М. Редиард Киплинг в оценке дореволюционной русской демократической критики. — "Научные труды Ташкентского университета", 1975, вып. 491, с. 154-166; Зиннер Э.П. Киплинг-поэт в России. (К вопросу об англо-русских литературных взаимоотношениях в XX столетии). — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976, с. 309-314; Конева Н.И. Основные этапы творчества Киплинга. К проблеме творческой эволюции писателя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М. 1978.
91. Дьяконова Н., Долинин А. О Редьярде Киплинге. — В кн.: Киплинг Р. Избранное. Л., 1980, с. 3-26; Долинин А.А. Загадки Редьярда Киплинга. — В кн.: Kipling R. Poems. Short stories. М., 1983, с. 9-32; Аринштейн Л., Скороденко В. Сто лет поисков и раздумий. — В кн.: Английская поэзия в русских переводах. XX век. Сост. Л. Аринштейн и др. М., 1984, с. 29-30.

92. См. рецензию Ш.Д. Грэхем на "Гумилевские чтения" (Вена, 1984), — "Scottish Slavonic Review", 5, 1985. Нелепость гонений на Гумилева поняли к этому времени в СССР даже простые "рабочие парни" ("Новый мир", 1985, №10, с. 53).
93. Гумилев Н.С. Стихи разных лет. Вступит. статья и сост. В. Енишерлова. — "Огонек", 1986, №17, 19-26 апреля, с. 26; Евтушенко Е.А. Возвращение поэзии Гумилева. — "Литературная газета", 1986, №20, 14 мая, с. 7; Карпов В.В. Поэт Николай Гумилев. — "Огонек", 1986, №36, 6-13 сентября, с. 18-24; Андреев Ю.А. В ряду достижений отечественной культуры. — "Театр", 1986, №9, с. 167-168.
94. Первые шаги в этом направлении мы находим в некоторых советских статьях и публикациях юбилейного года: Стихи и письма. Анна Ахматова. Н. Гумилев. Публ. и коммент. Э.Г. Герштейн. — "Новый мир", 1986, №9, с. 196-227; Велехова Н. Поэт-философ. — "Театр", 1986, №9, с. 188; Павловский А. Николай Гумилев. — "Вопросы литературы", 1986, №10, с. 94-131.

НОВЫЙ Журнал

Подписная цена на год 40 долларов
(за 4 книги)

Цена одной книги — 10 долларов

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В РЕДАКЦИЮ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 611 BROADWAY, #842
NEW YORK, N.Y. 10012

Телефон редакции (212) 353-1478

НЬЮ-Йорк

К ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОЙ ПЕЧАТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Неизвестный текст Евг. Замятина

Предлагаемая читателю статья была помещена в "Русском современнике", одном из важнейших литературно-художественных журналов послереволюционных лет.

"Русский современник" начал выходить и окончил свое существование в 1924 г., на четырех выпусках. В последнем из них и появилось послание "Перегидам", ответ на разгромную кампанию, развязанную против журнала благонамеренной советской печатью и завершившуюся его закрытием.

Статья эта никогда не перепечатывалась и до сих пор не привлекала внимания исследователей. Она заслуживает, однако, самого пристального интереса со стороны всех, кого занимают судьбы русской культуры в советскую эпоху.

"Перегида" включались в библиографические указатели,¹ но вопрос о том, кто мог быть автором статьи, никогда не ставился.

Внимательное прочтение текста немедленно заставляет предположить авторство одного из главных редакторов "Русского современника" Евгения Замятина.

Ритм, синтаксис и интонация фразы (в частности, постоянное употребление двоеточий, многоточий, тире, усиливающее ее динамику), контрасты между литературным и разговорным регистром, внезапные переходы от авторской к несобственно-прямой речи ("Ясно: она и есть!"), семантическая насыщенность и сюжетно-логическая мотивировка каждой детали, многократно повторенный и развитый в разных ракурсах "проходной образ" — все это характерные черты публицистического стиля Замятина. Они несколько смягчены по сравнению с другими его статьями — в полном соответствии с жанровой функцией текста: статья "от редакции"

*) Пользуюсь случаем выразить благодарность Наталье Борисовне и Андрею Владимировичу Сологубам, любезно предоставившим мне доступ к замятинскому архиву.

должна быть несколько вне-индивидуальна; тем не менее они сразу же узнаются. Самое же важное — текст строится на приеме, в применении которого у Замятина, пожалуй, не было равных среди русских писателей: статья проникнута холодной и беспощадной иронией.

Гипотеза об авторстве Замятина, основанная на стилистических особенностях статьи, недавно нашла документальное подтверждение. В архиве Замятина, находящемся на хранении в Париже у Н.Б. и А.В. Сологубов, нам посчастливилось обнаружить не отмеченные в описи архива² варианты содержания пятого тома сочинений Замятина, который должен был выйти в издательстве "Федерация" (четыре тома вышли в 1929 г., затем издание было остановлено в связи со знаменитым "делом Замятина и Пильняка").

Пятый том должен был называться "Лица"³ и состоять из статей и эссе. Сравнение вариантов, анализ того, что включено и что опущено в проектах сборника из критико-публицистического наследия писателя, — задача для "замятиноведов"; здесь ограничимся изложением главного.

Всего вариантов содержания три: два рукописных, на блокнотных листках, и один отпечатанный на машинке, с печатью издательства "Федерация", под номером "вход. №530" и датированный 30 июля 1928 г. Можно полагать, что варианты относятся к разному времени. Первым, по-видимому, следует считать рукописный листок, озаглавленный "Библиография к т. V — "Лица". В нем дан следующий список: "А. Блок. *Morbus rossica*.⁴ Зонтик. Чехов и мы. О сегодняшнем и о современном. Перегида. О литературе, революции и энтропии. О синтетизме. А. Франс. О. Генри. Г. Уэллс".

Этот список дополнен в документе "Федерации": "Том V. Лица. Ал. Блок. Встречи с Б.М. Кустодиевым. *Morbus rossica*. Чехов (зачеркнуто: и мы). Зонтик (Л. Андреев). Новая русская проза. О сегодняшнем и о современном. Перегида. О литературе, революции, энтропии (зачеркнуто). Синтетизм. А. Франк. О. Генри. Г. Уэллс".⁵

Наконец, на последнем листке характер сборника меняется, в его состав входят только портреты современников и биографии: "Блок. Андреев. Сологуб. Чехов. Уэллс. Шеридан. Франс. О. Генри. О синтетизме.⁶ Кустодиев. Роб. Майер". О том, что этот список более поздний, составленный, вероятно, уже в эмиграции, говорит включение в него эссе о Шеридане: этот текст, последний замятинский текст, изданный в Советском Союзе, вошел в качестве пред-

словия в "Школу злословия", вышедшую в издательстве "Academia", в 1931 г.⁷

Для нас важно, что в первом проекте и в списке, по всей видимости, принятом "Федерацией", обозначено послание "Перегудам". Таким образом, сомнений не остается, что автор статьи — Замятин. Более того, очевидно, что писатель придавал большое значение этой статье, если поставил ее в ряд своих программных вещей.

Стоит подчеркнуть бескомпромиссность Замятина: подвергающийся непрерывной травле, он не побоялся представить для публикации необычайно резкий текст, направленный против идеологической критики, — и это в 1928 году, когда шло настоящее избиение "инакомыслящих". Замятин, в который раз, бросает вызов чиновникам от искусства, — вспомним, что примерно тогда же, в первый том своих сочинений для "Федерации", он дает автобиографию, где открыто говорит о своем романе "Мы", уже заклеившем критикой как антисоветский памфлет.

То, что именно Замятину выпало говорить от имени редакции "Русского современника", недвусмысленно указывает на ведущую роль, какую он играл в журнале. Это подтверждается рядом других фактов. Замятин дает материал в каждый выпуск "Русского современника" — здесь и "Рассказ о самом главном", одна из лучших экспериментальных вещей писателя, вызвавшая у критики приступ бешенства, и "нечестивый рассказ" об иноке Еразме, и воспоминания о Блоке, и полемическая статья "О сегодняшнем и современном". Не считая А. Тихонова, как обычно выполнявшего издательские и административные функции,⁸ в редакции "Русского современника" числились Горький, К. Чуковский, А. Эфрос. Но они гораздо меньше заметны на страницах журнала. Облик последнего связывался для современников именно с Замятиным.

Влияние Замятина ощущалось очень сильно, и не только в "Русском современнике". Не случайно один из его главных гонителей — упоминаемый в "Перегудам" Г. Лелевич — критиковал "буржуазных и находящихся под их влиянием писателей" за то, что, "бросаясь в омут фантастики", они пользуются методом Гофмана, который "так показывал факты реальной действительности, что они теряли свою реальность, приобретали бредовый, фантастический характер";⁹ достаточно взглянуть на статьи Замятина, где он излагает свои взгляды на литературу,¹⁰ чтобы увидеть, что Лелевич дает перифразу знаменитой замятинской формулы синте-

тизма "фантастика и быт". И не случайно другой критик — "умеренный" А. Лежнев, — сопоставляя два журнала, "Россия" и "Русский современник", стоявшие "на правом фланге" тогдашней литературы, писал: "В "России" любят поговорить, показать себя /.../: слов там много и слова легкие. В "Русском современнике" знают цену молчанию, умеют молчать, высказываются скупой и осторожно, но зато когда высказываются, то в каждом слове — сосредоточенный, концентрированный яд".¹¹ Читателю журнала совершенно ясно, что в первую очередь Замятина имеет в виду критик, точно характеризуя его публицистическую манеру.

"Перегуды" интересны не только тем, что дают новый материал для творческой и жизненной биографии Замятина, для оценки его роли в "Русском современнике" и его места в литературе середины 20-х годов, — статья важна потому, что отражает один из ключевых моментов в процессе закабаления русской литературы. Изучение "Русского современника" и кампании против журнала приводит к пересмотру обычных представлений о литературных спорах того времени.

"Русский современник" был независимым журналом, принципиально отвергающим навязываемую всей литературе политическую и идеологическую установку, — на его страницах печатались и футуристы, и имажинисты, и крестьянские, и пролетарские писатели, коммунисты и эмигрантские поэты. Художественный критерий был решающим. Отсюда богатство и качество содержания.

Журнал был одной из попыток противостоять советской издательской политике. История этих попыток еще не написана: ни "Русский современник", ни другие журналы этого типа, ни многочисленные независимые литературно-художественные альманахи, сборники, неперIODические издания еще серьезно не изучались — в этом можно видеть одну из главных задач для исследователей русской литературы советской эпохи. Ведь именно эти издания определяли легендарное разнообразие и богатство 20-х годов. Одно из общих мест советской и западной историографии гласит, например, что первым "толстым журналом" после революции была "Красная новь" Воронского; но не мешало бы помнить, что "Дом искусств" — настоящий "толстый журнал", с отделами, посвященными искусству, прозе, поэзии, с критикой, рецензиями, хроникой культурных событий, библиографией, с иллюстрациями, — что этот

журнал начал выходить до "Красной нови", но был почти сразу же закрыт; его пытались продолжить "Русское искусство", имевшее три выпуска в 1923 г. и также закрытое.

Заметим в скобках, что в этих независимых изданиях Замятин участвовал необычайно активно, и как редактор, и как писатель: в "Доме искусств", в "Записках мечтателей", в "Литературных записках"; в "Русском искусстве", в "России", во многих альманахах.

Постоянная борьба с такими изданиями начинается с первых дней после Октябрьского переворота и не прекращается до полной их ликвидации.

Вина за погром обычно сваливается на "неистовых ревнителей" — рапповцев. Это еще одно расхожее представление об этой эпохе. Стереотип этот — как всякий стереотип — не лишен оснований. Как известно, именно в 1924 г. группа 34-х писателей обратилась с письмом в ЦК партии с просьбой укротить разбушевавшихся рапповцев. Но гонения на независимую прессу начались задолго до организации РАППа. Участь "Русского современника" заставляет иначе поставить проблему и относительно середины 20-х годов.

В "Перегидах" Замятин указывает на врагов журнала — рапповцев Лелевича, Родова, но и на рецензента "Правды" Розенталя, который выражал, конечно, не "фракционную" точку зрения. В кампанию против "Русского современника" включились не только другие рапповцы (Авербах, Горбачев, которым Замятин даст язвительнейшую характеристику в другой своей статье),¹² не только "радикальные" журналы "Октябрь", "Звезда", "Молодая гвардия", не только пролеткультовцы и "левые", но и боровшиеся против них и имеющие репутацию "умеренных" и "либеральных" "Красная новь" и "Печать и революция". Подчеркнем, кстати, что рецензентами в либеральнейшей "Красной нови" в то самое время, когда она вела полемику с РАППом, были те же неистовые Лелевич, Родов, Машбиц-Веров, и что тот же Лелевич писал доносные статьи в официальном "Большевике". Так что противопоставление "либералов" "радикалам" в контексте эпохи нуждается в очень многих уточнениях.

Особо нужно упомянуть Горького, значившегося одним из главных редакторов "Русского современника", но очень отрицательно отнесшегося к журналу, в особенности к тому, что писал в нем Замятин, и не поддержавшего его в критический момент.¹³

Общий хор гласил: для "Русского современника", обращенного к прошлому и отказывающегося строить новую действительность, нет места в советской литературе. В этом гуманисты Луначарский, Воронский, Горький вполне согласны с "бешеными" рапповцами. И сообща они привели к закрытию независимых журналов, к исчезновению независимых альманахов. В этом отношении 1924 год — год разгрома "Русского современника" — роковой для русской культуры.

Отповедь, которую Замятин дал новым "перегидам", написана так откровенно, адресаты указаны с такой точностью, что текст вряд ли нуждается в комментариях.

Напомним, что обращение к Лескову закономерно и для того времени (Лескова ввела в моду еще до революции ремизовская школа: к ней принадлежал и Замятин), и для самого Замятина, который именно тогда работал над "Блохой", пьесой по мотивам лесковского сказа о Левше; к тому же "Заячий ремиз" как раз в 1924 г. был напечатан в издательстве "Круг" (где публиковался и Замятин).

Пояснения требует, быть может, упоминание в статье об атаке на Эфроса. Один из редакторов "Русского современника", Абрам Маркович Эфрос (1888-1954) был литературоведом, театроведом, искусствоведем, с 1911 г. — одним из известнейших художественных критиков, а в начале 20-х годов — активнейшим участником движения независимой печати. Одно время он был теоретиком группы "классиков".¹⁴ Безжалостный разоблачитель авангардистских и пролетарских утопий в искусстве,¹⁵ Эфрос был излюбленной мишенью для нападок рапповцев — и ненависть к нему стала притчей во языцех.¹⁶

Вне связи с контекстом эпохи обратим внимание на любопытную аналогию. Вторая часть "Перегидов" — пародия на ортодоксальную критику, истолкование "в духе времени" пушкинского стихотворения. Точно такой же прием осмеяния коммунистической критики почти сорок лет спустя применит А. Солженицын — в "Круге первом", в той главе, где обитатели шарашки перетолковывают "по-марксистски" "Слово о полку Игореве" и на основании обнаруженных улики осуждают предателя князя Игоря. Известно, что А. Солженицын считает Замятина одним из своих учителей в прозе. Но знал ли он "Перегидов"? Можно спросить: знал он статьи Замятина, печатавшиеся в 1918 г. в газете "Дело народа"?

В "Архипелаге ГУЛаг", в некоторых описаниях народного протеста против большевистской власти, есть почти буквальное совпадение с текстами замятинских статей, посвященных тем же волнениям.¹⁷ Аналогии, разумеется, не совпадения и не заимствования, — они показывают, что кроме внешнего, "технического" сходства, нечто более глубокое — схожее видение мира, схожее понимание отношений между художником и обществом — роднит двух гигантов русской литературы XX века.

Отчаянная попытка защитить "Русский современник", предпринятая Замятым, была обречена на провал. Одна из погромных статей называлась "Гиппократово лицо" — по медицинскому названию маски, появляющейся на лице незадолго до смерти; признаки близкой смерти критик распознал на лице Замятина, Ахматовой, Мандельштама, "буржуазных и находящихся под их влиянием писателей".¹⁸ Время показало, что последняя победа за теми, кто сопротивляется, и что мнимая смерть может предвещать возрождение к истинной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр. *Советское литературоведение и критика. Русская советская литература (общие работы)*. 1917-1962. М., 1966, с. 271.
2. Dagmar Hobzova. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin. *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. XIII, 1970.
3. Сборник "Лица", несколько дополненный по сравнению с проектом для "Федерации", издан стараниями вдовы писателя, Людмилы Николаевны Замятиной, в 1955 г., в нью-йоркском издательстве им. Чехова.
4. Этот текст, произнесенный Замятым на чествовании сорокалетия литературной деятельности Ф. Сологуба в 1924 г., носит также названия "Белая любовь" (в кн. *Современная литература. Сборник статей*, Л., 1925) и "Федор Сологуб".
5. От руки приписано: "Горький. Белый (зачеркнуто). Роберт Майер (зачеркнуто). Закулисы. Шеридан". Не исключено, что эта приписка, сделанная не раньше 1937 г., принадлежит Л. Н. Замятиной.
6. Статья "О синтетизме" входит в этот список, вероятно, как портрет друга Замятина, художника Ю. Анненкова.

7. Напомним, что в 1986 г., в воронежском Центрально-Черноземном издательстве вышел сборник прозы Замятина "Повести. Рассказы", впервые после отъезда писателя из Советского Союза.
8. А. Н. Тихонов (1880-1956): редактор и издатель, тесно сотрудничавший с Горьким, участвовавший во "Всемирной литературе", в журналах "Современный запад" (вместе с Замятым), "Восток", в издательствах "Круг", "Федерация", "Academia", См. *Горьковские чтения. 1953-1957*. М., 1959: переписка А. М. Горького с А. Н. Тихоновым.
9. Г. Лелевич. Гиппократово лицо. *Красная новь*, № 1, 1925, с. 298.
10. См. напр. "Новая русская проза" (впервые напечатана в *Русском искусстве*, № 2-3, 1923), "О синтетизме" (впервые в кн. Ю. Анненков. *Портреты*. Петербург, 1922).
11. А. Лежнев. На правом фланге. О журналах "Россия" и "Русский современник", *Печать и революция*, № 6, 1924, с. 123.
12. Статья "Цель", напечатана в кн. Е. Замятина *Лица*, Нью-Йорк, 1955.
13. Об отношениях между Горьким и Замятым и об эпизоде с "Русским современником" см. мой доклад "Горький и Замятин" (Горьковский симпозиум, Париж, 1987; предстоит к публикации в *Cahiers du monde russe et soviétique*).
14. См. программную статью А. Эфрос, Вестник у порога. 1. Дух классики, в альманахе *Лирический круг*, М., 1922, № 1. В альманахе вошли стихи А. Ахматовой, О. Мандельштама, Л. Гроссмана, С. Парнок, С. Соловьева, В. Ходасевича и самого Эфроса.
15. См. например статью А. Эфрос, Восстание зрителя, *Русский современник* № 1, 1924.
16. Например, в фельетоне-пародии А. Воронского, рассказывающем о том, как автор ходит по журналам с идеологически выдержанным рассказом, говорится о том, что ВАПП отказывает напечатать журнал, между прочим потому, что "мы организуем федерацию советских писателей и не знаем, как на ваше произведение посмотрит Абрам Маркович Эфрос". А. Воронский, Один оглушительный аплодисмент, в кн. *Альманах "Круг"*, кн. 6, М., 1927.
17. О замятинских статьях в "Деле народа" см. мой доклад "Разорванные страницы революции: забытые тексты Е. Замятина" (Замятинский симпозиум, Лозанна, 1987); предстоит к публикации в *Трудах симпозиума*.
18. Г. Лелевич, цит. статья. Много данных о полемике против Замятина и спорах вокруг "Русского современника" находится в замечательной библиографии, составленной А. Шейном: А. Shane, *The Life and works of Evgenij Zamjatin*, Berkeley, 1968.

ПЕРЕГУДАМ

от редакции
"Русского современника"

Знакомы ли вы с Оноприем Опанасовичем Перегудом? Конечно, знакомы — только вы не узнаете его, потому что он постригся, переменил костюм. И чтобы при следующей встрече вы не забыли раскланяться с ним, мы напомним вам о самом замечательном происшествии в жизни Оноприя Опанасовича.

Оноприй Опанасович жил тихо и мирно, в животном благоволении. Но однажды его обуяла жажда славы, и слава его была в том, чтобы непременно отыскать и предоставить по начальству "потрясателя основ". На счастье к соседу приехала учительница — стриженная и в очках. Ясно: она и есть! И когда она обмолвилась при нашем герое подозрительными изречениями насчет богатых и бедных, счастливец полетел к начальству, прихватив с собой листок с напечатанными там "выражениями фраз ее руки". Оноприй Опанасович уже ощущал ниспадающие на его грудь звезды, но тут-то и вышел невероятный конфуз: начальство обнаружило, что записанные на листке страшные "выражения" не больше и не меньше, как ... евангельские тексты.

Н.С. Лесков в своем "Заячьем Ремизе" уверяет нас, что это было началом гибели Оноприя Опанасовича, и описывает даже романтическую его кончину. Но тут Лескова несомненно кто-то ввел в заблуждение: Оноприй Перегуд не только не погиб, не только здравствует и посейчас, а напротив того — как бы даже размножился; причем, дабы не напоминать о происшедшем некогда конфузе, свое громкое литературное имя — Перегуд — он заменяет подписями скромными и мало кому известными, как то: Розенталь, Лелевич, Родов — и так далее.

Оноприй Опанасович снова переживает минуту незабвенного восторга: найден, найден "потрясатель основ"! Этот потрясатель — конечно же "Русский современник". И так же, как это было в первый раз, в руках у Оноприя Опанасовича — листок "с выражениями фраз руки" — доказательства неопровержимые, смотрите сами:

"День минувший вечно жив.
Душа, как птица, мчится мимо...

.....
.....
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежею росой".

Вы думаете, что это — просто лирические стихи Сологуба, и что роза — так она и есть роза? О, молодость! О, неопытность! Вот Оноприй Розенталь сразу же разгадал, что в этих строчках сокрыты мечты о "лучшем будущем, когда не будет налогов, уплотнения, Г.П.У., когда, одним словом, будет так же, как вчера". Вот что такое "роза"!

Или возьмите вы, например, две строчки, подслушанные Оноприем Розенталем из четырех стихотворений Пастернака, которые были напечатаны в "Русском современнике" № 2:

"Ты распугал моих товарок,
Октябрь, ты страху задал им".

Пусть себе хитрый Пастернак пишет дальше и о сентябре, и об астрах, и о снеге, пусть заглавие стихотворению дает "Осень", — великого Оноприя этим не проведешь: перед ним "опять выплывает картина: Ильинка, облава и распуганные Октябрем товарки".

И то, что вам, наивные читатели, было, может быть, неясно, — не укроется от хитроумного ловца челоуеков:

"Какой свободы хочется "Русскому современнику"? Очевидно, буржуазной... Но ее нет и нет никакой надежды на ее возврат, и вот "Русский современник" пишет..."

А вот угадайте: что дальше процитирует Оноприй Розенталь, чтобы окончательно уложить "Русский современник"? Можно держать любое пари, что не угадает никто, ибо Оноприям законы (логики) не писаны. И Оноприй кончает:

"и вот "Русский современник" пишет: "... Я тщательно старался в этом отрывке не сводить концы с концами" (из цитаты Шкловского).

Вы, пожалуй, вспомните, что в этой цитате Шкловский говорит ни о чем другом, как о своей обычной растрепанной манере письма, и будете ломать себе голову: какой же мостик от этой цитаты — к "буржуазной свободе"? Не трудитесь напрасно: этой загадки так

же не разгадать, как загадки в армянском анекдоте. Оноприй Перегуд, как известно, наукам обучался в архиерейском хоре; для Оноприя Розенталя, несомненно, учебником логики был сборник армянских анекдотов. Только и всего. Но как же случилось, что его армянский анекдот напечатан в отделе "Библиография" московской "Правды" в № от 5.11?

Под фамилией "Лелевич" ("Большевик", № 5-6) Оноприй Перегуд все так же верен себе: снова найден потрясатель, снова — стихи Сологуба, все те же самые, и на основе этих стихов — все тот же армянский силлогизм. На стихах Ахматовой приключение Оноприя Перегуда повторяется почти буквально — с той только разницей, что Оноприй Перегуд прискакал с листком, где был записан библейский текст, а Оноприй Лелевич прискакал с листком, где записано стихотворение на библейский текст.

В стихотворении Ахматовой рассказывается, как жена Лота превратилась в соляной столб, после того как оглянулась на гибнущий Содом. "Ага: оглянулась! — вы видели?" — Лелевич торжествует...

Дорогие читатели, если сзади вас гудит грузовик, гибнет Содом, свистит милиционер, — не оглядывайтесь назад, иначе Лелевич тотчас же запишет в свой листок то же самое, что записал он о бедной жене Лота: "Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру". А затем процитирует четыре строчки Ахматовой:

«Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд».

— и из этих строк, в полном согласии с Положением об усиленной армянской логике, сделает вывод: "Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной антиреволюционности Ахматовой?"

Так, размножаясь все более, Оноприй Перегуд, под разными именами и литерами, мелькает в "Октябре" (№ 2), в Киевской "Правде" (№ от 22.6), в "Батуме" (№ от 17.8), в "Советской Сибири" (№ от 3.6) и т. д. — пока, наконец, его не настигает судьба лесковского Перегуда: страшный "потрясатель основ, в шляпе

земли греческой" принимает формы все более чудовищные и фантастические, у Перегуда мутится в голове...

В этот период бедный Оноприй Опанасович носит имя "С. Родов" и выступает с речью на известном летнем Литературном Советании (см. "К вопросу о политике РКП в худож. литературе", изд. "Красная Новь"). Мы не видели его, когда он произнес там эту свою историческую фразу:

— "За "Русским современником" стоят Эфрос и заграничный капитал", —

и все же сейчас мы ясно видим, как он бледнеет и как у него широко раскрываются глаза, когда он произносит это страшное слово:

— Эфрос!!

Совершенно очевидно, что для Родова Эфрос — это название какого-то международного тайного общества, название, которое расшифровывается, скажем, так: "Эзотерическое Франко-Русское Общество Смерти" — Э. Ф. Р. О. С.

Да, когда такое общество и акулы заграничного капитала объединяются, чтобы издавать "Русский современник", — конечно жутко!

2.

От Лескова мы узнаем, что в самую трудную минуту, когда у Оноприя Опанасовича голова шла кругом, ему была ниспослана помощь свыше: явился некий человек, родом из Орловской губернии, а по прозвищу Дарвалдай, — явился и помог растерявшемуся Перегуду "все знать и видеть и людей ловить". Чтобы исполнилось все предсказанное о Перегуде Лесковым, мы готовы на минуту стать Дарвалдаем, мы готовы помочь Оноприю Розенталю, Оноприю Лелевичу и другим Перегудам. Мы печатаем здесь еще одно стихотворение, — держите это крепче, дорогой Оноприй Опанасович, для вас это клад, не упускайте ни одного слова:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

"Ага, брат! Так ты еще помнишь? знаем мы, что ты помнишь..." Рука у Оноприя Опанасовича дрожит от волнения, он пишет торопливо:

"Ныне перед нами выступление буржуазной литературы уже в открытом виде, без забрала... Покупает и продает фунты "делец" с Ильинки, но где-то там, в глубине души, все еще не погасло, тлеет воспоминание о "чудном мгновеньи". Всякому ясно, что для нэпмана этим — увы! — мгновеньем были те дни, когда власть была в руках Милюкова, которого автор стихов называет, конечно, "гением чистой красоты"!

Но все это было только "мимолетным виденьем", потому что

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

"Бурь порыв мятежный" — это, конечно, Октябрь, рассеявший все прежние мечты нэпмана. Ясно, какие мечты: мечты о буржуазной свободе, а также — о Дарданеллах. Безнадежность, безвыходность охватывает все существо нэпмана, и он пишет:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои...

Для уплотненного нэпмана, кандидата в Нарым, сегодняшнее, конечно, только "мрак заточенья", нэпман еще надеется на лучшее будущее, когда не будет налогов, уплотнения, Г.П.У., и все это на фоне прикрытой клеветы и тонко выдержанного пасквиля — см. дальнейшие строки стихов:

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви...

Еще бы! Размагниченному интеллигенту антирелигиозная борьба, конечно, стала поперек глотки, — он не может жить "без божества". И не может жить "без вдохновенья" — без упадочной интеллигентской литературы, без всех этих Пильняков и Сологубов.

Можно ли желать более откровенного и недвусмысленного признания в органической связанности с погибшим старым миром? Можно ли желать более отчетливого доказательства глубочайшей внутренней антиреволюционности?"

Мы не хотим заподозрить Оноприя Опанасовича в близком знакомстве с упадочной литературой: мы откроем ему, что так убедительно прокомментированные стихи — известное послание Пушкина к Анне Петровне Керн. И мы не скроем от читателя, что это только гипотетическая рецензия Оноприя Перегуда, и что написали ее мы, во исполнение обязанностей Дарвалдая. Но кто же может поручиться, что эта гипотеза не станет реальным фактом? Кто может гарантировать, что завтра Перегуд под какой-нибудь фамилией действительно не напечатает такой рецензии о любовных стихах Пушкина?

YMCA - PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

1 декабря 1987 г. вышел в свет третий том

III узла

**Красного Колеса
«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»**

3—9 марта ★ 752 стр.

В мягкой обложке: 180.- фр.
Малый формат в переплете: 180.- фр.

Большой формат в переплете, только по подписке:
«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО» — все четыре тома 780.- фр.

Направлять заказы в магазин
«Les Editeurs Réunis»

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris.

**ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА ***

"Служенье муз не терпит суеты / Прекрасное должно быть величаво". Верность этому пушкинскому завету Вяч. Иванов пронес через всю свою творческую жизнь, укорененную в верности евангельскому Откровению и выросшей из него европейской культуре. Как художник Вяч. Иванов — строг и взыскателен, и уже поэтому круг его истинных почитателей всегда будет узким, и лишь для них выход в свет IV тома Собрания сочинений поэта и мыслителя будет подлинным праздником. Едва ли он станет "властителем дум" того молодого литературного поколения, которое — столь страстно и со все нарастающей силой — ищет в России восстановления исторической памяти и раскрепощения от длившегося десятилетиями идеологического "вавилонского пленения". Но те, кто смогут отрешиться от сложившихся предрассудков о творчестве Вяч. Иванова ("трудный, эзотерический поэт, многомудрые, но головные стихи"), найдут в нем высокого вожатого на пути возвращения в культурную семью европейских народов и будут благодарны ему за это.

Великие понятия совести, свободы, "единого на потребу", просиявшие немеркнущим светом в "святой", по словам Томаса Манна, русской литературе XIX века, не равнозначны прихотливому, даже ловко выраженному субъективизму, который только в редчайших случаях и при очень значительном таланте (Цветаева, да и то лишь в лучших ее стихах) может привести к подлинной литературной удаче. Но то, что удается в исключительных случаях, не может быть возведено в общее правило. В.Ф. Ходасевич не случайно напоминал молодым эмигрантским поэтам 30-х годов о поэтической грамотности, о необходимости "учиться у Пушкина". А уже в послевоенные годы Альбер Камю нашел для выражения того, что

*) Вячеслав Иванов, Собрание сочинений, том IV, Брюссель 1987 г.. Издание *Foyer Oriental Chrétien*, под ред. Д.В. Иванова и † О. Дешарт; том IV при участии А. Б. Шишкина. (800 стр.)

я хочу сказать, удивительные, немеркнущие слова: "Ценой смирения и мастерства найти путь к общечеловеческому искусству". А в смысле еще более глубоком, метафизически-религиозном, сыновьям, в отличие от блудного сына евангельской притчи не добровольно покинувшим отчий дом, а угнанным в пустыню злыми бурями века, следует задуматься о возвращении к родному порогу. Не докучливым ментором ("возвращайтесь, безотцовщина!"), а верным спутником на этом пути не только может, но и призван стать Вяч. Иванов. Это еще при жизни поэта почувствовала столь противоположная Вяч. Иванову, всю жизнь проведенная "в волнениях новых и мятежных", но и искавшая ученичества и его воспевшая Марина Цветаева. Стихотворение "Исповедь земле", написанное в Москве в 1915 г., Вяч. Иванов посвятил Марине Цветаевой и передал ей эти стихи при личной встрече. Несколько лет спустя, еще до отъезда из России, Марина Цветаева написала стихотворение, озаглавленное "Вячеславу Иванову". Образы здесь заимствованы, конечно, из отрывка о "женщине, взятой в прелюбодеянии", из Евангелия от Иоанна (8, 3-11) — называя Вяч. Иванова "равви", себя Марина Цветаева сравнивает с женщиной, которую будут побивать камнями. Можно отметить, что этот отрывок, очевидно, позднейшая интерполяция: его нет в наиболее древних из дошедших до нас списков и этот отрывок был неизвестен первым толкователям четвертого Евангелия. Этих стихов нет в "Избранных произведениях" Цветаевой (Ленинград, 1965), поэтому я привожу их здесь полностью :

Вячеславу Иванову

Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю.
Уже седина на виске.
Моя голова — золотая.

Как будто в песчаный сугроб
Глаза мне зарыли живые,
Так дети сияющий лоб
Над Библией клонят впервые.

Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горлиной к воронам в стаю!
Над каждой песчинкою — ночь.
А я все стою и читаю.

Ты пишешь перстом на песке,
А я твоя горлинка, Равви!
Я первенец твой на листке
Твоих пониманий и здравий.

Звеню побрякушками бус,
Чтоб ты оглянулся — не слышишь.
О Равви, о Равви, боюсь —
Читаю не то, что ты пишешь!

А сумрак крадется, как тать,
Как черная рать роковая...
Ты знаешь — чтоб лучше читать —
О Равви! — глаза закрываю...

Ты пишешь перстом на песке...

В IV томе Собрания сочинений лишь сто страниц посвящены поэтическому наследию Вяч. Иванова. Это — стихи, написанные между 1913 и 1932 гг., не включенные поэтом ни в дореволюционные сборники, ни в составленную им еще при жизни книгу "Свет вечерний", выпущенную издательством Оксфордского университета в 1962 г., через тринадцать лет после смерти Вячеслава Иванова. Некоторые из помещенных в IV томе стихотворений печатаются впервые, они взяты из римского архива поэта. Другие были напечатаны в различных периодических изданиях еще в России, или — что значительно реже — в эмигрантских журналах, главным образом в парижских "Современных Записках".

С годами Вяч. Иванов все больше тяготел к высокой простоте, торжественный настрой становился проще и лаконичнее. Своего высшего развития эта нарочитая скупость поэтических средств, отказ от прежнего витийственного цветения достигли, конечно, в последнем стихотворном цикле поэта — в "Римском дневнике 1944 г.". Но вот стихи, написанные в тревожные годы Первой мировой войны и в дни "Февраля" и "Октября". Читая эти строки

Вяч. Иванова, хочется внести поправку в утверждение покойной О.А. Шор (Ольги Дешарт) — верной хранительницы архива поэта и тонкого комментатора его творчества: согласно ее мнению, Вяч. Иванов лишь много позднее откликнулся в своих стихах на грозные события своего времени. Уже в ноябре 1914 г. поэт пишет стихотворение "Суд" — о страшной братоубийственной войне, грозящей Руанскому собору разрушением, а "Граду" — то есть Парижу — захватом неприятелем. Весной 1915 г. поэт торжественно воспекает взятие русскими войсками Перемышля и мечтает, что в "богозданном храме" константинопольской св. Софии вновь возвысится Потир христианской Литургии :

Расступились древле чудом стены
В богозданном храме Византии;
С Чашею священник и с Дарами
В них вошел и скрылся от неверных.
Отпуста старинной литургии
Ждут, сменяясь, православных роды.

Расступитесь, каменные плены!
Ты земле явись, Потир Софии!
За морем светает, за горами:
Схимники встают из недр пещерных
Солнцем ночи в дебрях Киммерии,
Крестоносных ратей воеводы.

В этих стихах (политические мотивы, в них содержащиеся, преходящи) Вяч. Иванов предстает перед нами не как мэтр, добровольно замкнувшийся в своей "башне", под которого его часто пытаются стилизовать, а как живой свидетель страшных событий своего века, живо участвующий в судьбе своего народа.

Вернувшись в Россию из Рима в 1913 г., Вяч. Иванов провел лето этого года в имении В.В. и М.А. Бородаевских — Петропавловке Курской губернии. Здесь, в сельской тиши, среди неярких, но столь милых сердцу поэта красот средней России, был написан цикл стихотворений "Деревенские гостины", посвященный Вяч. Ивановым его гостеприимным хозяевам — поэту Валериану Бородаевскому и его жене. Начало тихой деревенской осени — последней перед войной — поэт воспел в стихотворении, написанном в форме итальянского сонета. Хвала деревенскому быту, еще не разоренному, перекликается с улыбкой, посылаемой ампиризм

колонкам скромного барского дома "за двором зеленым". Поэт как бы предчувствует его скорое разрушение, и улыбка эта — прощальная :

Я полюбил оазис ваш дубовый,
В кольце лугов, средь пашни черноземной,
С усадьбою в тиши его укромной,
Где ввечеру пустынно кличут совы.

И мнилось мне: когда, как щит багровый,
Над пожнивом рудым луны огромной
Повиснет медь — богов дубравой темной
Он кругозор переграждал лиловый.

Я полюбил скирды, овин и гумна,
Когда зари в мерцаньи усыпленном
Дубы черней и розова солома;

И семьи жниц скользят в тени бесшумно,
Мелькнул табун, а за двором зеленым
Белеются во мгле колонки дома.

Основную часть — почти 700 страниц — четвертого тома занимают литературоведческие и критические статьи, написанные почти за полвека: немецкого романтического поэта Новалиса (Фридрих фон Харденберг, 1772-1801) Вяч. Иванов начал переводить еще в 1909 г., а статья о Лермонтове, написанная по-итальянски и помещенная в IV томе как в оригинале, так и в русском переводе, написана в 1947 г., за два года до смерти Вяч. Иванова. По-немецки, со следующим за оригиналом переводом на русский язык, напечатана и статья "Два русских стихотворения на смерть Гете". Эти стихи — Е. А. Боратынского и Ф. И. Тютчева — Вяч. Иванов, с редкостным совершенством и знанием законов германского стихосложения, перевел на немецкий язык.

Литературоведческие работы Вяч. Иванова, вошедшие в IV том, можно разделить на две части: статьи, посвященные творчеству великих писателей и поэтов Запада (Шекспира, Сервантеса, Гете, Новалиса, Байрона) и работы о русских авторах (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Андрей Белый).

"Избирательное сродство душ" Вяч. Иванова по отношению к великим европейским поэтам представляется естественным — покойный эстонский поэт А. К. Раннит, встречавший Вяч. Иванова в Риме после войны, не раз говорил мне, что Вяч. Иванов — единственный из встреченных им в жизни людей, который мог бы говорить с Гете как равный. Вяч. Иванов был младшим современником Льва Толстого, а с Андреем Белым был связан близкой, хотя и неровной и подверженной острым конфликтам дружбой. Но Достоевский? "Тайновидец духа", как назвал его Мережковский, сродни Вяч. Иванову по трагичности его христианского мировоззрения, но столь далекий, казалось бы, даже стилистически, от той высокой гармонии, которую всю жизнь искал и находил Вяч. Иванов! Но исследователь пошел на подвиг — прорваться в сокровенный мир великого писателя через нагромождения мучительных, подчас неловких слов, через "говорок" Достоевского, "мучительный, единственный, нестерпимый", как отозвался о нем Г. В. Адамович. Достоевскому Вяч. Иванов посвятил несколько статей еще до революции, а в эмиграции восполнил их для монографии, вышедшей по-немецки в начале 30-х годов и включенной в IV том в русском переводе.

О художественных изъятиях в прозе Достоевского Вяч. Иванов пишет без умолчаний :

"... если катастрофично целое, то и каждый узел катастрофичен в малом. Отсюда тот своеобразный закон эпического ритма у Достоевского, который обращает его создания в систему напряженных мышц и натянутых нервов, что делает их столь утомительными и вместе столь властными над нашею душой. Отсюда вытекают и несомненные недостатки этих произведений как творений искусства: "жестокий талант запрещает нам радость и наслаждение; мы должны исходить до конца весь *inferno*, прежде чем достигнем отрады и света в "трагическом очищении".

И сразу же после приведенного отрывка мы читаем размышления Вяч. Иванова о том, что древние греки лишь искали очищения через приобщение к Дионису — богу страдающему. Но лишь " ... жестокая — ибо до последнего острия трагическая — муза Достоевского ... к очищению приводит нас всегда". Таково для Вяч. Иванова значение Достоевского, "оставшегося неразгаданным, но нас разгадавшего".

Поздняя статья Вяч. Иванова о Лермонтове представляется мне одной из вершин критической прозы мыслителя и поэта. В свои размышления о Лермонтове Вяч. Иванов включает плод своих всежизненных раздумий о природе творчества, о таинственном превращении первичного озарения, еще "непостижного уму", в законченное произведение искусства :

"Как некоторые философские школы строго различали понятия *natura naturans* и *natura naturata*, подобно тому и мы в искусстве отличаем форму созижденную, то есть само законченное художественное произведение — *forma formata* и форму зиждущую, существующую до вещи, как действенный прообраз творения и мысли творца, как канон или эфирная модель, *ειδωλον*, которую можно назвать *forma formans*, потому что она, форма эта, и есть созидающая идея целого и всех его отдельных частей. "Единая глыба мрамора", о которой говорит Микель-Анджело в своем знаменитом сонете, есть *forma formata*, которая "поверхностью своей передает идею (то есть зиждательную форму) великого мастера". Чем ближе *forma formata* к идее, ее предваряющей, тем совершеннее произведение искусства. И нет в произведении этом никакого другого "содержания", кроме той идеи, его зиждущей формы, *forma formans*, которая, прежде чем обнаружиться в слове или в мраморе, в звуках или красках, уже духовно определяла всю полноту и целостность творящей художественной интуиции".

Судьбы России

Русская Церковь в СССР

По поводу Послания патриарха Пимена и Синода
в связи с 70-летием Октябрьской революции...

ПИСЬМО ГРУППЫ СВЯЩЕННИКОВ И МИРЯН
святейшему патриарху Московскому и всея Руси Пимену
и священному Синоду Русской Православной Церкви *

Ваше Святейшество,
Ваши Высокопреосвященства,

С болью и надеждой мы обращаемся к Вам сегодня, чтобы говорить о нашей Церкви, которая стоит на пороге великого юбилея 1000-летия существования на российской земле.

Его канун совпал с началом процесса демократизации и социально-политического обновления в нашей стране. Мы уверены в том, что все здоровые силы нашего общества должны всячески способствовать преодолению негативных явлений прошлого и настоящего, нравственному очищению нашей родины. Но для действительной борьбы за оздоровление общества необходимо признание совершенных ошибок, их выявление и критическое осмысление, необходима правда. Правда о трудностях и трагических страницах в истории нашей Церкви, о сложных и всем хорошо известных отношениях с государством, замалчиваемых на протяжении десятилетий.

Несмотря на заблуждения, грехи и даже преступления христиан, совершавшиеся в разные периоды истории, на земле нет и не было,

по нашему убеждению, более здоровой нравственной и общественной силы, чем Церковь Христова. Поэтому сегодня, сознавая высочайшую ответственность, возложенную на каждого христианина, мы, дети Русской Православной Церкви, не можем молчать, но "кричим от терзания сердец наших" (Пс. 37, 9).

Чувство недоумения и горечи вызвало у многих верующих послание Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода по случаю 70-летия Октябрьской революции. Положение Церкви в нашей стране и история отношений между Церковью и государством рисуется в нем в виде идеальной симфонии, как если бы этот текст был написан в сталинскую эпоху. Духом политического анахронизма веет от их послания. И это сейчас, когда сами руководители нашего государства говорят об "окончательном преодолении попыток лукавить с историей" (М.С. Горбачев, "Правда", 5.11.87) и о том, что "суровая, но правда, в любом случае лучше, чем ласкающие умолчания, фантазии и эмоции. Очернить историю можно только ложью — правда ее возвышает" (Яковлев — зав. ЦК по пропаганде — "Известия" 4.11.87).

Не странно ли: председатель Совета по делам религий открыто заявляет, что со стороны государства было допущено много ошибок по отношению к верующим, а наше церковное руководство продолжает скрывать правду о трагической истории Церкви последних десятилетий? Упомянув о положительных сторонах Декрета 18-го года об отделении Церкви от государства, синодальное послание обходит молчанием тот факт, что этим самым Декретом церковная община была лишена прав юридического лица, права на владение собственностью, права обучения детей основам вероучения. И даже этот Декрет был в 29-м году перекрыт дискриминационным и антицерковным сталинским постановлением о религиозных объединениях.

Следует помнить: несмотря на лояльность Русской Православной Церкви, несмотря на ее патриотическую деятельность во время Великой Отечественной войны, несмотря на осуждение культа личности нашим обществом, дискриминационное законодательство 29-го года до сих пор не отменено.

Послание пронизано ложным пафосом благополучия церковно-государственных отношений, хотя ныне всему миру известно, что период 20-х-30-х годов был ознаменован особенно яростными, беспрецедентными в истории гонениями на Церковь.

Убиенные митрополиты Владимир и Вениамин, умершие в тюрьмах или в далеких ссылках митрополиты Петр, Агафангел, Кирилл и Иосиф, архиепископ Серафим Звездинский, архиепископ Илларион Троицкий, епископ Феодор Поздеевский, священники Павел Флоренский и Сергей Мечев, миряне Новоселов, Самарин и Карсавин и многие другие, тысячи и тысячи убитых, замученных, погибших в ссылках и лагерях епископов, священников, монахов, мирян подверглись небывалым репрессиям со стороны сталинской власти, репрессиям, несправедливость которых ныне официально признана.

В стране во всеуслышание говорится о преступлениях Сталина, о невинных жертвах произвола, о недопустимости предательства их памяти. Сейчас даже пропагандисты-антирелигиозники прямо говорят о "проявлениях беззакония, репрессиях 30-х годов, больно ударивших и по части верующих и духовенства" ("Наука и религия", 1987, №11, стр. 19).

Между тем церковное руководство продолжает делать вид, будто ничего особенного не произошло. Не означает ли это пренебрежение к памяти миллионов невинных жертв, мучеников и исповедников, которыми гордится не только Русская Церковь, но и все мировое христианство? Наша Церковь имеет силы и великодушие простить своих гонителей, но в таком случае это прощение необходимо произнести вслух, воздавая долг блаженной памяти всех невинно пострадавших во имя Христова.

До сих пор мы отмечаем Дмитриевскую субботу, день памяти павших на Куликовом поле в 1380 году. Не пора ли церковно прославить мученичество исповедников XX века?

Мы приветствуем широкую реабилитацию невинно репрессированных, предпринятую Хрущевым, но не можем забыть и того, что этот период был временем грубого нажима на Русскую Церковь, временем постепенного ее удушения. От 10 до 15 тысяч храмов было закрыто в тот период, зачастую при прямом участии епископата и духовенства. В результате такого же давления, Русской Православной Церкви был навязан Архиерейский Собор 1971 года, утвердивший неканоническое постановление Синода об управлении приходами, устранившее церковное чиновничество от участия в административно-хозяйственной жизни церковных общин и тем самым нарушающее экклезиологические структуры.

Известно, что в последнее время предприняты некоторые шаги к улучшению положения Церкви, но лишь широкое общецерковное

обсуждение всех наболевших вопросов, вместе с каноническим их уяснением, позволит правильно и свободно решить все проблемы нашей церковной жизни.

То, о чем молчит синодальное послание, засвидетельствовано митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием: "Печально, когда порой, в явном противоречии с основами нашего общенародного социалистического государства, к верующим относятся как к людям "второго сорта", когда атеистические статьи и книги пишутся в недоброжелательном по отношению к верующим тоне, дают недостоверную информацию. Это не способствует созданию здоровой атмосферы диалога" ("Московские новости", 1987, №38, стр. 13). Жаль, что эта инициатива не была поддержана Священным Синодом и другими архипастырями.

Руководство страны ищет сейчас широкой поддержки своих начинаний — а руководство Церкви призывает верующих лишь... усилить традиционные молитвы. Молитвы всегда должны возноситься усиленно, мы это знаем и помним. Но одно дело, когда к этому призывается весь "священнический и монашеский чин и причт церковный", другое дело, когда этим призывом ограничивается обращение к миллионам мирян. Неужели верующие рабочие, крестьяне и интеллигенты смогут способствовать обновлению нашего общества, очищению его нравственной атмосферы только "традиционными молитвами о руководителях нашей страны", одинаково усиленно возносившимися при Ежове и Берии, Хрущеве и Брежневеве? Сегодня идет речь о строительстве общества реального гуманизма, о необходимости оздоровить атмосферу в нашей стране, поднять нравственный уровень народа. Кому как не Русской Православной Церкви принять участие в процессе общественного обновления и демократизации, не теряя своего лица, но активно утверждая христианские ценности?

Уже дважды церковное руководство упускало благоприятные возможности выступить за возвращение Церкви ее достойного и свободного существования: во время патриотического подъема Великой Отечественной войны и после отстранения Хрущева. Мы опасаемся, что тяжкие уроки истории не будут усвоены и ныне, что и сейчас церковное руководство не использует исторические условия для улучшения положения Церкви и сведет празднование великого юбилея 1000-летия Крещения Руси к формально-помпезным мероприятиям, упустив возможность ознаменовать

эту великую дату началом подлинного церковного возрождения.

Исторический момент, который переживает наша страна, уникален. Чрезвычайную ответственность он налагает на нас, на всю Русскую Православную Церковь, "ибо время начаться суду с дома Божия" (1 Петра 4, 17).

Свящ. Глеб ЯКУНИН (Москва)
Свящ. Николай ГАЙНОВ (Москва)
Виктор АНТОНОВ (Ленинград)
Николай БАЛАШОВ (Москва)
Андрей БЕССМЕРТНЫЙ (Москва)
Валерий БОРЦОВ (Москва)
Александр ОГОРОДНИКОВ (Москва)
Евгений ПАЗУХИН (Ленинград)
Виктор ПОПКОВ (Москва)
Владимир ПОРЕШ (Ленинград)
Лев ТИМОФЕЕВ (Москва)

18 ноября 1987

*) Текст письма напечатан в "Русской Мысли" (4 дек. 1987) по копии, полученной из Кестон-Колледж. Послание патриарха Пимена опубликовано в №11 "Журнала Московской Патриархии" за 1987 год. В указанном номере "Русской Мысли" текст его также воспроизведен.

ПАМЯТНИК ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ

20-го сентября 1987г. было намечено в Загорске (Сергиев Посад) установление памятника св. Сергию Радонежскому, санкционированное председателем загорского горисполкома Поповым, о чем было сообщено в афишах, расклеенных по городу. На торжестве должны были присутствовать митр. Питирим, Вл. Солоухин, братья Лавры и Даниловского монастыря. Но 18 сентября в программе "Время" по центральному телевидению попытка установить памятник была названа провокацией и связана с деятельностью общества "Память". Очевидцы рассказали западным туристам, что ГБ бросило отборные силы, спецчасти перекрыли все дороги вокруг Радонежа. Памятник арестовали во время перевозки с квартиры художника, остановили подъемный кран (специальная машина шла из Данилова монастыря). Несмотря на шлагбаумы, лесом и полем прошли сотни людей, в том числе и активисты общества "Память". Накануне ночью варварски был разрыт фундамент памятника, разрушен цоколь; зияла яма, присыпанная землей. Это место почитатели преп. Сергия завалили цветами... Активисты преклонили красные знамена и стали на колени, торжественно клянясь, что на этом месте все равно будет памятник преподобному. Приехал Попов, пытался успокоить, сказал, что проект памятника надо сначала поставить на обсуждение. Было пасмурно, дождливо. Внезапно прояснилось – и над Радонежем повисла огромная, яркая радуга...

NN

*Он вовек не поколеблется;
в вечной памяти будет праведник
Пс. 112, 6*

Забвенье – смерть, а смерть жестока;
Как жалок грешный человек!
Но тот, кто в памяти у Бога,
Он свят и не умрет вовек!

Зачем же памятник святому,
Чей дивный лик на образах,
Чей дух у Божьего престола
И кто прославлен в Небесах?

Тебе не нужен, авва Сергий,
Ни памятник, ни пьедестал!
Но Радонеж, родной и древний,
Нам радугой отныне стал!

И этот памятник нам нужен,
Как зримый о незримом знак,
Как луч звезды, надежду льющих,
В свет претворяя полумрак...

Россия, Русь! в слезах и с болью,
Но веру отчую храни!
Христовой спасена любовью,
Твой каждый храм – Спас на крови!..

Твои колокола веками
Мечту вселенскую поют...
Ты воплотила ее в камне,
И эти камни вопиют!

Мы все за прошлое в ответе,
Не надо громогласных слов!
Да, память – знание о смерти,
Но и к бессмертию любовь!

Бог — в тишине, в молитве строгой,
В сознаны собственной вины...
Витии, вспомнили ли Бога?
Тогда о чем шумите вы?..

19.9.1987

У ИСТОКОВ ЗАРУБЕЖНОГО РАСКОЛА

Публикуемые ниже письма относятся к важнейшему моменту в истории Русской Церкви послереволюционного периода. В день Благовещенья (25 марта / 7 апреля 1925 г.) скончался в московском Донском монастыре беспорный глава Церкви и исповедник веры святейший патриарх Тихон. Как известно, созыв Собора для избрания преемника не был разрешен властями. Церковь возглавил в качестве местоблюстителя Крутицкий митрополит Петр (Полянский), согласно завещанию покойного патриарха. Такое завещание само по себе не имело бы канонической силы, но его содержание было утверждено подписями шестидесяти епископов (12 апреля 1925 г.), принявшими во внимание то, что Собор 1917-1918 гг. в конфиденциальной резолюции дал патриарху право, ввиду обстоятельств, назначать вместо себя временных местоблюстителей.

Печатаемые ниже письма двух известных иерархов, оказавшихся за границей после окончания гражданской войны, показывают, насколько противоречивы, но весьма характерны для своего времени были реакции т. наз. "карловчан" на события в России. Письма обращены к князю Григорию Николаевичу Трубецкому (1873-1929), жившему тогда в Кламаре около Парижа или в Баден-Бадене в Германии, бывшему дипломату, братья которого, Сергей и Евгений, были известными профессорами Московского университета. Сам Григорий Николаевич был членом Собора 1917-18 и хорошо знал внутреннюю жизнь Церкви. Письма печатаются в хронологическом порядке.

Первые четыре написаны архиепископом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским) (1873-1965). Территория его Бессарабской епархии была присоединена к Румынии в 1918 г., но архиепископ не нашел для себя возможным покинуть юрисдикцию Русской Церкви (хотя Румынская Православная Церковь предлагала ему остаться с паствой — см. митр. Евлогий, *Путь моей жизни*,

стр. 342). Вплоть до второй мировой войны он все же пользовался титулом "Кишиневский". В 1923 г., когда было написано первое его письмо Трубецкому, архиепископ Анастасий жил в Константинополе и управлял русскими приходами в Турции, откуда не все русские люди, эвакуированные из Крыма, еще успели выехать. Его управление беженцами получило санкцию (со значительными ограничениями) от местной Вселенской Патриархии еще в 1920 г., когда выехавшее "Высшее церковное управление на Юге России", возглавляемое митрополитом Антонием, находилось в Константинополе. Впоследствии архиепископ Анастасий долго жил в Иерусалиме, возглавляя там Русскую миссию, отсюда он пишет Г.Н. Трубецкому остальные письма. После смерти митрополита Антония он занял место председателя "Заграничного Синода" в Сремских Карловцах (1936) в сане митрополита, в который был возведен, кажется, патриархом сербским Варнавой, считавшим (справедливо), что "зарубежные" русские иерархи находились у него "в гостях". В течение войны, оказавшись в Германии в качестве единственного оставшегося члена бывшего Карловацкого Синода (большинство других членов присоединилось к Московской Патриархии), восстановил Синод вместе с другими архиереями, выехавшими из оккупированных областей Советского Союза. До конца жизни (он скончался в Нью-Йорке в 1965 г.) и несмотря на узко карловацкие взгляды, господствовавшие в его окружении, митрополит Анастасий сохранял умеренность и свободу духа, которые выражаются уже и в его письмах Г.Н. Трубецкому. Чувство единства Церкви "на глубине" никогда его не оставляло, хотя официальная позиция "Зарубежной Церкви" фактически становилась уже при нем все более нетерпимой и изоляция ее от общения не только с другими юрисдикциями, но и с православным миром стала совершившимся фактом. Например, владыка Анастасий до конца успешно сопротивлялся совершению "канонизации" святых одной лишь своей "юрисдикцией" и считал, что законное прославление святых и мучеников может быть осуществлено только всей объединенной и свободной Русской Церковью.

Пятое публикуемое ниже письмо исходит из-под пера митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) (1863-1936). Тон и содержание письма показывают, что "крайние" течения у "карловчан" могут — увь, законно — ссылаться на его авторитет. В печатаемом ниже письме эта "крайность" доходит до обвинения даже покойного священномученика митрополита

Петроградского Вениамина (Казанского), расстрелянного в 1922 г., в симпатии к большевизму, а митрополита Евлогия — в получении жалованья "от евреев". Правда, митрополит Антоний далеко не был последовательным во всем, как можно видеть и из множества его всегда импульсивных и часто блестящих высказываний по многим вопросам, а также из его личного примирения со своим учеником и близким другом митрополитом Евлогием в 1936 г., за несколько месяцев до смерти.

Митрополит Антоний был одним из немногих представителей дореволюционного русского епископата, выходцев не из "духовной", а из дворянской среды. (Другими примерами епископов из дворян были патриарх Алексей Симанский и митрополит Ленинградский Серафим Чичагов). При выборах патриарха на Соборе 1917-18 гг. он получил наибольшее число голосов, хотя выбранным оказался — по жребию, то есть прямо благодатию Божией — митрополит Московский Тихон. Ставши ректором Академии в возрасте 27 лет, а затем епископом (1897), владыка Антоний быстро приобрел передовое и влиятельное место в Русской Церкви своими учеными трудами, проповедью и, особенно, талантливым и обаятельным отношением к церковной молодежи, из которой, под его влиянием, вышло множество т. наз. "ученых" монахов — кандидатов в епископы. В общественных вопросах Антоний придерживался очень "правых" взглядов, защищая самодержавие, но и тут его позиция была особенной: он стоял за независимость Церкви и восстановление патриаршества, что, конечно, мало соответствовало официальной линии обер-прокурора К.П. Победоносцева. Но "правизна" вл. Антония не распространялась на его богословские взгляды. Его известное эмоционально-психологическое истолкование догмата Искушения, восходящее скорее к протестантскому пиэтизму, чем к православной патристике, подвергалось церковной критике.

Основной вопрос, стоящий перед церковным сознанием Русской Церкви послереволюционных лет, был следующим: как сохранить Церковь именно как *Церковь*?

В православии мистическое существо и полнота Церкви является в ее таинственной жизни, особенно в Евхаристии, этом Таинстве Царства и Таинстве нового единства народа Божия во Христе. Это Таинство совершается в Церкви, возглавляемой епископом, который объединяет народ Божий и сам, обязательно, находится

в единстве с епископатам всей вселенской Церкви. Для конкретного обеспечения этого местного и вселенского единства, необходимого для "правильной" Евхаристии, каноническое предание установило церковные области, в которых все епископы объединены вокруг "первого" из них, ничего не совершают без его ведома (так же, как и он не действует вопреки их соборной воле). Епископы возносят его имя за богослужением, а он возносит имена всех других предстоятелей местных церквей. На практике в Православии такие "области" называются "автокефальными" церквями. Одна из них – национальная Русская Церковь, возглавлявшаяся, до его кончины в 1925 г., патриархом Тихоном.

Как было сохранить эту Церковь, активно преследуемую тоталитарной атеистической властью в России, среди гражданской войны, политической борьбы партий и сторон? Уже в 1919 г. своим посланием от 25 сентября патриарх Тихон занял позицию "аполитичности", призывая верующих признавать настоящие власти – при наличии разделения Церкви и государства, – повинаясь им во всем том, что не противилось христианской совести.

Скоро после этого, поскольку общение с церковным центром в Москве стало невозможным для епархий, находящихся в занятых белыми областях, патриарх издал указ (20 ноября 1920 г.), разрешающий епархиальным архиереям областей, отделенных от центра фронтом, создавать временные Управления для решения местных дел и хиротоний новых епископов. Все решения этих управлений Указ рассматривал как "временные", требующие подтверждения патриархом и его Синодом при восстановлении связей с Москвой. На основании этого указа было создано в Новороссийске Высшее Церковное Управление на юге России, переехавшее скоро в Константинополь, где оно получило новый статут решением Вселенского патриарха, а затем выехавшее в Сремские Карловцы (1921) и переименовавшееся в "Высшее Церковное Управление за границей". Поскольку составлявшие его епископы покинули свои епархии, буква патриаршего указа на них уже, формально, не распространялась. Тем не менее Управление, находившееся сперва в Константинополе, а потом в гостях у Сербской Церкви, *de facto* признавалось и патриархом Тихоном, как только по окончании гражданской войны наладилась связь с Москвой. Так, Управление, еще будучи в Константинополе, назначило архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) управляющим русскими церквями в Западной Европе. Указом №423 от 8 апреля 1921 г. назначение

было формально подтверждено патриаршим Синодом в Москве. Заграничное Управление ясно признавало себя подответственным патриарху. Патриаршим указом от 17 / 30 января 1922 г. – без всякого сношения с Заграничным Управлением – архиепископ Евлогий получил сан митрополита.

События, прямо относящиеся к содержанию публикуемых писем, следующие:

1. В ноябре 1921 г. Карловацкое Управление созвало "Всеагранный Церковный Собор". Представительство на Соборе было не только представительством епархий или приходов, но и политических организаций, включая тридцать голосов членом т. наз. "Высшего Монархического Совета". Собрание проголосовало – при личной поддержке митрополита Антония (о чем он говорит в письме к Трубецкому) – резолюцию о восстановлении в России самодержавной власти Дома Романовых. От голосования резолюции как архиепископ Евлогий, так и архиепископ Анастасий воздержались. Как видно из его писем, архиепископ Анастасий считал (и продолжал считать в 1925 г., в отличие от митрополита Антония), что резолюция принесла большой вред Церкви в России, отождествляя Православие с самодержавием и давая удобный предлог властям для осуществления и так проектируемой ликвидации Патриархии.

2. Постановлением Священного Синода и Высшего Церковного Совета, по представлению патриарха Тихона, Высшее Церковное Управление за границей было закрыто (указ №349, 22 / 5 мая 1922), и каноническое управление всеми заграничными церквями было передано лично митрополиту Евлогию. Карловацкие иерархи указ признали, и митрополит Антоний даже решил уйти на Афон. Но сам митрополит Евлогий испугался своих новых полномочий и написал митрополиту Антонию, что, по его мнению, указ был издан "несомненно под давлением большевиков". Свою нерешительность – много способствовавшую всей эмигрантской смуте – он в своих "Воспоминаниях" признал большой ошибкой. Между митрополитом Евлогием и "карловчанами" был достигнут компромисс. "Высшее Церковное Управление за границей" было упразднено, согласно патриаршему указу, но полное единоличное руководство приходами митрополит Евлогий на себя не взял, а сохранил за собой непосредственно только главную их часть (согласно прежнему

своему назначению патриархом) — Западную Европу, где сосредоточились тогда (особенно в Париже, Праге и Берлине) основные массы эмигрантов. Координация же управления всеми зарубежными церквями должна была осуществляться "соборно" через вновь установленный Архиерейский Синод. На первом заседании председательствовал митрополит Евлогий, но сразу же передал председательство "старшему" митрополиту Антонию. При создании Синода было все же оговорено, что заседания действительны лишь в присутствии митрополита Евлогия как единственного (вместе с митрополитом Платоном Американским, также назначенным непосредственно патриархом) вполне уполномоченного патриархом канонического епархиального архиерея.

В своих письмах Г.Н. Трубецкому архиепископ Анастасий вполне признает и полномочия митрополита Евлогия, и его умеренность в практическом применении тяжелого для карловчан патриаршего указа 1922 г.

3. Как известно, в связи со своим арестом (6 мая 1922 г.) и возникновением обновленчества, патриарх Тихон в течение последних трех лет своей жизни сделал несколько решительных шагов с надеждой установить *modus vivendi* с советским правительством, о скором крушении которого уже не приходилось думать. По освобождению от ареста он выразил сожаление о своих прежних антисоветских выступлениях (послание 18 июня 1923 г.), а перед самой его смертью было опубликовано его Завещание, где патриарх призывал к прекращению "антиправительственной деятельности", к "искренности" в отношении к советской власти, а также осуждал и Карловацкий собор, и всякие проявления "монархизма".

Как за границей, так и в России было высказано сомнение в подлинности завещания. Но подлинность была подтверждена местоблюстителем Петром, который, по имеющимся сведениям, принимал активное участие в самом составлении текста завещания. В своих письмах к Г.Н. Трубецкому архиепископ Анастасий не только знает о подлинности завещания, но высказывает мнение, что оно соответствует настроению и самого патриарха, и окружающих его лиц. Действительно, за эту "податливость" (или реалистическую мудрость?) патриарха его критиковали еще при его жизни — не только правая эмигрантская пресса, но и группы в России (т. наз. "даниловцы", т. е. группа архиереев, живших тогда в московском Даниловском монастыре, — ср. Л. Регельсон, *Трагедия Русской Церкви*, стр. 340). Дело шло уже тогда к разделению,

которые возникнут в связи с декларацией о "лояльности" митрополита Сергия в 1927 г., содержание которой — по существу — мало чем отличалось от высказываний, в последние месяцы жизни, самого патриарха.

4. Хотя карловацкие круги признали митрополита Петра патриаршим местоблюстителем (в ноябре 1925 г., за месяц до ареста митрополита), Карловацкий Синод начал решительно действовать как самостоятельный орган высшей церковной власти. Была сделана попытка провозгласить митрополита Антония заместителем патриарха для всей Русской Церкви, а митрополитам Евлогию и Платону выдавались указы об управлении и границах их епархий. Оба митрополита приехали в Карловцы на архиерейский собор в июне-июле 1926 г. Оба были готовы сотрудничать с карловацким центром как центром координации и соборности. Но вскоре оба покинули заседания, отвергнув претензии Синода на власть над собой. Вопрос был принципиальный: где законный центр церковного единства — в Карловцах или в Патриархии.

Огромное большинство русских заграничных приходов состояли в 1926 г. в областях митрополитов Евлогия и Платона. Карловацкий Собор прибег к вполне незаконным прещениям (без суда) над обоими митрополитами и их клиром; прервал с ними молитвенное общение и начал кампанию против якобы "жидо-масонских" пособий митрополиту Евлогию и "еретических" взглядов профессоров Богословского Института — единственного высшего богословского учреждения русского зарубежья, открытого митрополитом Евлогием в Париже.

Тон и содержание письма митрополита Антония к Г.Н. Трубецкому отражает это карловацкое настроение и составляет резкий контраст с письмами архиепископа Анастасия, где, особенно в отношении личности о. Сергия Булгакова (в 1923 г.) и Сергиевской Академии (в 1925 г.), проявляется в высшей степени положительный взгляд.

Основной трагедией зарубежного раскола 1926 г. было само *разделение*, и вина за это, несомненно, лежит на тех, кто так легко поддался самому духу разделения. Несомненно то, что на эмигрантах лежала духовная ответственность сохранять внутреннюю свободу Церкви, которая все более ограничивалась в советских условиях. Сами митрополиты Евлогий и Платон, так энергично боровшиеся

за единство с Матерью-Церковью в течение двадцатых годов, принуждены будут отделиться от Москвы в 1931 г., когда оттуда поступит абсурдное требование от всего духовенства письменных заявлений о лояльности советской власти. (Такие заявления были немыслимы для политических эмигрантов и юридически невозможны для граждан западных стран).

Какое-то "размежевание" становилось все более необходимым уже в двадцатых годах. Но все дело было в вопросе: как осуществить это размежевание *церковно*, без раскола, без нарушения молитвенного общения, без откола от Вселенского Православия? Дальнейшая история показала, что такой путь был хотя и трудным, но возможным. Думаю, что этот путь не только был верен в двадцатых и тридцатых годах, но остается верным путем и для будущего.

Оригиналы печатаемых ниже писем архиепископа Анастасия и митрополита Антония находятся в личном архиве С.Г. Трубецкого, а в будущем будут храниться в Архиве Автокефальной Православной Церкви в Америке.

Подстрочные примечания составлены редакцией.

Прот. Иоанн Мейендорф

ПИСЬМА МИТР. АНАСТАСИЯ К Г.Н. ТРУБЕЦКОМУ

1.

10/23 апр., Келия

Глубокочитимый князь Григорий Николаевич!
Христос Воскресе!

Вы, конечно, очень удивитесь, если узнаете, что послал Вам свое пасхальное приветствие из-под Чанака-Кале, вокруг которого так недавно еще вращались вопросы войны и мира: здесь тоже есть часть моей паствы в мире рабочих дружин, служащих у англичан в этом укрепленном ими и до сих пор зорко охраняемом районе.

Я приехал навестить своих рассеянных овец и помочь им устроить свою церковную жизнь.

О. С.Н. Булгаков сегодня должен был выехать из Константинополя, напрасно прождавши здесь своего сына. Впрочем, и жена его едва успела оправиться от болезни ноги, которая тоже препятствовала им выехать ранее. Мы долго говорили с ним о будущем издании. Будучи согласны издавна (не только в этом пункте) почти во всем, мы расходимся только во взгляде на католический вопрос.¹ Я нахожу, что сейчас трактовать о соединении церквей в смысле и направлении В.С. Соловьева крайне опасно (я беру только фактическую сторону вопроса и не касаюсь принципиальной, которая также требует самого серьезного внимания к себе): это значит сразу восстановить против себя всю зарубежную и коренную Русь, совершенно единодушную в отношении к католичеству, как известной системе отношений ко всему остальному христианскому и особенно к нашему православному миру. Сергей Николаевич подходит к этому большому вопросу с академической точки зрения, но теперь не такое время и не такая обстановка, чтобы мы могли обсуждать этот предмет с отвлеченных научных высот: слишком близко он соприкасается с жизненными интересами момента; и простое благоразумие требует или совсем не касаться его, или подходить к нему прежде всего с реальной стороны. Я не думаю, однако, чтобы затруднения в этом пункте могли бы удерживать нас от осуществления самой идеи, столь давно лелеемой нами. Какое неисчерпаемое богатство другого материала,

самого живого и жизненного и чрезвычайно важного и глубокого по содержанию! Мы живем среди такой напряженной борьбы идей и культурных течений, что только отмечать их значит уже оказывать большую услугу не только для теперешних, но и грядущих поколений. Именно находясь в рассеянии и соприкасаясь почти со всем столь глубоко потрясенным миром, мы можем быть эклектиками в лучшем смысле этого слова и подняться на вершину того вселенского православия и истинного всечеловечества, которые предрекал для России Достоевский. Современники, как известно, не ценят величия событий, в которых они участвуют. Обратите внимание хотя бы на последнее воззвание архиеп. Кентерберийского, подписанное и католическим архиепископом в Англии и даже великим раввином! Разве это не есть новое историческое значение нашего страшного и вместе чрезвычайно интересного времени — времени глубоких потрясений и великих свершений.

Было бы грешно и стыдно проходить безмолвно мимо таких явлений, не осветив их и не введя их в сознание русских людей, слишком подавленных сменой впечатлений и потому часто не в меру равнодушных к ним. Предстоящее наше совещание в Карловцах, на котором надеюсь встретиться с Вами, облегчит нам, конечно, разрешение этой задачи.

Очень грустно только одно, что Карловцы получили роковое значение и приобретут себе навсегда негативную память в истории после суда над св. Патриархом.²

Засим простите и да хранит Вас Воскресший Господь! Не поставьте мне в вину, что так поздно отвечаю Вам; на будущее время надеюсь иметь больше досугов и потому быть исправнее в переписке.

С глубоким уважением.
Ваш усердный слуга

Арх. Анастасий

Завтра надеюсь возвратиться в Царьград.

2.

24 мая 1925, Иерусалим

Глубокопочтимый князь Григорий Николаевич!

Приближающийся день Пятидесятницы невольно возвращает мою мысль в Кламар, в Вашу "скитскую" церковку, приютившуюся под сению векового парка. Там снова соберется в этот праздник Ваш приход, рассеянный в окрестностях Парижа, и Церковь будет призывать на молящихся "языкоогнеобразную" — Духа благодать, как мы призывали ее в нашей соборной молитве в минувшем году.

После нового великого испытания, потрясшего сердца верующих, мы особенно нуждаемся в благодатной помощи Духа, чтобы не уподобиться овцам рассеянным после поражения их Пастыря.³ Уже теперь мы видим грозные признаки приближающейся новой опасности.

Местоблюститель Патриаршего Престола — человек близко известный нам по своему прошлому — не имеет и малой доли того авторитета и тем менее ореола исповедничества, каким обладал наш почивший святейший Отец. Тем не менее мы готовы оказать ему полное послушание, если он не потребует от нас чего-либо противного канонам и нашей архиерейской совести. К сожалению, я не уверен в этом, ибо он слишком спешит протянуть руку общенности и дружбы Советской власти. Своего участия в опубликовании "завещания" патриарха Тихона он не только не отрицает, но даже ставит себе этот акт едва ли не в заслугу. Этот столь пререкаемый ныне документ служит для нас новым источником тяжелых искушений.

Я только недавно прочитал его в полном виде и, увы! пришел к заключению, которого не хочу скрывать от Вас: он, несомненно, *подлинник*, как бы мало мы не хотели признать его таковым.

Отсюда начинается для нас новая духовная трагедия; сознание, что Святой Патриарх ушел от нас, осудив наши взгляды и нашу церковную работу, конечно, не может не действовать на нас угнетающе.

Вы спросите, быть может, на чем основана моя уверенность в подлинности "завещания" или точнее "послания" Патриарха?

На внутренней его логике, вполне отвечающей направлению мысли и действий Св. Патриарха в последние годы.

Схема послания ясна и последовательна: никаких уступок в области веры и канонов, но подчинение не за страх, а за совесть Советской власти, как попущенной волей Божией — и естественно вытекающее отсюда осуждение всей контр-революции. То, что прежде давалось в виде разъяснений или распоряжений по отдельным конкретным случаям, теперь определилось в систему постоянных церковно-государственных отношений.

Цель новой политики, указанная в самом послании, состоит в том, чтобы приобрести некоторые льготы для Церкви (открытие богословских школ, миссионерских журналов и проч.) и через это увеличить ее силы и средства в борьбе с церковными отщепенцами. Все послание проникнуто искренним желанием блага Церкви — и потому, конечно, оно не могло выйти от большевиков.

Выражение, что патриаршее слово и совесть не могут быть связаны никакою властью на земле — придает ему даже оттенок некоторого величия, напоминающего язык достойнейших представителей Церкви. Я не знаю, как принято послание церковными кругами в России: быть может, там оно отражает общее настроение, определить которое отсюда очень трудно. Но нам усвоить эту точку зрения не только трудно, но даже пока невозможно, ибо это было бы равносильно нашему самоотрицанию и осуждению всего, что мы делали и к чему мы стремились до сих пор. Кроме того, столь решительная перемена взглядов на большевистскую власть создала бы для нас ложное положение пред лицом других церквей и государств, приютивших нас именно как неприемлющих кровавого и безбожного коммунизма. Теперь, когда последний обнажил лицо свое пред всем миром и за это подвергается повсюду справедливым преследованиям, эта перемена ориентации была бы почти безумием, ибо это явно было бы во вред не только беженцам, но прежде всего России — той национальной России, остатки которой многие еще склонны видеть в нас и наших единомышленниках, оставшихся на Родине. Я боюсь, что если во главе Русской Церкви останется митрополит Крутицкий Петр, то временный разрыв заграничной Русской Церкви с нашим Церковным Управлением в России станет тяжелой неизбежностью. Между тем мы, к прискорбию, остаемся недостаточно еще согласованными между собой; напротив, потеряв "Удерживающего", мы можем распасться на

несколько "автокефалий", что будет новым соблазном для верующих и источником новых бедствий для Церкви.

Правда, история Церкви свидетельствует, что Православие оставалось нерушимым и тогда, когда, повидимому, совершенно распадалась церковно-административная организация Церкви, но надо думать не только о крепких, но и о слабых духом, которые могут не выдержать этого нового испытания.

Так опасно положение обезглавленной Церкви, не напрасно оно называется ее "вдовством". Пастырско-исповеднический авторитет почившего Патриарха остается для всей его паствы непрерываемым: никто из нас не вправе судить его, хотя он с нашей точки зрения и мог впасть в ошибки в области церковной политики, т. е. в сфере внешних отношений Церкви, где не затрагиваются прямо вопросы веры и церковной дисциплины.

Теперь у нас нет этого живого символа единства Русской Церкви, и нам остается возложить все свое упование на Небесного Пастыреначальника, Который не оставит нас "сир".

Само собой понятно, что отсутствие полномочного канонического Представителя Русской Церкви колеблет наше положение и здесь, в Палестине, где английские власти взяли наше имущество под свое "управление". Я не имею права пока жаловаться и сетовать на нашего "администратора", который искренне заботится о наших приходах, но сегодняшний день не всегда ручается за завтрашний.

На днях мы имели большое духовное утешение — дожидаться наконец освящения нашей Хевронской (у Дуба Мамврийского) церкви, совершенного патриархом Дамианом. Присутствовали представители всех находящихся здесь церквей, кроме католиков.

Как процветает Ваш новый приход и Академия, где, повидимому, принимает столь ценнейшее участие владыка Вениамин? Мои усердные приветствия графу, княгине и всей Вашей семье, а также С.Н. Глебовой, В.Н. Лермонтовой и Осоргину. Божие благословение да будет над Вами.

Душевнопреданный

Арх. Анастасий

P. S. Верховный комиссар Палестины сэра Г. Самуэль окончил свой пятилетний (по контракту) срок: его заменяет Ф. Плюмер, на которого все возлагают большие надежды.

PP. S. На пути из Лондона и Парижа в Иерусалим я посетил Рим. Д'Эрбини⁴ тщательно следил везде — особенно в Риме — за мною и посвятил в одном из Ватиканских журналов специальную статью о моей поездке в Англию, направленную против англичан, и поразившую меня своею осведомленностью.

Он не только знает все, что я говорил или делал, но почти читает мои мысли. Если каждый иезуит может развивать такую же энергию, то что же могут сделать они все в совокупности! Сами папы бессильны были упразднить этот орден, тогда как последний неоднократно устраивал неудобства ему Первосвященников.

Замечательно, что Д'Эрбини сам прислал мне свою статью, на которую я готовлю ответ.

Арх. Анастасий

3.

28.6 / 11.7 1925, Иерусалим

Досточтимый князь Григорий Николаевич!

Вопрос, затронутый Вами в связи с моим письмом, так деликатен, что его можно обсуждать только в доверительной обстановке. Есть в нем такие стороны, которые нельзя доверять даже письму, и я мог высказаться пред Вами с полной откровенностью только в устной беседе.

Возвращаясь к "завещанию", я должен сказать, что оно только по недоразумению называется этим именем: это "послание" к пастве, рассчитанное на полное выздоровление и возвращение к исполнению своих обычных обязанностей святейшего Патриарха.

У меня есть целый ряд достоверных сведений из Москвы, свидетельствующих о том, что курс церковной политики в последние годы вполне совпадает с точкой зрения, изложенной в послании. Те тяжкие недоумения, которые возникают при этом, и которые Вы так хорошо сформулировали в Вашем письме, доказывают только существование глубокого психологического разделения

между нами, доходящее до того, что мы перестаем понимать друг друга.

Кажущаяся безысходность положения ввиду укрепления большевизма по необходимости заставила их приспособиться к обстановке: стоит сделать только один шаг в этом направлении, чтобы за ним незаметно последовал другой и третий, а за практикой следует и теория, ее оправдывающая. Внутренние противоречия последней видны нам, но не тем, кто создали ее для успокоения своей совести.

Я не смею никого осуждать, ибо не уверен, что не поступил бы хуже, если бы оказался в таком горниле испытаний, но, конечно, не могу считать для себя и нравственно обязательным то, что не мирится с моею совестью. Очень опасаясь, что преемники Св. Отца пойдут дальше, чем хотел он, и разрыв будет объявлен прежде всего с их, а не с нашей стороны. Что касается нас, то мы должны, конечно, исчерпать все средства и все свое долготерпение, чтобы сохранить нерушимым наше единение с канонической Церковью в России, но Вы сами изволите знать, что бывает такое положение, когда мы обязаны сказать *non possumus* и по необходимости начать самостоятельно устраивать свою церковную жизнь. Наконец, в России просто может начаться церковная анархия. В предвидении такого исхода дел мы и должны серьезно подумать об организации нашего церковного строя за границей.

Все попытки ввести наши внутренние церковные отношения за границей в определенную систему и придать им более или менее стройный и законченный вид до сих пор не увенчались, к сожалению, успехом. Порядок, который предносится Вами, как лучший из возможных, т. е. чтобы каждая епархия жила за границей самостоятельной жизнью, не представляется для меня таковым. 1) Это разделение не пройдет безболезненно и расколется на части не только заграничную иерархию, но и паству: отчасти это наблюдается уже в настоящее время, когда у нас образовалась своя "восточная" и своя "западная" Церковь. 2) Разъединение создаст известную деморализацию в наших рядах и ослабит нас одинаково и пред лицом Православной России, и пред другими православными и христианскими церквями, пред которыми мы должны иметь единство представительства. Моя поездка по Востоку и Западу (особенно в Англию) убедила меня, как чутко там относятся к нашим внутренним разногласиям — особенно в церковных вопросах. До сих пор у нас был, по крайней мере, видимый символ

нашего православного единства — это Святейший Патриарх: в нем мы все сходимся, как лучи в центре, хотя бы на перифериях мы и расходились между собой.

С уходом его — мы можем превратиться в саморазделившееся царство, которое не устоит пред натиском врагов. Я не сторонник той крайней и опасной меры, которую Вы так остроумно называете "церковной кирилловщиной". Мы не можем никому в России вменить в обязанность повиноваться избранному нами заместителю Патриарха: ⁵ этот вопрос обсуждался уже на прошлогоднем епископском соборе и единогласно решен в отрицательном смысле. Но отсюда, однако, не следует, что мы не должны стремиться создать единую церковную организацию для заграницы, дабы сплотить церковные ряды и предупредить опасность борьбы за власть, что бывает всегда, когда усиливается центробежное "автокефалистическое" течение. Вот мысли, которыми я хотел бы поделиться с Вами теперь; если Бог судит нам свидеться в скором времени, я дополнил бы их более конкретными доказательствами, от которых я должен воздержаться в письме. Вероятно, этого большого вопроса коснется и Ваше епархиальное собрание, и от того направления, какое оно даст церковной жизни в Западном округе, будет в значительной степени зависеть последующее течение нашей заграничной церковной жизни вообще.

Кажется, в Париже будет созван, наконец, давно уже предначертанный и столь благовременный теперь патриотический съезд, который также должен будет затронуть наш церковный вопрос, ибо последний стоит теперь в центре всей жизни. Дай Бог, чтобы это было во благо Церкви. Мой усердный привет всей Вашей семье. Господь да благословит Вас.

Душевно преданный Вам

Арх. Анастасий

4.

4/17 авг. 1925

Досточтимый и дорогой князь Григорий Николаевич!

Простите за замедление в ответе на Ваше последнее письмо: время от времени мне приходится выезжать из Иерусалима для посещения наших миссийских владений, рассеянных по всей Палестине, и тогда за мною невольно накапливаются неуплаченные долги по переписке. Мои поездки почти всегда приурочены к местным праздникам, и тогда они получают двойной интерес и смысл.

Так, день прор. Илии — 20 июля мы праздновали в нашей церкви на горе Кармил, где в этот день бывает большой народный праздник со всеми характерными для востока особенностями. Завтра — накануне Преображения Господня выезжаю на Фавор, чтобы оттуда посетить наше чудное место в Магдале на берегу Тивериадского моря.

Каждый раз скорблю о том, что здесь так мало русских паломников — особенно из учащейся молодежи, для которой палестинские впечатления остались бы неизгладимыми на всю жизнь. Возвращаясь, однако, к предмету нашей прежней беседы. Кажется, Вы не вполне уяснили себе мою мысль о необходимости удержать не только внутреннюю нравственную связь, но выраженное во внешних формах каноническое единство заграничных русских церквей; я не предлагаю ничего нового под этой формулой, но хотел бы сохранить уже существующий порядок наших иерархических отношений, установленных на последних двух епископских соборах в Карловцах.

Самое дорогое для меня в этом строе — это соборное начало, на котором он утверждается в своей последней основе.

Вопрос о единстве представительства также имеет очень важное значение, особенно для сношений с Православным Востоком, на который теперь обращен взор всей верующей России и даже самих живоцерковников. Здесь я должен сказать с полным беспристрастием, что имя владыки Антония есть единственный авторитет, с которым здесь серьезно считаются.

Читали ли Вы его последнее "скорбное" послание к Константину VI? ⁶ Кто из нас решился бы выступить против Вселенского

Престола с такой силой дерзновения? При обострившейся теперь вновь борьбе с "живцами" нам придется постоянно апеллировать к древним апостольским кафедрам, а для них после кончины Свят. Патриарха нет такого органа Русской Церкви, которому они могли бы доверять безусловно, ибо митрополита Петра здесь никто не знает и самые его канонические полномочия нельзя еще назвать вполне признанными со стороны других Патриархов. Кто же будет осведомлять их о положении Православия в России и представлять пред ними за страждущую Русскую Церковь? Конечно, для этого не нужно облекать митрополита Антония какими-либо новыми полномочиями: достаточно тех, какие он имеет уже теперь, как председатель Синода и как старейший и авторитетнейший иерарх из всех, находящихся за границей.

Ваши опасения, связаться с его принадлежностью к монархистам, имеют больше значения для нас, русских, чем для Православного Востока, ибо здесь все видят в восстановлении царской власти единственный залог возрождения России.

Конечно, ни в каком случае нельзя догматизировать от имени Церкви ту или другую форму правления, но владыка Антоний едва ли дойдет при всех своих симпатиях к монархизму до таких крайностей, особенно после уроков Карловацкого Собора. Во всяком случае, он не решится утверждать это как учение Церкви;⁷ если же паче чаяния случилось бы что-нибудь подобное, то соборный голос всех епископов снова восстановит истину. Опыт наших предыдущих собраний уже показал, что наш председатель подчинялся соборным решениям даже тогда, когда внутренне не был вполне согласен с ними.

Усиливаясь же провести полную аполитичность иерархов там, где они не выступают как официальные представители Церкви, едва ли необходимо и даже едва ли целесообразно в наше время, ибо это, с одной стороны, противоречит заветам нашей истории, а с другой — незаметно может привести их к тому, к чему путем недолгой эволюции пришли "живоцерковники", т. е. к полному примирению и даже к союзу с советской властью. Известно, что они также начали с защиты принципа "аполитичности Церкви и духовенства".

Чистый аполитизм возможен только в аспекте вечности. В условиях реальной земной жизни он почти недостижим.

Что касается канонических полномочий, полученных владыкой Евлогием от Святейшего Патриарха, то они ясны только и

даже несомненно относительно западно-европейских церквей. Попытка толковать их *расширительно* встречает очень серьезные возражения со стороны остальных епископов, и владыка Евлогий проявил не только бескорыстие, но и большую мудрость в том, что не стал распространять своих претензий на единоличное управление всей Зарубежной Церковью.

Вот мысли, которыми я хотел на этот раз поделиться с Вами в ответ на высказанные Вами положения.

Да благословит Господь Вас и всю Вашу семью, которую душевно приветствую.

Глубокопочитающий Вас и преданный

Арх. Анастасий

ПИСЬМО МИТР. АНТОНИЯ К КН. Г.Н. ТРУБЕЦКОМУ

8.11.1926

Глубокоуважаемый Князь Григорий Николаевич!

Свой ответ я начну с уверения [*неразб.*] что я не сомневаюсь в бескорыстии и благородстве руководящих Вашими строками убеждений, но и в совершенной их ошибочности. Вы ссылаетесь, не называя лиц, на заявления в моск. тюрьмах Вл. Кирилла, Вл. Феодора.⁸ Но разве действительность не оправдала их опасения, высказанные еще в 1922г.? Патр. Тихона не смели трогать, пока он смело противостоял большевикам, а когда он "несомненно под давлением большевиков" (слова из письма ко мне вл. Евлогия в ноябре 1922г.) закрыл в угоду им Высшее Церк. Управление за границей, они посадили его под арест, от коего он был освобожден по моему настоянию к Английскому Примацу, о чем последний писал мне.⁹ Точно также не смели трогать митр. Петра, пока он не разослал послания с призывом (как и † патр. Тихон) повиноваться сов. власти: "Петр исполнил свою работу" и т. д. Слава Богу! Новые живоцерковцы, угодные Советам, оградили себя от всяких

обвинений в (заведомо ложных) обвинений законной иерархии в сношениях с эмигрантской церковью, в чем (кстати сказать) были виновны отнюдь не Карловцы, а всецело Париж, настаивавший пред патр. Тихоном и митр. Петром об упразднении заграничного Синода и т. д. Слава Богу, из Москвы им не отвечали на бумаге, а словесно выражали сетования на такие претензии, в коих я конечно не виню митр. Евлогия, а тех, под властью коих он состоит, получая от них жалование, тогда как они по тем же условиям состояли под властью евреев, о чем пришла в Синод коллективная жалоба из Парижа со многими подписями в авторитетных людей, каковые подписи удивляли своею неожиданностью откликов [?]

Когда я их добром просил на Карлов. Соборе 1921г. ответить на мое возражение о невмешательстве в политику, убеждая слушателей в том, что призыв народа к восстановлению династии есть не политика, а церковность, ибо всякий другой проект устройства государства будет противоцерковный, как и политика Временного Правительства 1917г., с ярко враждебным отношением к Церкви, то никто ни слова мне не ответил, а еще более настойчивый мой вызов в газете и в книжке "Деяния Всезар. Церк. Собора 1921г.". Этот ответ, всем тогда известный, не вызвал никакого возражения. Сказано в Библии: "пес не пошевелил на тебя языком своим".¹⁰ Ответ этот замолчали и забаллотировали, как и большую часть всего, что я писывал с 1904г.: ответить было нечего. Таков обычный прием наших кадетов и вообще всех русских нигилистов и их пособников.

Утверждаю, что большевики, невзирая ни на что, будут истолковывать мое участие в Заруб. Съезде¹¹ как вмешательство Церкви в политику, и *поэтому* воздерживаться от участия значит постыдно пасовать там, где это совершенно бесполезно, ибо они обвиняли в политике и присуждали к смертной казни † митр. Вениамина, который открыто выражал свою симпатию большевикам еще на моск. соборе.

До получения Вашего письма я колебался ехать на съезд в Париж, о чем говорил вслух. Но узнав, что единственным русским иерархом там окажется раскольничий епископ Иннокентий (правда, мой уважаемый приятель), значило бы отдавать на посмеяние нашу Св. Церковь, главное — ее заграничную иерархию. Не монархического направления иерархи, а "кадеты" и "народные монархисты"

в дух. сани, вот кто определяет свои отношения к религии, к Церкви с чисто политической, партийной точки зрения, и сваливают вину с больной головы на здоровую. Судить о них строго не буду, ибо 1) "чей хлеб кушаешь, того и слушаешь", и 2) из-за их спины легко рассмотреть их руководителей, типа карамазовского Ракитина.

Я не требую и не прошу, чтобы письмо это Вы хранили в безусловном секрете, но надеюсь, что, со свойственным Вашему воспитанию тактом, Вы не скажете никому ничего такого, что еще более расстроит давно испорченные отношения в этой жизни с этими иерархами, а мне поверьте, что лично для себя я ничего не ищу, ни прежде, ни теперь, когда мне 63 года, а до 70 я и дожить не надеюсь, а возможно, что умру в этом или в след. году, что и препятствовало мне собираться за границу, в опасении там умереть без должного покаяния, во время съезда или вскоре после него.

Вы наверное читали мое слово 20 фев. 1905 в Исаакиевском соборе.¹² Что же? Разве не исполнились с буквальной точностью все мои предсказания, которые я высказал не с мистическим самообольщающим [неразб.], но по внушению благоразумия. Я верю в то, что Вы о себе писали мне сюда. Поверьте и мне в том же: я убежден, что все положения Карлов. собора 1922г. имеют чисто церковную почву, и воздержаться от них было бы постыдным компромиссом. Помню, Вы же сами назвали мне одного иерарха из моих учеников: "преосвящ. Компромисс".

Пишу Вам из Хопова, куда прибыл вчера для пострижения вероятной преемницы м. Екатерины, быв. послушницы Зинаиды, а с сегодняшнего дня монахини Павлы (Клюевой, вдовы генерала). М. Нина уже 5 месяцев лежит в Панчевском госпитале и не встанет, хотя доктора говорят, что жизнь ее можно еще протянуть.

Писал я статью в защиту Евразийства, которую "Новое Время" не пожелало печатать, боясь раздражить гусей, а от Н. С-ча¹³ так и не получил ни строчки, хотя посылал ему № "Военного Вестника": я к нему всей душой, а он ко мне "всем тем" местом, откуда выходит то, что определил один ростовский член Купеческой Управы братушек, как Вы нам так типично рассказывали в вагоне железной дороги. Впрочем, я нисколько не сомневаюсь, что он остался таким же [неразб.] как и прежде. Что касается съезда, то я тоже мало доброго от него ожидаю, ибо более активные его [неразб.] заинтересованы не благом России, а тем,

что их самих ожидает в случае восстановления монархии: они не надеются, при таком условии, войти в Керенско-Львовское Министество и потому борются против монархии, а следов. и против России. Вы не принадлежите к их числу, но вокруг Вас бывшие Львенки и Керенские, а к Вам, князь, я отношусь с искренней симпатией, как благочестивому христианину, что для меня самое важное.

Преданный душевно,

Митрополит Антоний

P. S. Завтра пошлю Вам названную книжку, см. стр. 124-137.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О. Сергей Булгаков, действительно, в Крыму еще и будучи в Константинополе, увлекался идеей церковного единства с католичеством. (см. его *Автобиографические записки*, а также "Из дневника", *Вестник РХД*, № 129 и 130).
2. Имеется в виду постановление Карловацкого собора ноября 1922 г. о восстановлении в России самодержавной монархии Дома Романовых. Это постановление, сделанное как бы от лица всей Русской Церкви, послужило обвинением против патриарха. Ср. ниже совсем другое отношение к этому постановлению со стороны митрополита Антония (Храповицкого).
3. Имеется в виду кончина патриарха Тихона 25 марта/7 апреля 1925 г.
4. Епископ M. d'Herbigny — известный иезуит, автор нескольких книг о русской церкви революционного периода. Сам d'Herbigny ездил в Россию и общался там с церковными кругами, включая обновленцев. В начале двадцатых годов он был вдохновителем политики Ватикана в отношении России и основателем Понтификального Восточного Института в Риме.
5. В 1925 г. в Карловацах обсуждался вопрос о провозглашении митрополита Антония "заместителем патриарха".
6. Послание касалось признания обновленческого Синода Константинопольской Патриархией.
7. Увы, именно такое утверждение митрополит Антоний и высказывает в письме Г. Н. Трубецкому!

8. Митрополит Казанский Кирилл (Смирнов, 1863-1941?) и архиепископ Феодор (Поздеевский, 1876-ок. 1949?) выражали несогласие с попытками патр. Тихона добиться *modus vivendi* с новым строем, в частности с его решением — скоро отмененным — включить главаря обновленцев, прот. В. Красницкого, в Высший Церковный Совет. (См. Л. Регельсон, *Трагедия Русской Церкви*, стр. 359-61). Митрополит Кирилл был первым кандидатом в местоблюстители, согласно тогда еще тайному назначению патриарха. Архиепископ Феодор, последний ректор Московской Духовной Академии, был настоятелем Даниловского монастыря в Москве. Как митрополит Кирилл, так и архиепископ Феодор стали в оппозицию митрополиту Сергию после "Декларации" 1927 г. Оба скончались уже в 40-х годах. По имеющимся сведениям, оба находились перед смертью в общении с патриархией, но не занимали официального положения в Церкви, находясь, вероятно, в ссылке.
9. Патриарх Тихон был освобожден от домашнего ареста в 1923 г. под влиянием общего возмущения международного общественного мнения и протестов западных правительств. Этому возмущению, несомненно, содействовала и переписка митр. Антония с архиеп. Кентерберийским, хотя вряд ли была главной причиной освобождения патриарха.
10. Исх. 11, 7.
11. Имеется в виду т. наз. Зарубежный Съезд, созданный в Париже в 1926 г., в отеле *Majestic*, под председательством П. Б. Струве. Митр. Евлогий, как местный архиерей, ограничился служением молебна при открытии, несмотря на уговоры митр. Антония участвовать в самих заседаниях. (Митр. Евлогий, *Путь моей жизни*, стр. 610).
12. См. Антоний, архиеп., *Полное собрание сочинений*, т. 1, СПб, 1911, стр. 135-143. В "Слове" архиеп. Антоний призывал к преданности самодержавной власти. "В случае ее колебания, — пророчествовал он, — [русский народ] будет несчастнейшим из народов, поработанный уже не прежним суровым помещикам, но врагам всех священных ему и дорогих ему устоев его тысячелетней жизни..., которые отнимут у него возможность изучать в школах Закон Божий, а кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи Угодников Божиих, собирая их в анатомические театры" (стр. 143).
13. Князь Николай Сергеевич Трубецкой, племянник Григория Николаевича и участник группы евразийцев, впоследствии знаменитый ученый лингвист.

О СУДЬБАХ "ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ"
(письмо в редакцию)

Многоуважаемая редакция,

Мне кажется, что Ваш журнал должен был бы отметить значительные перемены в Русской Православной Церкви за границей, так как эти перемены, возможно, затронут духовную суть русского православного зарубежья и потенциально могут изменить весь его экклезиологический курс. В частности, стали слышны первые осторожные разговоры и о нормализации отношений синодальной юрисдикции с другими поместными православными Церквями, и о конкретном включении ее в процесс духовного возрождения на Руси.

С первого взгляда эти перемены могут показаться всего лишь неприятной политически-административной чисткой, вызванной внезапным разоблачением безнравственного поведения среди ее видных деятелей. Но если всмотреться поглубже, то можно увидеть возможность переоценки целого ряда ключевых экклезиологических положений, которые раньше почти целиком формулировались как раз теми людьми, от которых Русская Православная Церковь за границей освободилась в результате этой чистки. Речь идет, разумеется, и о падении династии Граббе, и об уходе из синодальной юрисдикции грека архимандрита Пантелеимона бостонского и его окружения.

Не входя во все неприятные детали, припомним, что влияние Граббе в Синодальной Церкви началось еще в Германии во время войны, когда царили хаос и смятение в русской эмиграции, а в Синоде председательствовал тогда уже престарелый митрополит Анастасий (Грибановский). По мере того, как митрополит слабел, Граббе укреплял свое влияние в Синоде — по сей день многие архиереи и протоиереи обязаны Граббе своим саном и положением. При митр. Филарете засилие Граббе достигло масштабов настоя-

щего политического аппарата, которому могла бы позавидовать любая политическая партия. Протопресвитер, а потом епископ, Граббе, вместе со своей партией, фактически определял официальную точку зрения и руководил всеми действиями Синода. Их установкой была, главным образом, мнимая защита чистоты и каноничности мирового православия, крайние эсхатологические пророчества с утверждением об уже родившемся Антихристе и близком конце мира. Эти представления, столь заманчивые для примитивной религиозной ревности и столь свойственные закомплексованности русских, оторванных от Родины и Матери-Церкви, со временем стали девизами Синода зарубежной Церкви и постоянными темами их изданий. С каждым годом политика Граббе все глубже затягивала зарубежную юрисдикцию в скорлупу гордого осуждения и изоляции от всех, кто не поддерживал их линию.

Любое узкое мировоззрение неизбежно вытесняет любовь и терпимость и не может существовать без врагов и интриг. Так получилось и тут — не обошлось без самой настоящей ненависти. Своими главными врагами Граббе считал Церковь в СССР и экуменическое движение. Уровень злобы и нечуткости доходил порой до трагических крайностей. Так, стало известно, что КГБ психологически и душевно издевалось над несчастным о. Димитрием Дудко, давая ему читать статьи за подписью митрополита Филарета и епископа Григория Граббе, в которых авторы обвиняли в узах заточенного священника-исповедника в том, что он, мол, безблагодатный, доверять ему нельзя и что они наперед отказываются общаться с ним — повидимому, чтобы не загрязнить чистоту православия своей юрисдикции. Тонкая душа о. Димитрия Дудко была готова к предательским ударам с советской стороны. Но снести слепоту, злобу и удар в спину со стороны тех, на кого, быть может, он полагался, и кто живет на свободе и выдает себя за свободный голос Русской Православной Церкви, оказалось ему не под силу. Батюшка сломился, но позор его публичного раскаяния камнем лежит не столько на его измученном сердце, сколько на совести мнимых блюстителей чистоты православия, которые, из-за своей гордыни и узости взглядов, с такой легкостью сыграли на руку КГБ.

Лет двадцать назад Синодальная юрисдикция сделала огромную ошибку не только с экклезиологической точки зрения, но и с канонической. Некий грек архимандрит Пантелеимон впал

в несогласие со своим правящим архиереем в США и без всякого канонического отпуска, вместе со своим монастырем и поклонниками попросился в Синодальную юрисдикцию. Граббе их так и принял под невероятным предлогом, что, мол, вся Греческая Православная Церковь впала в ересь, а от еретиков не требуется канонического отпуска. Войдя в состав Русской Зарубежной Церкви, архимандрит Пантелеимон завоевал доверие большинства архиереев Синода своим внешним благочестием, неутомимой защитой строгости и чистоты православия и постоянной лестью русскому Синоду. Он требовал от своих последователей, чтобы его называли по-гречески "эрунда", что по-русски значит "старец", в том же смысле, в каком оптинских духоносных наставников называют старцами. И вот этот синодальный эрзац-старец стал самым ревностным апологетом изоляции Зарубежной Русской Церкви и осуждения других поместных Церквей. В свое время он тоже объявил войну заключенным православным христианам в СССР. Падение о. Димитрия Лудко архимандрит Пантелеимон встретил ликованием, выдвигая это трагическое событие как доказательство обоснованности своей политики. Группы Граббе и архим. Пантелеимона быстро и естественно слились в одну синодальную партию.

Такова была печальная картина экклезиологии синодальной юрисдикции в течение последних многих лет. Были, разумеется, и исключения в ее пастырских рядах. Так, архиеп. Леонтий сослужил с другими поместными церквями у себя в Чили, архиеп. Иоанн Максимович, молитвенник и чудотворец, всегда посылал представителей в англиканский собор в Сан Франциско участвовать в их ежегодном торжестве, архиеп. Аверкий предоставлял коптам пользоваться монастырским храмом в Джорданвилле. Пожалуй, большинство пастырей по сей день разделяет такой подход, но или боится это делать открыто, или затаилось, потеряв всякую надежду на возможность улучшения. А независимых лидеров становилось все меньше, и со временем многие из них отошли ко Господу. Из всей этой старой плеяды остался один маститый протопресвитер о. Митрофан Зноско-Боровский, как последний из могикиан.

Но в 1986г. пришел неожиданный и молниеносный конец Граббе-пантелеимоновскому влиянию на экклезиологию Русской Православной Церкви за границей. Благодаря трудам известного протоиерея о. Виктора Потапова по сбору документов, а также

и большому количеству показаний самых разных лиц, еп. Граббе, членов его семьи, архим. Пантелеимона и его ближайших последователей разоблачили в нравственных и финансовых нарушениях. Почти одновременно с этим скончался митрополит Филарет, который столько лет покрывал Граббе, не уступая требованиям некоторых архиереев провести следствие.

В результате еп. Граббе уволили на покой, с его сына, архим. Антония (начальника духовной миссии на Святой Земле), сняли сан, а архим. Пантелеимона и других запретили в служении до окончательного решения духовного суда. Но архим. Пантелеимон, взяв с собой около тридцати монахов и столько же духовных лиц, перебежал в одну из многих юрисдикций греческих старо-стильников. То же сделал и бывший архим. Граббе.

В попытке прикрыть подлинную причину своего ухода из состава Русской Зарубежной Церкви, пантелеимоновская группа широко опубликовала целый ряд обвинений против нее. Из всей этой неприятной истории обвинения пантелеимоновцев и заключают в себе единственное, что может нас интересовать.

Начнем с того, что Граббе и все пантелеимоновцы перешли в другие юрисдикции без канонического отпуска, чем крепко возмутили архиереев Зарубежной Церкви. Но эти архиереи забыли, что в свое время они сами приняли пантелеимоновцев без всякого канонического отпуска и главным апологетом этого беззакония был сам Граббе. Таким образом, беззаконие породило беззаконие: что посеяли, то и пожали. Невольно думается, что причинив огромный ущерб своему духовно-административному авторитету, а также потеряв целый монастырь и около тридцати клириков, в дальнейшем Синод не будет так безответственно допускать в свои ряды клириков из других поместных Церквей без предварительного законного процесса получения канонического отпуска. И в таком случае устранится одна из главных преград нормализации межюрисдикционных отношений.

Пантелеимоновцы обвинили Русскую Зарубежную Церковь в том, что некоторые ее архиереи допускают евхаристическое общение с другими юрисдикциями. Следует отметить, что Русская Православная Церковь за границей никогда не порывала молитвенного общения с белградской Церковью, с Афоном, с иерусалимским патриархатом. Полной оторванности Зарубежной Церкви от остального православного мира формально не было. Все это

очень раздражало пантелеимоновцев, т. к. не было согласовано с их претензиями на монополию Благодати Святого Духа.

Пантелеимоновцы также стали пророчествовать, что в порыве национального подъема в связи с предстоящим юбилеем крещения Руси Синодальная юрисдикция готовится влиться в московскую патриархию. В доказательство они выдвигают появление в синодальных изданиях выражения "Мать-Церковь" по отношению к Православной Церкви в России.

Действительно, в рядах Русской Зарубежной Церкви ощущается новое отношение к России, к духовной силе русского православия и тяга ко всему духовно русскому. Началось это движение в эмиграции как реакция на духовное возрождение в России. Оно усилилось благодаря подвигам архиеп. Гермогена, о. Димитрия Лудко, о. Глеба Якунина, о. Павла Адельгейма, о. Владимира Русака, Огородникова, Огурцова и многих других исповедников, которые страхом Божиим переборолли страх перед советскими властями, но формально не порывали с московской патриархией. Их деятельность стала широко известна в эмиграции. Во многих храмах Зарубежной Церкви духовенство стало на ектениях поименно поминать современных исповедников русской Церкви — поминать, как своих братьев и сестер по духу, по вере, по Церкви. Надругательства над этими русскими подвижниками со стороны греков-пантелеимоновцев привели к отходу от них подавляющего большинства русских, а также и многих новообращенных. Вынужденное раскаяние о. Димитрия Лудко не привело к новому порыву изолированности и осуждения в рядах Зарубежной Церкви. Наоборот, оно вызвало глубокое сочувствие и соболезнование батюшке, которого так крепко полюбили. Одновременно оно вызвало сильное негодование против тех, кто, проживая на свободе, помогал его добывать.

Неожиданно большую роль сыграл акт зарубежного прославления русских новомучеников. Когда стало известно, что тексты служб новомученикам и их иконам в Советском Союзе на черном рынке ценятся на вес золота, то ощутилось новое, глубокое духовное единство русских за рубежом с русскими на Родине. Особенно молодые члены синодальной юрисдикции стали теперь хоть как-то следить за церковной жизнью в СССР, некоторые стали подписчиками *Журнала Московской Патриархии* и обсуждают его наиболее интересные статьи. Многие эмигранты теперь посещают свое отечество, где с огромным внутренним подъемом и удовлетворением

молятся и говеют за богослужениями, а по возвращении делятся впечатлениями о соприкосновении с духовной жизнью поработенного русского народа.

В свое время митр. Филарет и еп. Граббе старались приостановить это движение, особенно поездки своих пасомых в Советский Союз и их участие там в богослужебной жизни русского народа. Вместе с пантелеимоновцами они даже стали проповедовать, что Русская Православная Церковь, в отрыве от Зарубежной юрисдикции, безблагодатна и ее таинства недействительны. Но такая крайность оказалась неприемлемой, и в результате рядовые члены Русской Православной Церкви за границей стали постепенно терять духовное доверие ко всем, кто, проживая на свободе, так холодно и черство мечет камни осуждения во всю плененную Русскую Церковь за грехи отдельных ее пастырей. Вместо того, чтобы любовью покрывать наготу погрешностей, которые вот уже семьдесят лет ежедневно прибывают к ее и без того распятому Телу, эти эмигрантские архиереи, как ветхозаветный Хам, обнажают свою Мать-Церковь и отлучают ее.

С раскрытием дела Граббе-пантелеимоновцев еще ниже опустился уровень духовного доверия к тем архиереям, которые сами никогда не были в своем отечестве и не хотят быть, которые не интересуются живой информацией о духовно-церковной жизни в СССР, в особенности, если эта информация положительного характера, которые так зорко следят за малейшими погрешностями гонимых пастырей в Советском Союзе, а сами в свободной Америке десятками лет сознательно допускали полный разгул и беззаконие в собственных рядах. Негодование рядовых пастырей и духовных чад Зарубежной Церкви вылилось в нескрываемую радость при уходе из нашей юрисдикции лидеров узкой экклезиологии и ненавистников поработенной Русской Церкви и ее исповедников. Это ясно из письма прот. Александра Лебедева архим. Пантелеимону, опубликованного в официальном органе Синодальной печати, которое насыщено такой издевкой, что становится ясно, что дверь возвращения в Зарубежную Церковь для пантелеимоновцев накрепко закрыта.

Итак, после всех этих событий в Русской Православной Церкви стало все чаще слышно выражение "Мать-Церковь" по отношению — не к официальной администрации московской патриархии — а к соборной Церкви в гонимой России.

Можно ли надеяться, что эти новые сдвиги приведут к новым экклезиологическим тенденциям и что эти тенденции, в свою очередь, приведут к устранению вражды между юрисдикциями? Можно ли надеяться, что с удалением узкомыслящих последует преодоление обскурантизма и вновь найденная любовь преодолет раздробленность Церкви?

Надо не упускать из виду, что хотя главные виновники удалены, но рана еще на зажила. Впечатление такое, что еще далеко не все архиереи преодолели дух запуганности и политиканства, что еще не все они умеют духовно-административно функционировать в этой непривычной для себя обстановке. Получается три шага вперед, два шага назад. Это вполне естественно. Но если другие православные Церкви тепло и деликатно отнесутся к этому доброму начинанию, без злопамятства и иронии, то, быть может, такая поддержка и любовь помогут архиереям Русской Зарубежной Церкви, в особенности более молодым, сделать и следующие необходимые шаги на пути к нормализации экклезиологии.

Что сдвиги произошли — это несомненно. А что касается надежды, насколько она оправдана — это еще спорный вопрос.

Дискуссию по этому вопросу, не в духе церковно-политической полемики, а в духе конструктивного и дружелюбного обмена идей и информации стоило бы провести на страницах Вашего журнала.

С искренним уважением,

Н. Художникова
(США)

Михаил ОСОРГИН (1887-1950)

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРИОБРЕТЕНИИ СЕРГИЕВСКОГО ПОДВОРЬЯ

Убоюсь, еда смерть варит мя, а [сие] забвению предано будет. И написах вкратце малая от многих, да не велик труд прочитающим сотворих. Вы же отцы и братие не зарите мне [о сем] ... и не мните ложно сие ... Но весть Всевидающее Око Владыко Христос Бог наш, яко не лжу ... Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Многогрешный Калистрат
пореклу Дружина Осорьин.

*Заключение 2-ой редакции 1-го варианта
Повести об Улиании Осорьиной.*

5/18 июля 1949г. ... Какой это знаменательный день для всех, близко стоящих к Сергиевскому Подворью и так или иначе связанных с ним. Волею Божьей, предстательством преп. Сергия, в этот день, около 4-х часов дня, столь дорогое и родное Сергиевское Подворье было куплено на публичных торгах. Торги происходили в Palais de Justice в Cité, согласно условию Версальского мирного договора о ликвидации немецких недвижимых имуществ.

Чтобы последовательно описать, как Сергиевское Подворье было найдено и как дело дошло до возможности купить его на торгах, следует сделать некоторое отступление назад.

До 1924 года я жил в Германии (сперва в Баден-Бадене, а за сим в Вюрцбурге). В Баден-Бадене я впервые познакомился и вскоре близко сошелся с митрополитом Евлогием (тогда архиепископом). Митрополит поручил мне очень сложное дело — получить в его распоряжение, от испанского консульства в Штутгарте, православный русский храм, построенный в 60-х годах великой княгиней Верой Константиновной, внучкой императора Николая I. С Божьей помощью мне удалось преодолеть самые невероятные трудности, связанные с этим делом, желание митрополита было

исполнено, был организован приход, приписанный к Баден-Баденскому приходу, и образовался таким образом новый центр русского рассеяния.

Вдохновленный этой удачей, митрополит в беседах со мною стал постоянно возвращаться к теме о русском рассеянии, и в этом порядке я узнал от него, что с 1923 г., непрерывной волной, русская эмиграция, спасаясь от растущей безработицы и дороговизны в Германии, перекочевывает во Францию и, в частности, в Париж, где уже давно единственный русский храм на *rue Daru* не вмещает всех молящихся. Необходимо поэтому открыть второй приход, но до сих пор все попытки найти подходящее помещение оканчивались неудачей.

Вот когда и запала мне в голову мысль постараться послужить в этом отношении делу Божию, и так запала, что к концу 1923 г. мой переезд с женой и старшим сыном в Париж был окончательно решен. 8/21 января 1924 г. поселились мы в Клараре, имея на жизнь небольшие деньги, заработанные в Германии, что давало мне возможность не сразу приниматься за какой-либо заработок. Немедленно по приезде явился я к митрополиту Евлогию, заявил ему, что мне удалось достать в его распоряжение некоторую сумму денег (примерно около 50.000 фр.), предназначенную для устройства второго прихода, и предложил ему, если он меня благословит, посвятить себя всецело заботам о подыскании помещения для церкви. Митрополит хотя и скептически отнесся к возможности увенчания этого дела успехом, все же с величайшей готовностью меня на него благословил. При этом мы условились, что впредь я буду являться к нему только в случае каких-либо положительных достижений, чтобы не отнимать у него времени напрасно.

Со следующего же дня я принялся за поиски. Вначале было очень трудно ориентироваться в незнакомом городе, в необычных и новых для меня официальных учреждениях. Но с Божьей помощью я постепенно втянулся. Тогда еще память о героической врангелевской эвакуации была у всех свежа. Поэтому, когда я, входя во все учреждения, рекомендовался как уполномоченный главы русской эмигрантской Церкви, официальные лица встречали меня повсюду весьма благожелательно, и многие сочувствовали и всячески старались помочь, если не делом, то советом. В моем архиве сохраняется черновик списка всех бесчисленных учреждений, в которых я последовательно побывал. Упомяну лишь о

президенте Муниципального совета *Hôtel de Ville*, которому я подал прошение о предоставлении русской эмиграции либо лишенной своего прямого назначения церкви, либо пустого гаража, большого зала, или, наконец, просто участка земли, на котором можно было бы построить барак. После целого ряда переговоров я подал аналогичные прошения в министерства искусства и внутренних дел. Следует упомянуть, что с самого начала я держал в курсе своих начинаний, поисков и достижений лишь трех лиц: дядю моего, кн. Г.Н. Трубецкого, его тестя, гр. К.А. Хрептович-Буteneва, и С.Д. Сазонова, бывшего министра иностранных дел. Все трое с полным сочувствием относились к задуманному мною делу и оказывали мне содействие своими связями и знакомствами среди иностранцев. Так все вышеупомянутые прошения были подписаны нами четверьмя, в качестве прихожан на *rue Daru*. Президент Муниципального совета отнесся особо сочувственно к поданному прошению. В объединенном заседании городских голов города Парижа это прошение было рассмотрено. Единственное, что город Париж смог предложить инициаторам прошения, был пустой участок земли в 13-м *arrondissement*, расположенный в отдалении от всяких возможных сообщений, и притом за годовую арендную плату в 6.000 фр. От этого предложения пришлось отказаться. Администрация *des Beaux Arts* ответила вежливым отказом. В министерстве внутренних дел ничего подходящего для нас не оказалось, но директор отдела культов, господин Виллар, отнесся к нашему делу с большим сочувствием и дал мне адрес одной немецкой церкви на *rue Blanche*, № 25, которая стояла на очереди быть проданной с публичных торгов министерством юстиции. Отправившись по указанному адресу, я узнал, что дело касается бывшей немецкой посольской церкви домового характера, расположенной в нижнем этаже четырехэтажного дома с несколькими большими залами и четверьмя квартирами для служащих. Этот первый реальный результат, после почти полутора месяцев неудач, меня окрылил. Я занялся выяснением всех подробностей, касающихся приобретения этой церкви. Оказалось, что цена, с которой должен был начаться аукцион, была назначена в 320.000 фр. По частным сведениям мне стало известно, что приобретением этой церкви интересуются такие крупные покупатели, как Армия Спасения, магазин *Galleries Lafayette* и католическая церковь св. Троицы, что означало, что на торгах цена возрастет до совершенно недоступных для нас пределов, а потому следовало нам предпринять все возможные

шаги, чтобы не допустить церковь до торгов, но завладеть ею раньше.

С этой целью нами было составлено прошение, на имя тогдашнего министра юстиции г. Кольра, о передаче этой церкви, хотя бы временно, русской эмиграции совсем бесплатно или же на льготных условиях, для организации второго прихода. Мне удалось подать это прошение в самой благоприятной обстановке: Кольра был хорошим знакомым Марии Алексеевны Маклаковой, которая устроила так, что он пригласил ее и меня к себе на завтрак, во время которого я изложил ему все дело и подал заготовленное прошение. Министр отнесся к делу очень доброжелательно, обещал свое полное содействие и попросил дать ему две недели срока для подробного изучения дела. Чуть ли не накануне того дня, когда я должен был приехать к нему за ответом (в половине мая), кабинет Пуанкаре пал, и Кольра написал очень трогательную записку М.А. Маклаковой, что, к сожалению, пишет ей уже не министр, а простой гражданин, который больше не имеет никакой власти для помощи нам и может лишь пожелать нам успеха на торгах.

От торгов мы вынуждены были отказаться по вышеуказанным причинам. От такого неуспеха я совсем расстроился и даже немного поколебался в том, стоит ли еще время терять понапрасну. Однако, решил отправиться в отдел секвестров, где, за двухнедельный срок наведения министром справок о нашем деле, я успел познакомиться с некоторыми чиновниками, с которыми и поделился на этот раз своим горем. Один из них, отлично понимавший, что мы не можем тягаться за посольскую немецкую церковь с такими крупными конкурентами, вдруг сказал мне, что может указать адрес более скромной немецкой церкви в 19-м *arrondissement*, которая тоже будет продаваться с торгов, и что назначена официальная цена в 150.000 фр. Данный мне адрес был — 93 *rue de Crimée*.

Немедленно отправившись туда, я оказался перед воротами, запертыми на цепь и за печатями секвестра. Наведя справки у соседей, я выяснил, что сторож секвестра, местный француз, живет поблизости. Я нашел его сразу, и мы сговорились, что, за угощение в кафе, он, не трогая печатей секвестра, сможет показать мне владение. Когда я впервые очутился внутри участка, я совершенно обомлел от восторга! Представьте себе необитаемый в течение десяти лет большой участок земли, расположенный на холме и его

подножье, с домами, большими деревьями и стихийно разросшейся по всему двору травой, отгороженный от городских улиц задними стенами соседних домов. Своего рода — оазис, в котором трудно было вообразить, что находишься среди города; а десятилетние заросли эти придавали всей усадьбе большой поэтический шарм.

Бегло осмотрев церковь и все дома, я констатировал, что все здания требуют капитального ремонта. Под сильным впечатлением этой художественной запущенности, я, однако, ясно почувствовал, какое сокровище можно извлечь из этого участка для моей цели. Я настолько воспламенился мыслью, что это и есть именно то, чего я ищу, и что Господь не может не помочь мне обратить свою мечту в реальность, что ехал домой совсем преобразенный и послепил поделиться своей радостью с моими тремя дорогими сотрудниками. Как сейчас помню, приехал я на следующий день к митрополиту Евлогию, которого не видел уже около двух с половиной месяцев. Не рассказывая ему пока ничего, я спросил его, может ли он и когда именно подарить мне два-три часа времени, чтобы осмотреть найденное мною владение. Митрополит, поняв важность дела, выразил желание ехать немедленно. Я попросил его надеть простую шляпу, чтобы не привлекать к себе внимания. Через 45 минут мы выходили из метро *Botzaris*, и митрополит, глядя на незнакомое название станции, сказал: "Хорошее название — воцарись, царь Борис". Я же ему ответил: "Скоро еще лучше увидите", — и повел его к будущему Подворью через парк *Buttes-Chaumont*. Попав в этот чудный парк, владыка сказал: "Какое хорошее место, чтобы читать утреннее правило..."

Предупрежденный мною сторож поджидал нас у ворот. Митрополит был в полном восторге от всего виденного. Побывали мы с ним и в церкви, и во всех этажах всех домов. Никогда еще не видел я митрополита в таком хорошем настроении. "Не только второй приход, но и пастырские курсы можно здесь открыть", — сказал он с большим вдохновением.

На обратном пути, когда прилив первого восторга улегся, митрополит начал меня убеждать, что это полное безумие — мечтать о покупке такого владения, что оно будет очень дорого стоить, что денег у нас нет и т. д. и т. д. Я же неуклонно ему твердил, что Бог нам поможет, что я в успехе не сомневаюсь и что нам надо только твердо верить в эту Божью помощь. При этом невольно вспоминается один умилительный факт семейного характера: мой старший

сын, тогда трехлетний, по собственной инициативе прибавлял к своей утренней и вечерней молитве: "Господи, сделай, чтобы папа удалось купить церковь и чтобы секвестры его не скушали".

Расстались мы с митрополитом, условившись, что я приложу все старания, чтобы продвинуть это дело как можно скорее к торгам, пользуясь моими новыми знакомыми среди чиновников и стараясь обеспечить себе возможно более льготные условия расплаты с правительством, в случае, если нам удастся приобрести это владение на торгах.

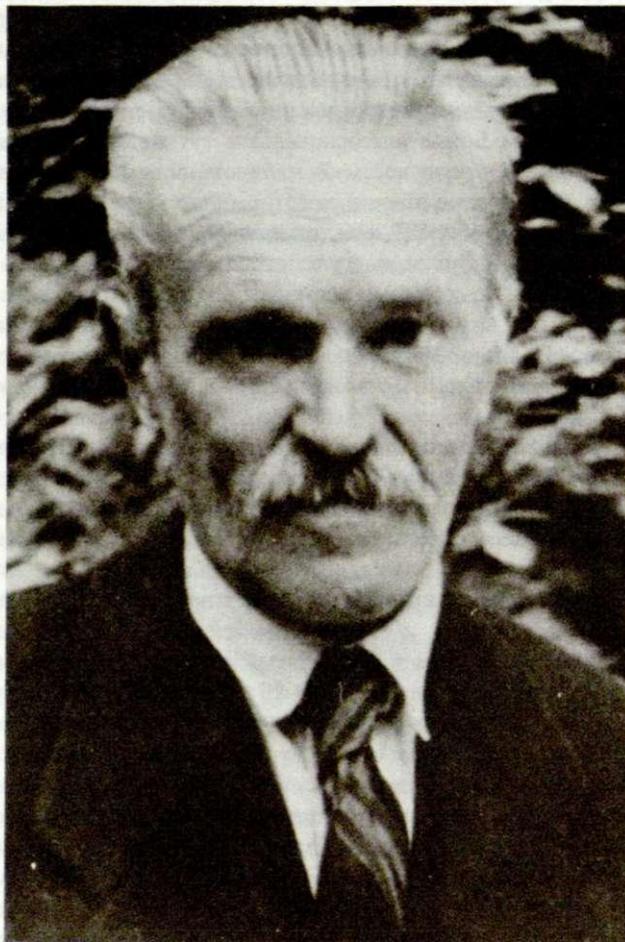
Прощаясь с митрополитом, я сказал ему: "Имейте в виду, владыка, что теперь главный успех нашего дела зависит от того, чтобы *никто* до поры до времени о нем не знал. Убедительно прошу вас дать мне свое митрополичье слово, что никому ни слова о нем говорить не будете". Владыка мне такое слово дал.

Тут еще следует упомянуть, что, продолжая неизменно уезжать каждое утро из Кламара в Париж на целый день, я оставлял своей жене денег на дневное семейное продовольствие. Однажды я вдруг обнаружил, что размениваю последнюю стофранковую бумажку. А это означало, что вместо интенсивного занятия своим делом мне придется срочно искать себе заработок. Но и тут Господь мне сразу же помог: обратившись в то же утро в Студенческий Комитет М.М. Федорова, я застал там только что полученное предложение заработка — путем раздачи по улицам и большим магазинам объявлений, рекламирующих безопасную бритву. Лучшего для себя я и придумать не мог, так как работа, не связывая меня ни с каким определенным местом, давала возможность раздавать эти объявления в районе интересующих меня учреждений.

Недели две прошли в том, что я всячески старался продвинуть дело к назначению определенного дня торгов, выясняя одновременно и налаживая наиболее выгодные условия расплаты за имущество в случае его приобретения. Мне удалось устроить нижеследующее: для права участия в торгах необходимо было внести 10% с оценки имущества, т. е. 15.000 фр. При вступлении во владение, через пять недель после аукциона, следовало уплатить все пошлины в размере около 15,5% с покупной цены, и, наконец, — основной долг накладывался на имущество ипотекой на пять с половиной месяцев из 5% годовых. На залог и уплату пошлин при вступлении во владение деньги у меня имелись, как сказано выше.

Таким образом, при нашем безденежье срок в пять с половиной месяцев для сбора покупной цены владения был все-таки недостаточный. Принимая во внимание исключительность этого крупного церковного дела, лично я не сомневался в конечном успехе. Около 1-го июня (см. объявление о торгах в *Matin* от 23 июня 1924 г.) мои знакомые чиновники в *Palais de Justice* встретили меня новостью, что торги назначены на 18-е июля. Сейчас же сообразив, что это день памяти преп. Сергия (5-е июля по ст. ст.), я увидел в этом Божье благословение и тут же поехал объявить митрополиту радостную весть. В кабинете владыки я застал его секретаря Т.А. Аметистова, с некоторых пор уже посвященного в наш секрет и всей душой нам сочувствующего. Я так и воскликнул: "Владыка, мы будем выступать на торгах в день памяти преп. Сергия, он нам поможет, и храм должен быть посвящен ему". Т.А. Аметистов прибавил: "А все владение должно называться Сергиевское Подворье". Митрополит проникновенно перекрестился со словами: "Предстательством преп. Сергия дал бы нам Бог успеха".

В остающееся до торгов время я старался всячески увеличить имевшуюся в моих руках сумму денег, чтобы тем самым успокоить митрополита, который все чаще и чаще впадал вдруг в тревогу за исход дела, боясь нашего безденежья. Для этой цели кн. Гр. Ник. Трубецкой познакомил меня с К.Е. Заменом, бывшим директором Особой Канцелярии по кредитной части. Посвященный в наше дело, он отнесся к нему с большим сочувствием, расхвалил его перед митрополитом и обещал ему поддержку в финансовых кругах, надеясь достать на это дело 25.000 - 50.000 фр. Но тут нас ожидало большое разочарование. В самый критический момент, когда мы на эту помощь особенно рассчитывали, оказалось, что К.Е. Замену ничего не удалось достать и он уехал в Виши. Лишь 2-го августа получил я от него письмо: он считал, что дело наше на этот раз проиграно, но выражал надежду на то, что мои труды ради такого дела не могут не принести благого результата, только неизвестно — как и когда. Здесь я должен отметить и подчеркнуть, что если К.Е. Замену и не удалось, как он хотел, достать денег, все же он сыграл большую положительную роль в нашем деле тем, что был единственным человеком из финансовых кругов, который не только не предостерегал митрополита от покупки владения, а наоборот — горячо подбадривал его своим принципиальным положительным отношением и искренним сочувствием.

Михаил Михайлович Осоргин
(1887-1950)

Признаюсь откровенно, что постоянные колебания и сомнения митрополита, которые я должен был рассеивать, при перегруженности работой и усталости, доводили меня часто до полного изнеможения. Не раз бывало, что, вернувшись поздно вечером в *Clamart* после целого дня хлопот, я заставал телеграмму от владыки, срочно меня вызывавшего, немедленно возвращался снова в Париж, сидел у владыки до поздней ночи, и только для того, чтобы разбить новую волну его очередных сомнений. Так, недели за полторы до торгов, владыка вызвал меня срочно телеграммой. Я явился к нему в 10-м часу вечера и вижу что-то совсем необычное в его поведении. Не глядя на меня, он глухим голосом говорит, подперев голову двумя руками: "Я окончательно решил это дело бросить, денег у нас нет, никто их не даст... Я вас вызвал, чтобы вам об этом объявить".

Меня как обухом по головехватило. Но тут же сообразив, в чем дело, я совершенно произвольно воскликнул: "Владыка, вы посвятили в это дело Коковцова?" Митрополит вдруг испуганно посмотрел на меня исподлобья и почти шепотом произнес: "Говорил". А я ему: "Это так-то вы сдержали мне данное слово? Теперь мне все понятно". Тут же я решительно попросил его устроить мне свидание с Коковцовым, сейчас же, несмотря на поздний час. Митрополит с готовностью согласился, и через 15 минут я уже сидел у Коковцова. Здесь я обнаружил, что митрополит посвятил Коковцова во все подробности нашего дела, а он, не давая мне даже высказаться до конца и обещая, как он выразился, "быть кратким", произнес целую речь, как перед большим собранием, всячески стараясь меня окончательно разбить по пунктам. Закончил он свою речь словами: "Веры у вас хоть отбавляй, но недвижимое имущество покупается с бумагой и карандашом в руках и с деньгами в кармане. У вас ни того, ни другого, ни третьего нет". Мне стало совершенно ясно, что с таким человеком и спорить не стоит, ибо никаких доводов он не примет. Я встал, извинился за беспокойство в поздний час и пошел обратно к митрополиту.

Митрополит так и набросился на меня с вопросами, но я, безнадежно махнув рукой, говорю ему: "Разве можно прошибить каменную стену?" И тут, к великому моему стыду, доведенный всем предыдущим до крайне нервного состояния, я не выдержал и вдруг неожиданно для самого себя так разрыдался, что долго не мог совладать с собой. Как ни странно, но именно это спасло положение, казавшееся безнадежным. Бедный владыка не на

шутку испугался, схватил стакан воды, начал меня отпаивать, обнимая и приговаривая: "Голубчик, простите, забудьте все, никогда я больше слушать не буду, будем с вами участвовать в торгах, только успокойтесь ради Бога". После этого происшествия, вплоть до самых торгов, владыка был тверд и непоколебим.

После этого моего свидания с гр. Коковцовым, когда, несмотря на все его сопротивление, Подворье все же было куплено, он года два дулся на меня, что, однако, не помешало нам быть потом в самых лучших отношениях, причем в других делах он не раз оказывал мне большие услуги.

Вся эта упорная борьба с препятствиями, чувство своего полного одиночества и смутное сознание того, что может быть и действительно не по плечу я взял себе задачу, сделали то, что в самые последние дни, предшествовавшие торгам, я впал в апатию и в чувство безнадежности. Помню, 14-го июля, глядя из окна своей квартиры в Кламаре на взвизывающиеся над Парижем ракеты традиционного в этот день фейерверка, я думал, что все мои мечты о втором приходе так же безнадежно разлетятся и исчезнут, как эти ракеты. Однако на следующий день я поехал в последний раз перед торгами взглянуть на будущее Подворье, с целью тоже исполнить обещание — показать его двум младшим братьям Ковалевским, которых я посвятил в секрет. Одного вида Подворья, утопавшего в густой, сочной зелени деревьев, было достаточно, чтобы меня вновь окрылить. Очень подбодрили меня и восторги братьев Ковалевских, искренно уверенных в помощи преп. Сергия.

Наконец наступил так долго мною жданный и один из самых значительных дней моей жизни — день преп. Сергия, 5/18 июля 1924 года.

Накануне, по желанию владыки, мы с ним условились, что на торгах предельной цифрой, выше которой я не пойду, будет 300.000 фр. Я лично не придавал никакого значения какому бы то ни было "пределу", т. к. в сущности ни одной, ни двух, ни трех сотен тысяч у нас в кармане не было, поэтому на предложение владыки сразу согласился. В дальнейшем, как видно будет ниже, был момент, когда эта самая цифра поставила меня в положение почти трагическое. Затем владыка наметил такой порядок следующего дня: к половине первого приеду на *rue Daru*, где он сам отслужит молебен и благословит меня иконой преп. Сергия, после чего я отправлюсь в *Palais de Justice*, где торги назначены были на два

часа дня. В то время у русских, живших во Франции, день преп. Сергия никак особенно не отмечался, и потому на *rue Daru* в этот день служилась простая будничная литургия при очень малом количестве молящихся. Когда владыка заявил, что желает отслужить посреди храма молебен преп. Сергию, это произвело на всех впечатление чего-то необычного. Митрополит служил один, я стоял рядом с ним в качестве поющего, а молящимся был С.Д. Сазонов, именинник в этот день, знавший, кроме того, о цели молебна. В момент, когда митрополит благословлял меня иконой преп. Сергия, он к нам подошел и шепнул владыке: "На большое, хорошее дело он отправляется, уверен, что будет успех".

Приехав заблаговременно в *Palais de Justice*, я сразу нашел своего поверенного, мэтра Клузо, которого мне очень рекомендовали как уже пожилого и очень ловкого человека, без услуг которого я не мог бы обойтись, так как суд вел торги только при посредстве поверенных. Будучи совершенно неопытным в делах судебных аукционов, не имея понятия о том, можно ли быть вполне откровенным со своим поверенным, я передал ему 15.000 фр. — необходимую плату за право участия в торгах. Но сказать ему, до какого предела я согласен торговаться, я все не решался, несмотря на многократные его вопросы об этом. Внесших залог для участия в торгах, кроме меня, было человек 16, которые каждый со своим поверенным гуляли в зале, примыкавшей к аукционному помещению. Среди них один был представитель Армии Спасения, и мой поверенный невольно еще увеличил мое волнение, сказав, что Армия Спасения — очень серьезный и опасный конкурент, т. к. обладает долларами и фунтами, которых у нас нет. Остальные конкуренты — не страшные, мелкие местные торговцы.

Все эти наши переговоры были прерваны резким звонком, приглашавшим нас и наших поверенных занять места в аукционной полукруглой зале с длинными скамейками, расположенными амфитеатром. Примерно треть зала занимал большой стол, накрытый зеленым сукном и окруженный креслами — для судей. Только теперь, сидя рядом со своим поверенным, и увидав, что он не может больше общаться ни с кем, кроме меня, я шепнул ему, что мой предельный максимум — 300.000 франков. Он выразил опасение, что владение может подняться в цене гораздо выше, во всяком случае просил моего разрешения вести торги по своему усмотрению и, для начала, молчать и только слушать, что скажут противники; я согласился. Наши переговоры были прерваны входом

суда. Все судьи были в средневековых тогах с белыми жабо. Последний нес в руках два подсвечника, один с горящей свечой, другой — с особым фитильком, который, когда его зажигают, горит всего секунд восемь. Каждый раз во время аукциона, когда какая-нибудь цифра повисала в воздухе, этот судья зажигал горящей свечой фитилек, торжественно объявляя: "Dernier feu". Если какой-нибудь поверенный во время горения фитилька назначал цифру выше предыдущей, судья тушил фитилек и торги продолжались дальше. В случае же молчания противников до момента, когда фитилек погасал сам, судья произносил сакраментальное слово: "Eteint", и на этом торги кончались в пользу последнего поднявшего цену.

Со входом суда воцарилось гробовое молчание. Председатель предложил судебному приставу огласить описание продаваемой недвижимости. Торги начались. На фоне установившейся тишины, то тут то там прерываемой вполголоса назначавшими со своих мест цену поверенными, вид судей и адвокатов в средневековых тогах, горящей свечи и то вспыхивающего, то погасающего фитилька создавал настроение большой торжественности.

Сидя рядом со своим поверенным, я судорожно сжимал на пальце правой руки кольцо с частицей мощей преп. Сергия и был в совершенно невменяемом состоянии от волнения. Представитель Армии Спасения, сидевший наискось от нас, так же, как и мой поверенный, молчал. Торги начались с официальной цифры — 150.000 франков, и мелкие конкуренты начали прибавлять от 500 до 1000 фр. Так постепенно цена поднялась до 180.000 фр., и на этой цифре зажгли фитилек. Тут поверенный Армии Спасения, увидав, что мой мэтр Клузо продолжает упорно молчать, поднял цифру на 5000 фр. Тогда мой поверенный, глядя в пространство, кинул цифру — 10.000 фр. Первый прибавил еще 5000, мой — 10.000, и т. д. и т. д. При этом каждую цифру мой поверенный произносил с таким видом, что даже у меня, знавшего, что дальше 300.000 он не пойдет, было чувство, что он способен бросать цифры вдвое больше противника до бесконечности... Не успел я оглянуться, как цена, поднятая моим поверенным до 300.000 фр., повисла в воздухе, я же вдруг заметил, что представитель Армии Спасения замотал головой своему поверенному, отказываясь от дальнейшего участия в торгах. И нам зажгли последний огонь. Вдруг один из мелких конкурентов прибавил 1000 фр., и последний огонь зажгли ему. Мой замолчавший поверенный начал шептать

мне на ухо, что этот конкурент совсем не страшный и вот-вот упадет. Неужели мы откажемся от торгов в такой критический момент?! Этот страстный шепот адвоката вызвал во мне целый рой мучительных терзаний: слушаться ли владыку, не превышать 300.000 фр., или послушаться поверенного и рискнуть еще немного поторговаться... Все это заняло меньше восьми секунд времени. Но что я за этот короткий срок пережил и перестрадал от мысли, что наше дело может сейчас рухнуть — не поддается описанию. В результате я шепнул поверенному, что согласен поднять цену до 325.000 фр., и он, спокойно глядя в пространство, продолжал торги, изменив лишь масштаб своей тактики, применяясь к противнику, т. е. на каждую 1000 фр. с его стороны прибавлял 2000 фр. Надо думать, что у всех конкурентов сложилось впечатление, будто мой поверенный, задавшись целью приобрести владение во что бы то ни стало, за ценою не постоит, а двойную цену набавляет, лишь чтобы поиграть с противником, как кошка с мышкой. В результате на цифре 321.000 фр. с нашей стороны противник замолчал, и судья нам зажег "dernier feu"... Через восемь секунд, в гробовом молчании, раздалось сакраментальное слово: "Eteint". Клузо, сразу преобразившись, бросился пожимать мне руку, поздравляя с окончанием торгов в нашу пользу.

Не теряя ни минуты, я помчался к митрополиту объявить ему о нашей радости. Застал его сидящим в кабинете. На мое восклицание: "Владыка, поздравляю вас с покупкой Сергиевского Подворья!" — он как-то полунедоверчиво-полуиспуганно на меня взглянул и говорит: "Бросьте шутить, говорите правду". — "Да ведь я сущую правду и говорю". — "За сколько вы купили?" — "За 321.000 франков". — "Это вы так-то сдержали наше условие не превышать 300.000 фр.?.. Спасибо вам, что так меня подвели. Не ожидал".

Я был до того ошеломлен этой совершенно неожиданной для меня реакцией владыки, что, не помня себя, почти на ходу воскликнул: "Хорошую благодарность я от вас за все получил", — и выбежал из кабинета не прощаясь. Приехав в Кламар, я был встречен совершенно иначе своими единомышленниками: старый граф Хрептович и кн. Григорий Николаевич Трубецкой горячо меня поздравляли, обнимали, всей душой радовались со мной и немало огорчились, узнав о встрече меня владыкой.

Тут же гр. Хрепович, старый, еще по России, знакомый митрополита, составил владыке латинским шрифтом поздравительную телеграмму, чтобы успокоить и подбодрить его: "Поздравляю, горячо радуюсь приобретением на славу Божию. Хрепович".

Со следующего дня начались новые хлопоты и осложнения. Прежде всего юридическая сторона дела. По положению этого судебного аукциона, покупка окончательно оформлялась лишь по утверждении, т. е. в день ввода во владение нового владельца, при условии уплаты им соответствующих пошлин и налогов. До этого дня всякий имел право явиться в суд и, внося залог в размере 10% с последней покупной цены, хотя бы самым пустяшным увеличением этой цифры расстроить состоявшийся торг, который в таком случае, через 6 месяцев, снова начинался с этой цифры. По закону, ввод во владение в данном случае был назначен на 18-е августа. Принимая во внимание настроение владыки, я тщательно скрывал от него эту возможность, тем более, что в первые же два дня после торгов результат их начал получать огласку в ближайшем окружении владыки, вызывая отрицательное отношение к покупке у подавляющего большинства, что все больше и больше колебало владыку. Такой авторитет в глазах митрополита, как гр. Коковцов, узнав, что торги состоялись в нашу пользу, убеждал владыку отказаться от внесенного залога в 15.000 фр., который он брался возместить, выражая при этом свое негодование на то, что владыка связался с "сумасшедшим мальчишкой" (это я) и что дело кончится большим скандалом.

На все это вдруг я получаю письмо от поверенного представителя Армии Спасения, заверенное самим представителем, lieutenant-commissaire Albin Reugon. В вежливой форме поверенный сообщал мне, что его клиент не захотел быть моим конкурентом только потому, что я представитель русского митрополита, по существу же, его чрезвычайно интересует нижнее помещение церкви, или в крайнем случае два дома (ныне причтовый и академический) для собраний Армии Спасения. Поэтому он спрашивает, можно ли ему рассчитывать заарендовать у нас это помещение. Такое письмо меня смутило. Показать его владыке — ясно, что он заставит меня немедленно отказаться от покупки в пользу Армии Спасения. С другой стороны, оставить письмо без ответа было чрезвычайно рискованно, ибо, как сказано выше, Армия Спасения вполне могла сорвать торги. Вдруг меня осенила счастливейшая интуиция: без

малейшего колебания я написал поверенному, что прошу передать мою глубокую благодарность его клиенту за благородный отказ от соревнований, что владыка в настоящее время отсутствует, но, как только он вернется, я ему обо всем доложу, и не сомневаюсь, что возможно будет найти какое-нибудь соглашение. 19-го августа, после ввода во владение, я написал поверенному, что владыка, выражая глубокую благодарность его клиенту, к великому сожалению, лишен возможности исполнить его желание, т. к. все помещения крайне нужны нам самим.

До ввода во владение следует отметить два события. За первую неделю после торгов разные деловые люди из финансовых и торгово-промышленных кругов так вскружили голову бедному владыке, доказывая безумие этой покупки, что я почувствовал необходимость предпринять решительные меры, дабы рассеять его пессимизм. У меня явилась мысль предложить ему обратиться к тогдашнему председателю торгово-промышленников С.Н. Третьякову, единственному среди всех своих коллег нейтрально относящемуся к нашему делу, с просьбой отправить на место владения своего доверенного архитектора с поручением осмотреть владение, оценить его и дать свое заключение с чисто коммерческой точки зрения: выгодна ли наша покупка или нет? Одновременно мне удалось убедить владыку в том, что это заключение должно быть решающим фактором, от которого будет зависеть — следует ли нам отказаться от своей покупки или же нет.

Довольно крупный французский архитектор, господин Левек, подробно осмотрев владение, представил заключение, что существующие здания жилых помещений и самой церкви, как не представляющие абсолютно никакой ценности, подлежат сносу, с тем, чтобы одновременно произвести полную нивелировку земли всего участка в 3092 м². Полагая, что придется произвести выемку от 18.000 до 20.000 кубических метров земли, и что все работы обойдутся примерно в 400.000 фр., к каковой сумме надо прибавить стоимость самого владения, 321.000 фр., да 19% налога на покупку, 60.990 фр., что даст цифру расходов в 781.990 фр., он высчитал, что квадратный метр земли нивелированного участка, с двумя выходами на улицы *Crimée* и *Meynadier*, обойдется в 250-260 фр. Принимая во внимание, что тогдашняя цена земли этой части Парижа была 400-500 фр., вывод архитектора был таков, что покупка наша выгодная и следует ее удержать, даже не считаясь

с тем, каково будет ее назначение. Такое заключение архитектора подействовало на владыку очень благоприятно, значительно его подбодрив.

Второе событие заключалось в том, что, как сказано выше, в моем распоряжении имелась сумма примерно в 48.000 фр., к которой прибавилось 5.700 фр. пожертвований сочувствующих лиц, — всего 53.200 фр. Из них — 15.000 фр. были внесены мною за право участия в торгах. К 18-у августа, дню ввода во владение, необходимо было внести все пошлины и проценты по покупке, что, неожиданно для меня, оказалось выше предполагаемой мною суммы, ибо внесенные мною 15.000 фр. за право участия в торгах были предназначены к вычету при взносе правительству основного долга, но не включены в общую сумму налогов по вводу во владение. В результате у меня не хватало 12.000 франков.

Срок взноса приближался, я метался во все стороны, чтобы раздобыть 12.000 фр. И всюду, точно сговорившись, мне отказывали, ибо настроение большинства продолжало быть крайне отрицательным. В виде иллюстрации отмечу, что сам однажды слышал в церковном дворе на *rue Daru*, как кто-то, говоря обо мне в связи с Сергиевским Подворьем, назвал меня автором "мертворожденного ребенка".

Время шло, а денег все не было. Да простит мне ныне покойный гр. Хрептович-Бутенев, если, невзирая на его чрезвычайную природную скромность, я все же поведаю о том, какую невероятно чудесную и буквально спасительную услугу он оказал тогда Сергиевскому Подворью. Как я уже говорил, он особенно горячо переживал все наши успехи и затруднения. Он вместе со мной волновался о недостающих 12.000 фр., не имея возможности мне их дать, будучи сам в трудном финансовом положении в этот момент. В поисках возможности достать эти деньги, он, между прочим, обратился к одной своей богатой племяннице (гр. Е. III.), умоляя ее о помощи. Зараженная общим отрицательным отношением к нашему делу, она наотрез отказала. Наконец, за 6 дней до срока, 12-го августа, в день своего рождения, я пришел утром в домовую церковь гр. Хрептовича в Клараре. В саду меня неожиданно поразил вид возбужденного старичка-графа, который нетерпеливо махал мне издали какой-то бумажкой, повторяя: "Поздравляю, поздравляю". Думая, что он поздравляет меня с рождением, я подхожу к нему и вдруг вижу, что он протягивает мне чек в 12.000 фр. Что же я узнал?! Оказывается, выезжая из Австрии во

Францию, граф оставил тамошнему своему доверенному в делах какую-то акцию, не котировавшуюся тогда на бирже, с поручением продать ее в случае, если бы она выгодно поднялась в цене. Вот этот поверенный и писал теперь графу, что акция сильно поднялась и он ликвидировал ее, боясь ждать дальше. Результат ликвидации — 12.000 фр. — он посылает графу. Ни минуты не задумываясь и совершенно не считаясь со своими личными финансовыми затруднениями, граф отдал мне эти деньги на покрытие недостающей суммы для ввода во владение.

Итак, 18-го августа владыка был введен во владение. Теперь нам оставалось собрать 321.000 фр. до 30 января.

Следует упомянуть, что 6-го и 7-го августа в покоях владыки состоялось два заседания: первое — совещательное, избравшее Деловой Комитет, второе — Делового Комитета, по учреждению в Париже, во вновь купленном владении, Духовной Академии. Как наиболее существенное из сказанного на этих заседаниях следует отметить заявление проф. В.В. Зеньковского о том, что др. И. Мотт предоставил в распоряжение владыки 5.000 долларов на покупку Подворья, — это был первый крупный взнос. На заседании 7-го августа, по моему предложению, единогласно был привлечен к активному участию по сбору денег кн. Б.А. Васильчиков, с которым я предварительно переговорил и заручился его согласием. Своим влиянием, связями и общительным характером князь оказал делу неоценимую услугу. К 14-му августа секретарем Епархиального управления Т.А. Аметистовым было выработано "Положение о Комитете по сооружению Сергиевского Подворья в Париже". Первоначальный состав этого комитета был таков: архим. Иоанн (Леончуков), прот. Георгий Спасский, кн. Г.Н. Трубецкой, Г.Г. Кульман (как представитель др. Мотта), А.В. Карташев, кн. Б.А. Васильчиков, А.К. Бутенев, Л.Н. Липеровский и я. Комитет этот состоял из трех комиссий: строительной, финансовой и учебно-богословской. В ближайшее же время он был пополнен приглашением следующих лиц, также много содействовавших конечному успеху: П.А. Вахрушева, Н.Т. Каштанова, Н.И. Шидловского, прот. Сергия Булгакова и Е.П. Ковалевского. В день Преображения Господня митрополит обратился к своей епархии с воззванием о сборе денег на Сергиевское Подворье. Это воззвание было прочитано во всех странах Европы, где имелись подчиненные митрополиту приходы. Во многих местах были организованы

местные комитеты по сбору денег, и постепенно работа закипела. Дружно и плодотворно работала наша финансовая комиссия, возглавляемая кн. Б.А. Васильчиковым и его помощником П.А. Вахрушевым.

В период от 18-го августа до 7-го сентября, на первые поступившие гроши, были приведены в возможно приличный вид две комнаты нижнего дома консьержа, и 7-го сентября мы с женой и трехлетним старшим сыном туда переехали. Мы тогда ожидали появления на свет нашего второго сына, недели через две, но очевидно переезд и устройство на новом месте ускорили сроки, и он родился рано утром на следующий день нашего переезда.

Первое время мы жили в очень примитивных условиях, из-за недостатка средств к произведению необходимых ремонтов. У нас было ни газа, ни воды, ни света, крыша в кухне сгнила и провалилась. И только значительно позже, к концу сентября, когда начались более серьезные ремонты во всех зданиях, мы оказались в более сносных условиях. Первая православная служба, совершенная 9/22 сентября в Сергиевском Подворье — это было таинство крещения нашего второго сына — Николая. Совершал его митрофорный протоиерей о. Иаков Смирнов, настоятель храма на *rue Daru*, в нижней комнате того же дома консьержа. В этой же комнате была отслужена и первая литургия на Сергиевском Подворье в день памяти нашей родовой святой — прав. Иулиании, 2/15 января 1925 года. Служил о. Георгий Спасский.

По мере поступления пожертвований, наша строительная комиссия начала самые необходимые ремонты во всех зданиях, а также и работы водопроводные, канализационные, газовые и кровельные. По поручению строительной комиссии, я заведовал всеми работами. В день осеннего праздника преп. Сергия, 25 сент. /5 октября/, когда я по обычаю отворял ворота и впускал рабочих, я вдруг услышал сверху какие-то крики первых рабочих, поднявшихся к церкви. Взглянув туда, я с ужасом увидел, что вся передняя колокольня церкви в огне. Оказалось, что кровельщики с вечера поставили на колокольне прикрытую затушенную жаровню для пайки. Ночью уголь жаровни раздуло ветром, и от упавшей искры деревянная колокольня загорелась. Общими усилиями удалось затушить пожар; слава Богу, что он не вспыхнул до прихода рабочих!

Вечером того же дня Б.К. Зайцевым была прочитана первая лекция в пользу Сергиевского Подворья. Для более успешного сбора пожертвований кн. Васильчиков объединил представителей печати разных политических направлений. Насколько я помню, в Париже в то время существовали три газеты: "Последние Новости", "Вечернее Время" и "Русская Газета". Среди этих представителей особенно горячо отнеслись к нашему делу И.П. Демидов и И.В. Никаноров. Не проходило дня, чтобы в одной из этих газет не появлялось то статьи, то какой-нибудь заметки о Подворье, то сведений о поступивших пожертвованиях с указанием суммы недостающих денег. В ноябре месяце 1924 года И.П. Демидов поместил в газете длинную статью гр. Хрептовича-Бутенева об истории пятидесятилетнего пребывания этого владения в немецких руках и об основателе и строителе его — пасторе Бодельшвинге. Эти сведения были заимствованы из немецкой юбилейной книжки, изданной в 1908г. (ко дню пятидесятилетнего юбилея), которую я нашел на одном из чердаков.

Пожертвования поступали в большинстве случаев маленькими суммами. Наш казначей, мой большой друг Н.И. Шидловский, собирал одно время сведения о самых трогательных пожертвованиях, которым несть числа. Упомяну несколько подобных случаев, которых сам был свидетелем. Однажды поздно вечером, в ноябре месяце (было уже темно), постучалась в ворота какая-то бедная старушка; на мой окрик спрашивает: "Это здесь будет Сергиевское Подворье?" — "Здесь". — "Примите мое пожертвование", — и сует мне 10 фр. с просьбой помолиться о рабе Божией Марии. Или вот еще: возвращаемся мы однажды с о. Георгием Спасским из-за города в Париж. На вокзале *St Lazare* подходит к нам носильщик в форме и на ломаном русском языке спрашивает о. Георгия, русский ли он священник; на утвердительный ответ он сует ему 25 фр. на Сергиевское Подворье от себя и двух товарищей. Это оказались "три русских калмыка", как он объяснил. Другой случай — получил я с острова Явы, "от одинокого русского", без адреса и без имени, в простом письме такую монету "на Сергиевское Подворье", что пришлось обойти три-четыре банка, пока наконец ее признали действительной и даже довольно дорогой и разменяли. Совершенно особо следует отметить один из ряда вон выходящий случай денежной помощи — от некрещеного русского еврея. Наступил ноябрь месяц, срок расплаты с французским правительством приближался, а в нашем Комитете доставало еще 100.000 фран-

ков. Хотя пожертвования и продолжали поступать, но очень нерегулярно. Было бы неблагодарно рассчитывать на сбор всей суммы к сроку. Мы начали обсуждать вопрос о частном закладе недвижимости, или займе под недвижимость. Предложений мы получали много, но нас удерживали очень высокие проценты. По этому поводу мой знакомый Э.А. Крейслер выразил мне свое удивление, что мы до сих пор не догадались обратиться за помощью к русскому филантропу Моисею Акимовичу Гинзбургу — бывшему крупному угольному подрядчику нашей Тихоокеанской Эскадры и большому другу всех русских моряков, которым он постоянно помогал. Я решил сейчас же к нему поехать. С помощью Крейслера мне сразу было устроено свидание. С первых же слов разговора с М.А. я понял, что он охотно готов нам помочь, если митрополит его об этом попросит. Уверенный, что владыка на это согласится, я даже условно сговорился с Гинзбургом о дне и часе их свидания. Мои ожидания оправдались. В назначенный день и час мы с владыкой были у Гинзбурга. Выслушав митрополита, М.А., глубокий старик (думаю, лет 80-и), сказал, что рад иметь возможность помочь крупному русскому делу, ему только надо точно знать, что именно нам нужно. Узнав, что мы просим 100.000 фр. займа, Гинзбург говорит (передаю дословно): "Владыка, конечно я вам эти 100.000 фр. сейчас же дам, и рад был бы вам их просто пожертвовать, но боюсь, что вас за это потом заклеят, скажут, что жид (так он и сказал) купил церковь русскому митрополиту. Поэтому я предпочитаю дать вам эти 100.000 фр. займа, конечно, без всяких процентов и без каких-либо расписок, с тем, что если разбогатеете, вернете мне долг, а нет, можете и не возвращать, в претензии не буду". Мы с владыкой не знали, какими словами благодарить М.А., и уехали от него с чеком на 100.000 франков в английских фунтах. Наша финансовая комиссия сразу воспряла духом, а ее председатель, кн. Б.А. Васильчиков, выразил желание отнестись к этим деньгам, как к долгу чести, долженствующему быть отданным при первой же возможности и в первую голову. Благодаря помощи М.А., мы внесли свою задолженность французскому правительству в назначенный срок — 30 января 1925 года. Для исторической справки следует упомянуть, что согласно счету нашего поверенного, имеющемуся в моем архиве, покупка Подворья обошлась:

Право участия в торгах	15.000,00 фр.
Проценты и пошлины при вводе во владение	49.853,40
Основной долг правительству — 321.000	
За вычетом внесенных — 15.000	306.000,00
Проценты по закладной за 6 месяцев	7.437,50
Итого	378.290,90 фр.

История помощи Гинзбурга быстро получила огласку, что дало повод малоосведомленным лицам среди противников митрополита пустить версию, что Подворье куплено благодаря жидомасонской помощи. Практически же эта огласка способствовала поступлениям крупной финансовой помощи со стороны русских банков и отдельных торгово-промышленников. В этом участвовал, между прочим, и банк гр. Коковцова, и даже М.Н. Гирс, который был все время до этого решительным противником какой бы то ни было помощи. Изменив свой взгляд, он внес 50.000 фр. из русского дипломатического фонда, которым он распоряжался. Эти последние пожертвования способствовали осуществлению капитальных ремонтов, начатых в сентябре 1924г. и расширявшихся затем в зависимости от наличных денег в кассе. Большая часть ремонта всех зданий была закончена ко дню освящения храма — 1 марта 1925 года. Полностью же ремонты завершились в апреле месяце. Из представленного мною нашему Комитету счета выходит, что нами всего было истрачено на приведение в порядок пяти зданий, как снаружи так и внутри, — 91.525 фр. По категориям работ расходы распределены так:

1. Столярные и плотничьи работы	16.190 фр.
2. Малярные работы	25.193
3. Кровельные работы	17.700
4. Водопроводные, канализ. и газовые раб.	15.415
5. Слесарные работы	3.150
6. Штукатурные и гипсовые работы	5.472
7. Печные работы	4.910
8. Стекла для церковных витражей	310
9. Мелкие непредвиденные ремонты	3.185
Итого	91.525 фр.

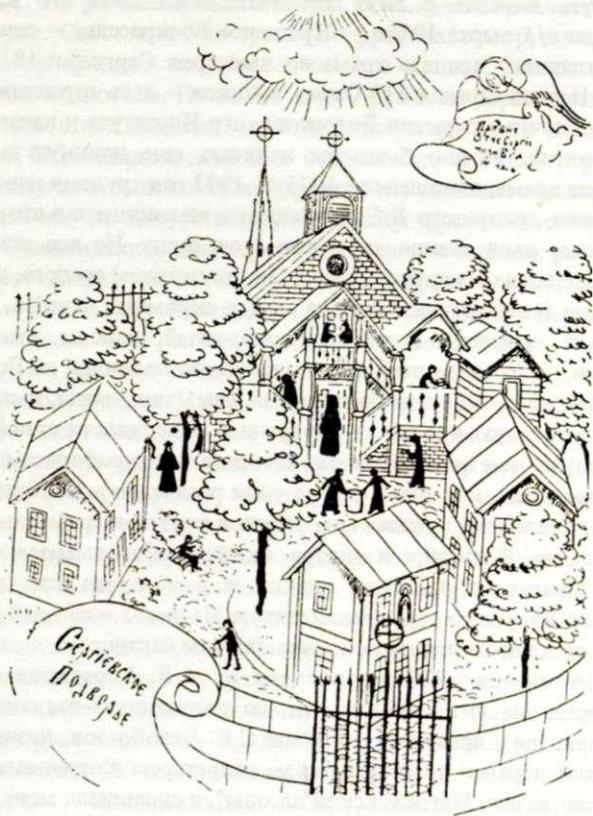
Благодаря все продолжавшим поступать пожертвованиям, мы довольно скоро могли бы заплатить большую часть своего долга Гинзбургу. Собственно, та сумма во франках, которую мы реализовали при продаже полученных от него фунтов, имелась у нас в кассе уже полностью. Но за это время франк на бирже упал и наша наличность стала недостаточной для покрытия всего долга. Наш казначей Н.И. Шидловский и я отправились к Гинзбургу, чтобы внести ему всю наличность во франках в счет нашего долга. М.А. похвалил нас за аккуратность, взял наши франки и, совершенно для нас неожиданно, заявил, что мы с ним в полном расчете. На наше возражение, что вследствие падения франка мы остаемся еще в некотором долгу, Гинзбург, с хитрой улыбкой, открыл ящик своего стола и показал нам бумагу, удостоверяющую, что в день выдачи нам фунтов он застраховал их от возможного падения. Горячо поблагодарив М.А., мы уже собрались уезжать, как вдруг он меня остановил и сказал, что хотел бы приехать на Подворье в какой-нибудь день, когда там будет мало народу, чтобы осмотреть владение и подумать, чем еще он мог бы нам помочь (не сомневаюсь, что у него была тайная мысль найти предлог вернуть нам отданный ему долг). Выбрав однажды соответствующий день, я приехал за М.А., и мы отправились на Подворье, где нас ждали, предупрежденные мною, владыка и архимандрит Иоанн. Пока мы поднимались в гору, причем Гинзбург оглядывал все здания опытным хозяйским глазом, вдруг, совершенно неожиданно, перед нами как из-под земли вырос NN, человек безусловно ненормальный, который постоянно приходил на Подворье и слонялся там целыми днями. Он нагло подошел к М.А. и, глядя на него в упор, проговорил: "Жид пархатый... Тыфу, нечисть!" — и плюнул ему под ноги. Мы все бросились извиняться за эту ужасную выходку, объясняя Гинзбургу, что этот человек сумасшедший, что не надо обращать на него внимания и пр. М.А. вежливо нас слушал и вежливо отвечал, но, осмотрев затем владение лишь поверхностно, отказался от предложенного ему чая и уехал, повидимому, оскорбленный в душе. После этого случая он, вероятно, решил не оказывать нам больше никакой помощи. Так этот благороднейший старик был вознагражден за свое доброе дело!

С выкупом Подворья, когда оно стало уже подлинным русским имуществом и памятником плодотворной работы и жертвенного подвига русской эмиграции, мои воспоминания о покупке

Сергиевского Подворья кончаются. Однако, позволю себе еще упомянуть вкратце о двух знаменательных днях его истории: 16 февраля/1 марта 1925 г. — Прощеное Воскресенье — день освящения главного придела храма во имя преп. Сергия, и 18/31 мая 1925 г., Неделя Святых 318 Отцов в Никеи — день торжественного акта по случаю открытия Богословского Института и начала учебных занятий. Можно было бы написать еще длинную историю о росписи храма, длившейся с 1925 по 1927 год трудами известного художника-декоратора Д.С. Стелецкого, вложившего в это дело не только все свои знания, но и всю свою душу. Но все это имело место уже после освящения храма. За отсутствием средств, освящение храма было организовано на самых скромных началах. Иконостас был временно поставлен матерчатый, работы художника Соломки; Д.С. Стелецкий лишь мимолетно появился на Подворье 16/29 октября 1924 г. и посоветовал мне, для начала, смыть всю старую масляную краску со внутренней поверхности стен церкви, а на полученном фоне росписью изобразить по трафаретам холсты с кругами (так, как они и сейчас у нас расписаны). Из Каннов, где он жил, Стелецкий прислал мне рисунки кругов и трафареты полос для холстов. В декабре и январе, окончательно замерзая в нетопленном помещении будущей церкви, я расписывал эти холсты с помощью будущего студента института Матвеева, который, к сожалению, стал впоследствии довольно видным баптистом.

3/16 января 1925 г. я получил от А.В. Карташева письмо, в котором он мне сообщал, что, по полученным им сведениям, 15/28 января приезжает в Париж С.С. Безобразов, назначенный владыкой первым преподавателем, секретарем и черновым работником по началу Богословской школы", и спрашивал меня, можно ли к его приезду получить пристанище на Подворье, "ибо ему указано, что жить он будет там, занимая одну комнату на положении одинокого монаха". Я сейчас же ответил А.В., что комнату приготовлю. К назначенному дню С.С. Безобразов (впоследствии ректор института еп. Кассиан) приехал и поселился в нижнем этаже профессорского дома. К середине апреля на Подворье приехал из Сербии еп. Вениамин, назначенный на должность инспектора Института. В июле из Праги приехал протоиерей Сергей Булгаков с семьей. С открытием Института на Подворье начала налаживаться нормальная учебная жизнь монастырского характера.

—оОо—

(Рисунок сестры Иоанны Рейтлингер)

И вот уже четверть века прошла с тех пор!.. Все бурные переживания, связанные с приобретением Подворья, созданием храма и Богословского Института, все обратилось в далекие воспоминания. Скольких лиц, близко связанных с историей создания Подворья, уже нет на этом свете. Нет дорогих моему сердцу трех верных единомышленников и вдохновителей — кн. Г.Н. Трубецкого, гр. К.А. Хрептович-Бутенева и С.Д. Сазонова. Нет моего друга кн. Б.А. Васильчикова, который так способствовал успеху финан-

совой комиссии по сбору средств. Нет дорогого Н.И. Шидловского, с которым мы так сблизились в совместной работе. Наконец, нет самого владыки Евлогия, со смертью которого закрылась целая страница моей собственной жизни. Столько общих интересов и совместных переживаний нас с ним связывало в отношении Подворья. Бывало, я внутренне начинал негодовать на владыку за его нерешительность и колебания в моменты, когда надо было быть твердым и решительным. Но стоило мне вспомнить его добродушную милую улыбку, с которой он сам постоянно направо и налево хвастался, как он, вместо того, чтобы благодарить, изругал меня за покупку Подворья, — как я все ему прощал. Особенно впоследствии, когда я почувствовал в нем ту же подлинную горячую любовь к Подворью, которую я сам испытывал.

Сколько студентов, окончивших Богословский Институт и сделавшихся священниками, разошлись в разные страны света, духовно окормляя православную паству русского рассеяния по всему лицу земли. Кому из русской эмиграции, живущей в Париже, не знакомо Сергиевское Подворье и особая атмосфера, охватывающая всякого, вступающего в его пределы.

При входе, против ворот, икона преп. Сергия, благословляющего входящих богомольцев, с постоянно горящей лампадой перед ней (сооружена икона гр. О.Б. Орловой-Денисовой ко дню освящения храма). Далее храм, в котором ежедневно совершается литургия и правится весь годовой круг церковных богослужений. Сколько вздыханий, горьких и радостных слез знают стены этого храма! И сколько раз Господь, предстательством нашего небесного покровителя преп. Сергия, чудесно охранял Подворье и помогал в трудные, порою почти безнадежные минуты. Мы все, живущие на Подворье, настолько привыкли к постоянным чудесам, что, к стыду нашему, часто и не замечаем их по своему нечувствию.

Да будет же и впредь милость Божья над этим благословенным местом.

29 июня / 12 июля 1949 г.,
в день свв. Первоверховных апостолов Петра и Павла.

†

ВЕНОК ПРАВЕДНИКАМ

За второе полугодие 1987 русский Париж осиротел: каждый месяц приносил весть о кончине в преклонном возрасте кого-нибудь из последних представителей первой эмиграции, из тех, кого иначе не назовешь как праведниками. Одни оставались сугубо частными людьми, другие были вовлечены в общественность. Но и те и другие праведностью своей, сами того не зная, прославили Бога, прославили и страну, что их породила и воспитала. Поистине, были они образом и незаметной славой уходящей, если не безвозвратно ушедшей России.

Частным человеком была **Ирина Владимировна Зандрок** (1898-1987). Дочь известного земского деятеля В.А. Оболенского, она прожила бы, вероятно, безмятежную жизнь, не будь революции с ее бедами. Во время гражданской войны семья Оболенских разделилась. Часть во главе с отцом эвакуировалась в Константинополь; Ирина Владимировна с матерью оставалась в крымском имении. В 1922г., в связи с попыткой друга семьи, Ю. Никольского, ~~вызвать семью~~ из Совдепии, все были арестованы, перевезены в Москву.*

Здесь, по личному вмешательству Ленина (которого В.А. Оболенский когда-то укрывал в своем псковском имении), они были освобождены. Но соединиться семье удалось лишь в 1925г.

В эмиграции Ирина Владимировна вышла замуж за искусствоведа Ю. Зандрока, оставшегося без работы по специальности. Тогда началось обычное суровое, предельно бедное эмигрантское бытие.

*) Ю. Никольский, известный литературовед, умер по дороге, в харьковской тюрьме, от гангрены.

Зандроки поселились в горах, где то заводили пансион, то разводили коз и пчел, а в самые трудные военные годы нанимались лакеями во французское буржуазное семейство. Но от Ирины Владимировны никогда не было слышно ни жалобы ни ропота. В беднейшем одеянии, в беднейшей обстановке, на кухне или в полях, она сохраняла не только достоинство, но нечто большее: поразительные цельность и лучезарность. В ней "не было ни лжи ни раздвоения". Естественная мудрость, простота, подлинность в чувствах и словах, всегда приправленных тонким юмором... Ничего светского, ни тени тщеславия, непосредственное приятие бытия как блага, несмотря на нищету, бесперспективность, одиночество.

Религиозного воспитания в лево-либеральной кадетской семье Ирина Владимировна не получила. Но судьба прибывала ее к разным проявлениям религиозности. Монахиней стала ее сестра, мать Бландина. От полной нищеты, когда пчелиный промысел уже не приносил доходов, спасли монахи-трапписты, пригласив Зандроков сторожами в их музей при монастыре. Да и последние годы жизни выпало провести в отдельном домике на территории бывшего православного монастыря, превращенного в старческий дом, при церкви.

Ирина Владимировна до конца сохраняла и свежесть ума, и интерес к жизни, и активную доброту: чуть ли не старшая по возрасту, она помогала другим, разносила еду больным, утешала, может быть, не столько словами, сколько своим неизменно светлым присутствием...

Мысль невольно переносится в прошлое. Ветхий деревенский домик на повороте горной дороги. Бодро вышагивает по ней стройный бывший земский деятель, выгоняет с тростинкой в руках бывшая княжна худошавых коз... Какая легкость бытия: ни денег, ни вещей, ни родины, ни общества, ни дела, и вместе с тем сколько неподдельной красоты в ~~жестках~~, в обращении, в улыбке, в ~~расказах~~, в разговорах...

†

Не менее частным человеком была Ольга Ивановна Слезкина, тихо угасшая на 96 году жизни... (разве что через дочь, истую и активную церковницу, зачерпнувшая толику общественности), а вместе с тем может служить примером, до какой духовной красоты (эллино-христианской "калокагафии" — соединения

красоты и блага) можно достичь на путях именно частной жизни. Безукоризненная воспитанность, широкая культура, нравственная высота, интерес прежде всего к другим (никогда к себе!), близость чему-то главному, о чем по скромности, по стыдливости громко не говорят, или что прикрывают юмором. Близость к Богу, которая, ~~как~~ было сказано на отпевании, обогащала всех, кто с Ольгой Ивановной соприкасался. Годы не имели власти над ней: благословенная старость (не без испытаний), при

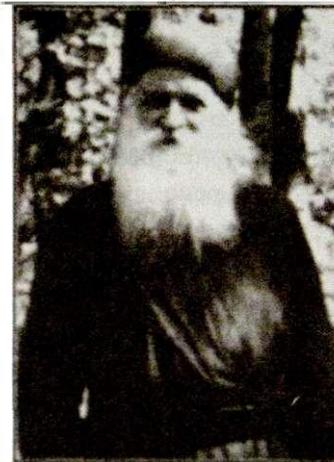
полной ясности ума, отзывчивости сердца. В крохотных комнатках утлого летнего домика в *Vussy*, близ Покровского монастыря, встречал вас человек ветхий днями, но молодой духом, подтрунивающий над собой, со взором, устремленным внутрь. И всякий раз, после посещения, легче верилось, по слову Баратынского, "и себе и небу".

Тамара Федоровна Клепинина (скончавшаяся на 89 году жизни), и по мужу, священномученику о. Димитрию, и по своей природе, принадлежала общественности. В эмиграции ее властно захватила ~~двигательная~~ стихия: идеями и идеалами Р.С.Х. Движения она была пропитана до мозга костей и осталась им верна до конца. С поразительной стойкостью согласилась она на подвиг мужа, отдавшего свою жизнь за спасение евреев во время немецкой оккупации, хотя и была тогда матерью двух малолетних детей. Общественной работе и воспитанию детей посвятила она свои долгие —

более сорока лет — одинокие годы. Работала она в русской секции *Y.M.C.A.*; позже, когда секция закрылась — в издательстве *YMCA — PRESS*. Общение с Бердяевым оставило в ней неизгладимый след.

Она много трудилась над его архивом, составила библиографию его произведений, задумала расширить ее и на работы о нем. До конца дней в ней билась жилка христианской общественности, желание видеть христианство не только в умозрении, но претворенным и в социальной жизни.

Движенцем изначально был и отец Сергей (Кирилл) Шевич, скончавшийся после долгой болезни на 83 году жизни. Более того: до 1931г. он ~~не только~~ участвовал в движенческих кружках, но и вел регулярно в "Вестнике РХД" хронику церковной жизни в СССР. Под эгидой Бердяева выступал он и с лекциями о Достоевском, которого знал на зубок. В 1931г., когда митр. Евлогий, запрещенный митр. Московским Сергием за участие в молениях о гонимой Церкви, должен был выйти из повиновения ему, о. Сергей остался в лоне Московской Церкви, где принял монашество, а затем и священство.

Изучать положение Церкви в советской России он продолжал со страстью: прочитывал все советские газеты и журналы, всю антирелигиозную литературу, выискивая между строк признаки выживания религиозного чувства. Но в печати уже не выступал: принадлежность к Московской Патриархии обязывала к сугубой осторожности, если не к полному молчанию. Да по природе своей, о. Сергей хотя и увлекался Движением и младороссами (царь + советы), общественником не был, а скорее созерцателем и пастырем.

Пастырству он отдавался целиком, неустанно посещал больных и одиноких. Ненадолго выезжал он в Святодуховский скит под Парижем, для отдыха и созерцания. (Там сопостником его был известный иконописец о. Григорий Круг). В Париже жил он в совершенной бедности, о себе не заботясь, в темном и сыром помещении, заваленном журналами и книгами (только в последние

годы и церковь и квартирка о. Сергия были перенесены в более жилое помещение). Когда в начале 60-х годов я писал книгу о христианах в сов. России, то часто к нему приходил, подолгу сидел в его логовище, пользуясь его знаниями и материалами, пытался с ним спорить, но всегда сдавался ... не его доводам, а его беззлобью и светящемуся смирению.

†

"От начала войны все трое старших сыновей Кривошеиных рвались, как бы боясь опоздать умереть за Россию"... — так начинается в "Марте 17-ого" 193-ая глава, посвященная Солженицыным первому в жизни — однодневному — аресту тогда 17-летнего **Игоря Александровича Кривошеина**, в самом начале февральской революции...

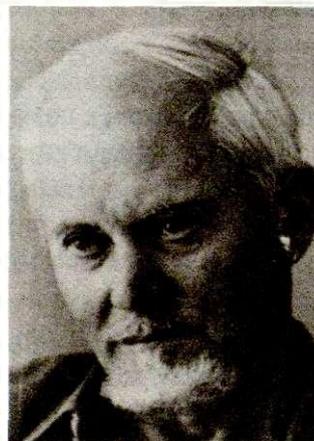
Умереть за Россию так И.А. и не получилось, зато пострадать за правду пришлось немало.

В эмиграции, инженер по профессии, Игорь Кривошеин увлекался, вместе с женой, младороссами, примкнул к масонству, был близок к Православному Делу матери Марии. Во время войны участвовал в сопротивлении, был арестован Гестапо, выстоял перед пытками, был депортирован в Бухенвальд... Вернувшись через несколько месяцев из лагеря, увлекся на свою беду советским патриотизмом, был выслан французскими властями в СССР, где вскоре советские власти его арестовали и отправили в концлагерь на целых пять лет...

Уже много лет спустя, после ареста, затем освобождения и выезда на Запад сына, Кривошеины решили во вторую эмиграцию...

"... Игорь не испытывал страха"... В превратностях судьбы, сквозь ошибки и испытания, Игорь Александрович сохранял поразительную цельность, светлость и скромность: подлинно рыцарь духа! И, как выше поминаемые, отличался он легкостью бытия и бытия, тем высоким юмором, без которого главное и существенное затемняется, если не вытесняется частным и преходящим...

†

Дмитрий Михайлович Панин (1912-1987) не принадлежал к первой эмиграции, но по своему облику к ней примыкал. Инженер-физик, он просидел 14 лет в советских лагерях и тюрьмах и, как известно, послужил прототипом Солженицыну в создании образа Соловьева "В Круге Первом". Рыцарское, дон-кихотское начало в нем преобладало. Он жил страстью (побороть мировой коммунизм), отвлеченной наукой и навязчивой идеей: соединить физику и метафизику, научную истину и богословскую,

перестроить всю общественность на незыблемых началах. Рьяный противник коммунистической злой утопии, он сам заразился утопическими взглядами. Одно время увлекался католичеством, надеясь в нем найти надежного союзника в борьбе с большевизмом. Разочаровавшись, вернулся к православию. Еще из России Дмитрий Панин прислал статью для напечатания в "Вестнике РХД" (см. №98: "Слово новичков", под псевдонимом Денисов) — это было его первым выступлением в печати. И последнюю свою статью он непременно хотел напечатать в "Вестнике": увы, появляется она уже посмертно...

Н. Струве

Второе полугодие 1987 было также отмечено кончиной писателя **ВИКТОРА НЕКРАСОВА** и иконописца и богослова **ЛЕОНИДА УСПЕНСКОГО**. Некрологи о них будут помещены в ближайшем номере "Вестника".

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Получив №150 "ВЕСТНИКА", с интересом ознакомился с помещенными в нем материалами, и, в частности, с материалами рубрики "Крестный путь русской иерархии". Во втором публикуемом вами письме протопресвитера о. Василия Виноградова преосв. епископу Иоанну (Шаховскому) — автор, видимо, сам оставил свое письмо без даты — есть такое место:

"... чтобы убедиться, что политика патр. Сергия была продолжением политики патр. Тихона, достаточно вспомнить два документа:

1) Обращение патр. Тихона к Верховному Суду, ценою которого он получил освобождение из заключения;

2) Так называемое завещательное послание патр. Тихона, опубликованное после его смерти.

Порицателям церковной политики патр. Сергия настолько не нравится это послание, что они обозвали его подложным.

Но смею уверить, что оно было подписано патр. Тихоном за несколько часов до его смерти, и мне хорошо известно, как оно произошло и при каких обстоятельствах оно подписано...

Я все собираюсь, но никак не могу собраться написать обо всем этом свои воспоминания".

Редакция сделала сноску: (воспоминания) "изданы в 1959 г. под заглавием "О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона". Однако, эта работа протопресвитера проф. Виноградова, содержащая, в частности, наиболее полный из всех известных нам анализ вопроса о подлинности так называемого "Завещательного послания патр. Тихона", почти неизвестна не только современному читателю, но и авторам исследований по истории Русской Церкви советского периода, которые на нее даже не ссылаются в приводимой ими библиографии.

Опубликованное в "ВЕСТНИКЕ" письмо о. Василия Виноградова преосв. владыке Иоанну не может не создать у читателя впечатления, что о. Василий, непосредственный участник событий, твердо отстаивал подлинность "Завещательного послания патриарха Тихона". Между тем, в своей работе "О некоторых важнейших

моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона", изданной в Мюнхене в 1959 г., то есть лет двенадцать спустя, о. Василий Виноградов приходит к диаметрально противоположному заключению. Вопросу о "Завещательном послании" о. Василий посвящает заключительную главу своей работы, семнадцать страниц убористого шрифта. Вероятно, стоило бы ее полностью воспроизвести в "ВЕСТНИКЕ", а то и переиздать целиком работу протопр. Виноградова. Здесь в подтверждение своих слов о том, что о. Василий коренным образом изменил позицию, высказанную им в письме владыке Иоанну, приведу лишь несколько кратких отрывков из его книги:

"... можно считать за несомненное: если митр. Петр на совещании этого послания ("Завещательного послания". — Г. Р.) не огласил, то значит Тучков ему такого требования не предъявлял; а если Тучков ему такого требования не предъявлял, то он мог поступить так только по одной единственной причине: *подписи патриарха под текстом "послания" не было: митр. Петр этой подписи не получил* (выделено о. Василием Виноградовым). Но Тучков был человеком, способным для достижения поставленной цели не останавливаться и перед обманом: ... он решается *неподписанный патриархом проект послания объявить подписанным*. ... И вот вся Россия и за граница читают новое "послание патр. Тихона", опубликованное самым официальным образом в официальном правительственном органе и объявленное в качестве как бы "завещания".

"... Что митр. Петр в действительности не считал напечатанное в "Известиях" "послание" подлинным, это он совершенно ясно проявил уже тем, что это "послание" не было им разослано по епархиям и приходам ..."

"Но еще доказательнее, в смысле неподлинности "послания", является отношение к нему митрополита Сергия. В качестве необходимого условия для легализации Патриаршего Управления, Тучков потребовал от митр. Сергия особого послания с ясным и определенным заявлением о его полном признании Советской власти и о искреннем расположении к ней. Все это как нельзя более сильно выражено в "предсмертном патриаршем послании". И если бы оно было подлинным, то первое, что должен был бы потребовать Тучков от митр. Сергия, чтобы он выразил в своем послании свое полное признание этого "патриаршего послания" и изъявление своей верности всем тем директивам в отношении Советской власти, какие там даются русской иерархии. Мало того, прямой ссылки на это "послание" и на данные там как бы "патриаршие"

директивы безусловно требовало от митр. Сергия и наличное настроение иерархии и церковного народа. Издавая такое послание, митр. Сергий хорошо знал, что с мыслями его послания крайне трудно будет примириться и иерархии, и церковному народу и что с их стороны в том или другом объеме, но непременно должно обрушиться на него негодование ... И как бы ему было легко отвлечь от себя лично это негодование самым решительным образом — ссылкой и прямыми выдержками из "послания". ... Но митр. Сергий в своем известном послании от 29-го июля 1927 г. явно и решительно уклоняется от какого-либо упоминания об этом "послании" и от ссылок на него ... "

(Сопоставления текста "Завещательного послания патриарха Тихона" с декларацией митрополита Сергия) — "... с решительной убедительностью говорят, что митр. Сергий решительно отрицал подлинность этого "послания" и явно и сознательно игнорировал его. Мог ли допустить это Тучков, если бы "патриаршее послание" было подлинным, если бы он мог предъявить митр. Сергию подлинный оригинал послания с подлинною подписью патриарха? Конечно, нет... Требовать же и настаивать, чтобы митр. Сергий оперся в своем послании на документе фальшивом (разбивка о. Василия Виноградова), было уже не в интересах Тучкова. Если бы митр. Сергий в своем послании обосновал свой новый курс ... на директивах этого "послания", то вся энергия церковной оппозиции против этого курса неминуемо сосредоточилась бы на дебатах о подлинности (выделено о. Василием Виноградовым) этого послания, что было теперь не только не в интересах, но, наверное, и опасно для дальнейшей карьеры слишком смелого большевистского фальсификатора из ГПУ".

Все это совершенно опровергает мысль, высказанную о. Василием Виноградовым в его письме преосв. владыке Иоанну. Причины, побудившие о. Василия пересмотреть свою точку зрения на данный вопрос, мне неизвестны. Скорее всего, просто — более интенсивные размышления над ним в ходе подготовки книги.

Глеб РАР

LE MESSENGER — VESTNIK c/o A. C. E. R.
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France.
(Compte Postal: «LE MESSENGER» - N° 23 601 57 U - Paris)

ПОДПИСКА НА 1988 год

Фамилия: _____
Адрес: _____

Просьба прислать мне список старых адресов "ВЕСТНИКА РХЦ"

Прошу подписать меня на "ВЕСТНИК РХЦ" 1988 г.

с международной доставкой почтой (See Mail)
полученной почтой (AIR MAIL)

(и энг: фр. 240. = со фригидо)
(ром: фр. фр. 270. = французские See Mail)
(итал: фр. фр. 370. = AIR MAIL)

(N.B. в США, Канаде и Австралии — см. адреса наших представителей на обложке журнала)

Прилагается чек в _____
или денежное «LE MESSENGER» _____

1988

ВОЛНУЕТ

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

ПОМОГИТЕ "ВЕСТНИКУ" !

"Вестник Р.Х.Д. нужен в России". — пишут нам из СССР. "Вестник — лучший журнал зарубежья", пишут нам из США и из других западных стран. Но, к сожалению, Вестник, не получающий ниоткуда субсидий, вновь находится в тяжелом материальном положении. Несколько лет подряд удавалось сбалансировать бюджет. Расходы и так сведены к минимуму. За исключением печатания, корректуры и рассылки, Вестник живет добровольным трудом редакции и сотрудников. Тем не менее расходы растут, число подписчиков не увеличивается... Мы не уверены, сможем ли мы в этом году выпустить обещанные три номера.

Мы вынуждены поэтому обратиться к читателям и друзьям Вестника с призывом прийти на помощь журналу.

Вносите аккуратно подписную плату! Старайтесь приобрести Вестнику новых подписчиков. Не забывайте Вестника в Ваших пожертвованиях на добрые дела, не забывайте его и в Ваших завещаниях. От Ваших усилий зависит будущее журнала...

Редакционная коллегия

(см. бланк для подписки на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции: С тяжелым чувством... — И. Струве 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Сокровенный аспект Рождества — <i>о. Матта Эль-Мескин</i> ...	5
Из писем к Ю.Н. Рейтлингер — <i>прот. Сергей Булгаков</i> ...	17
Из лекций по патрологии: 1. Послание Псевдо-Варнавы. 2. "Пастырь" Ерма — <i>архим. Киприан Керн</i>	43
Во что христиане верят — <i>К.С. Льюис</i>	64
О невозможности доказательства бытия Бога Кантом. Справедливо ли оно в XX веке? — <i>Д. Панин</i>	74

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

■ Иосиф Бродский — Нобелевский лауреат 1987	
Стихи — <i>И. Бродский</i>	86
Поэзия нового измерения — <i>Ю. Кублановский</i> *	91
Стихи — <i>Римма Запесоцкая</i>	94
■ Из "Митинного Журнала"	
Подвальные встречи — <i>Аделаида Герцык</i>	101
Этюды о поэтике Ходасевича — <i>Г. Васильючкин</i>	127
*	
Белый и Ходасевич: к истории отношений — <i>Р. Хьюз</i>	144
Киплинг и Гумилев — поэты двух империй — <i>И.Ф. Мартынов</i>	166
К истории независимой печати в Советском Союзе: "Перегидам" — неизвестный текст Замятина — <i>Леонид Геллер</i>	190
Четвертый том собрания сочинений Вяч. Иванова — <i>прот. Кирилл Фотиев</i>	204

СУДЬБЫ РОССИИ

Письмо группы священников и мирян патриарху Пимену .	211
Памятник преп. Сергию	216
■ Материалы к истории русской Церкви за рубежом	
У истоков зарубежного раскола — <i>прот. Иоанн Мейендорф</i>	219
Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому	227
Письмо митр. Антония к Г.Н. Трубецкому	237
О судьбах "Зарубежной Церкви" — <i>Н. Художникова</i>	242
Воспоминания о приобретении Сергиевского Подворья — <i>Михаил Осоргин</i>	249
*	
Венок праведникам (Памяти И.В. Зандрок, О.И. Слезкиной Т.Ф. Клепининой, о. Сергия Шевича, И.А. Кривошеина, Д.М. Панина) — <i>Н. Струве</i>	274
*	
Письмо в редакцию (О "Завещательном послании патр. Тихона) — <i>Глеб Рар</i>	280

Не забудьте подписаться на "Вестник" 1988
— бланк для заказа на стр. 283.

SOMMAIRE

<i>A nos lecteurs</i> — Nikita Struve	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
<i>Un aspect secret de la Nativité</i> — P. Matta El-Meskin	5
<i>Lettres à Julia (sœur Jeanne) Reitlinger</i> — S. Boulgakov	17
<i>L'Epître de Pseudo-Barnabé & "Le Pasteur" d'Hermas</i> — archim. Cyprien Kern	43
<i>Ce que croient les chrétiens</i> — C. S. Lewis	64
<i>De l'impossibilité de prouver l'existence de Dieu selon Kant.</i> <i>Est-elle justifiée au XX siècle?</i> — Dimitri Panine	74
LITTERATURE ET VIE	
■ Iossif Brodski — Prix Nobel de Littérature 1987	
<i>Poésies</i> — Iossif Brodski	86
<i>Une nouvelle dimension dans la poésie</i> — Yu. Koublanovski	91
*	
<i>Poésies</i> — Rimma Zapesotskaia	94
■ "La Revue de Mitia" (Léningrad) — extraits	
<i>Mes amis des sous-sols</i> — Adelaïde Gertsyk	101
<i>Le thème de l'amour & Intonations du futur dans la poésie</i> <i>de Khodassevitch</i> — G. Vassioutchkine	127
*	
<i>Biély et Khodassevitch</i> — Robert Hughes	144
<i>Kipling et Goumilev, poètes de deux empires</i> — I. Martynov	166
<i>Histoire de la presse libre en URSS: "A tous les Pérégouds"</i> — un texte inconnu de Zamiatine — Léonid Heller	190
<i>Le 4-è tome des Oeuvres complètes de Viatch. Ivanov</i> — P. Cyrille Fotiev	204

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

*Lettre au Patriarche Pimène : des prêtres et des laïcs d'URSS
répondent aux vœux du Patriarche à l'occasion du 70-è
anniversaire de la Révolution d'Octobre* 211

Un monument à saint Serge, Zagorsk, 1987 216

■ **Les destinées de l'Eglise russe en exil**

*Les origines du schisme de l'Eglise "Hors Frontières"
— P. Jean Meyendorff* 219

*Lettres des métropolitains Anastase et Antoine au prince
G.N. Troubetskoi* 227

L'avenir de l'Eglise "Hors Frontières" — N. Khoudozhnikova 242

*

*Souvenirs sur la création de l'Institut de Théologie Saint-Serge
à Paris — Michel Ossorguine* 249

In Memoriam

I. V. Zandrok, O. I. Slezkine, T. F. Klépinine, D. Panine,
P. Serge Chévitch, I. A. Krivochéine — *N. Struve* 274

Courrier des lecteurs

A propos du "Testament" du Patriarche Tikhon — G. Rahr 280

ВЕСТНИК

Издание
"Русского Студенческого Христианского Движения"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

- В Америке — East :**
Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.J. 07302, USA.
- **West :**
Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.
- В Канаде :**
«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.
- В Англии :**
«Aid to the Russian Church», (Miss Ellis),
P.O. Box 200, BROMLEY, Kent, BR1 1QF.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

